

ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2019 **2** (835)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

2

выпуск 835

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

2

Issue 835

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор научного журнала
«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки»
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф. (Испания)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц. (Армения)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф. (*ответственный редактор*)

Беблер А., д-р социол. наук, проф.
Белозёров В. К., д-р полит. наук, доц.
Брега А. В., д-р полит. наук, проф.
Ивашов Л. Г., д-р истор. наук
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Кемаль Оглу И., д-р истор. наук, доц.
Колесников А. А., д-р истор. наук, проф.
Лапшов В. А., д-р социол. наук, проф.
Образцов И. В., д-р социол. наук, проф.
Плоских В. М., д-р истор. наук, проф.
Примаков В. Л., д-р социол. наук, проф.
Пророкович Д., д-р полит. наук
Саблуков А. В., д-р социол. наук, доц.
Сидорова Г. М., д-р полит. наук
Синчук Ю. В., д-р полит. наук, проф.
Хазанов А. М., д-р истор. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бельский В.Ю., Гусев Н. Н.

Системный кризис мировой цивилизации: реалии и перспективы 9

Брега А. В., Афанасьева Д. А., Машьянов Д. А.

Межпоколенческий транзит элиты в современной России:
вероятный сценарий и рискогенные тенденции 18

Емельянов А. И.

Роль Аргентины в Латиноамериканских интеграционных
организациях (на примере УНАСУР) 28

Касюк А. Я., Леонтьев Е. Д.

Социально-политические аспекты концепции взаимоотношения
спорта и политики 40

Мальченков С. А.

Пространственная фрагментация российской национальной
идентичности 62

Савченко Е. О.

Роль Австралии в системе военных союзов США 77

Равняго А. С.

Конфликт в Южном Судане:
роль Великобритании в стабилизации обстановки 94

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Косторниченко В. Н.

Концепция англосферы как основа внешнеполитического курса
англоязычных стран 106

Ночвина Б. А.

Влияние идей Октябрьской революции в России
на становление Веймарской Германии и внешнюю политику
Веймарской Республики 118

Плотников А. Ю.

Японские территориальные конфликты
с соседними государствами в послевоенный период
и «проблема» Российско-японского мирного договора 128

Савосичев А. Ю.

Дьяки Желябужские: к вопросу о социальном происхождении
приказной бюрократии в России конца XVI – начала XVII века 140

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверина М. В.

Анализ влияния социокультурных факторов развития общества
на формирование спортивных предпочтений поколений Y и Z 162

Ерохин Е. Г.

Сущность и содержание управленческой культуры:
социологический анализ современных отечественных подходов 176

Примаков В. Л.

Методологические основания интерпретации результатов
анализа данных эмпирического социологического исследования 186

Саблуков А. В.

Политическое настроение как объект социологического анализа 203

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Belsky V. Y., Gusev N. N.</i> World Civilization System Crisis: Reality and Perspectives	9
<i>Brega A. V., Afanasyeva D. A., Mashyanov D. A.</i> Intergenerational Transit of the Elite in Modern Russia: a Probable Scenario and Risky Trends	18
<i>Emelianov A. I.</i> The Role of Argentina in the Latin American Integration Organizations (on the example of UNASUR)	28
<i>Kasyuk A. Y., Leontyev E. D.</i> Social-Political Concepts of Sports and Politics Relation	40
<i>Malchenkov S. A.</i> Spatial Fragmentation of Russian National Identity	62
<i>Savchenko E. O.</i> Role of Australia within the System of US Military Alliances	77
<i>Ravnyago A. S.</i> Conflict in South Sudan: the Role of the Great Britain in Stabilizing the Situation	94

HISTORICAL SCIENCES

<i>Kostornichenko V. N.</i> The Concept of the Anglosphere as the Basis of the Foreign Policy of English-Speaking Countries	106
<i>Nochvina B. A.</i> The Influence of the Ideas of Russia's October Revolution on the Formation of Weimar Germany and the Foreign Policy of the Weimar Republic	118
<i>Plotnikov A. Yu.</i> Japan's Territorial Conflicts and Disputes with the Neighbouring States in the Post War Period (after the Second World War) and the "Problem" of Russo-Japanese Peace Treaty	128
<i>Savosichev A. Yu.</i> Clerks Zheliabuzhskie: on the Social Origins of Bureaucracy Mandative of the Late XVI – Early XVII Centuries	140

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Averina M. V.

Analysis of the Influence of Socio-Cultural Factors of the Society
Development on the Formation of Sports Preferences
of Generations Y and Z 162

Erokhin Eu. G.

Essence and Content of Management Culture:
Sociological Analysis of Modern Domestic Approaches 176

Primakov V. L.

Methodological Basis of the Results of Data Analysis Interpretation
of Empirical Sociological Research 186

Sabloukov A. V.

Political Mood as an Object of Sociological Analysis 203

УДК 327

В. Ю. Бельский, Н. Н. Гусев

Бельский В.Ю., доктор философских наук, профессор; начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я.Кикотя; e-mail: v.belskiy@bk.ru

Гусев Н.Н., кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я.Кикотя; e-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье названы основные черты системного кризиса мировой цивилизации. Раскрывается комплекс противоречий, связанных с процессом глобализации, постоянным кризисом современной мировой экономики, кризисными явлениями в сфере глобальной и региональной политики, геополитики в целом. Показана роль западной цивилизации в общечивилизационных глобальных процессах, в развитии системного кризиса мировой цивилизации.

Ключевые слова: мировая цивилизация; цивилизационные вызовы и угрозы; системный кризис; руководящее ядро мировой системы; геополитика; доминирующая цивилизация; западная цивилизация; США; НАТО.

V. Y. Belsky, N. N. Gusev

Belsky V. Y., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of sociology and political science Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot; e-mail: v.belskiy@bk.ru

Gusev N. N., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor in the department of sociology and political science of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot, e-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

WORLD CIVILIZATION SYSTEM CRISIS: REALITY AND PERSPECTIVES

The article reveals a complex of contradictions associated with the process of globalization, permanent systemic crisis of the modern world economy, crisis phenomena in the sphere of global and regional politics, geopolitics in general. The

role of Western civilization in the global processes of civilization is shown. The features of the system crisis of the world civilization influencing the further development of events and realization of different probabilistic tendencies in its resolution are dedicated.

Key words: world civilization; civilizational challenges and threats; global crisis; leading core of the world system; geopolitics; dominant civilization; western civilization; USA; NATO.

Введение

Новый век – новые реалии. На рубеже веков и тысячелетий сложилась новая картина мира: как следствие распада мировой системы социализма и изменения формационной принадлежности ее бывших основных компонентов произошло восстановление системного единства современного мирового сообщества. В отсутствии противостояния социально-экономических систем и конкуренции между ними относительно единая мировая система получила исторический шанс реализовать принципы либерализма и на основе господствующих цивилизационных ценностей и норм международного права построить более стабильный, безопасный мир и обеспечить его прогрессивное развитие. Однако собственные системные противоречия раскрыли ранее скрытый в процессе противоборства с противоположной социальной системой потенциал, выявили неопределенность перспектив существования и развития. На фоне процессов глобализации кризис современного капитализма оказался как бы встроенным в кризис так называемой мировой цивилизации [Системные аспекты глобализации 2014].

Возникшая проблема явно актуализируется тем, что сама мировая цивилизация объединяет в себе несколько конкурентных цивилизаций, вынужденное относительное единство которых обеспечивается их сосуществованием на одной планете, а также наличием доминирующей западной цивилизации, объединяющей наиболее экономически развитые страны, имеющие возможность в силу своего высокого статуса на мировой арене определять направленность и формы развития человечества, обеспечивать собственное господство в мировой политической системе. Процесс глобализации при этом идет под эгидой доминирующей системы государств как своеобразного управляющего центра мировой системы человечества, что позволяет ей решать собственные проблемы, обеспечивая себе более выгодные условия существования и развития в ущерб другим субъектам мировых процессов.

Основы межкультурного конфликта

Кризис мировой цивилизации наглядно показал, что и вся современная мировая система, и процесс глобализации, являясь проектом Соединенных Штатов, всё более становятся частью компенсаторного механизма для решения внутренних проблем США. Соответственно, кризис мировой цивилизации выступает как инобытие кризиса западной цивилизации.

В самой западной цивилизации кризис проявляется прежде всего ослаблением и ревизией ее важнейших скреп: экономика становится всё более зависимой от субъективных установок руководства Соединенных Штатов, часто не учитывающего интересы западноевропейских партнеров; единая Европа теряет Великобританию, и в ряде других стран также обозначилась тенденция выхода из ЕС; в области духовной жизни происходит агрессивная ревизия коренных для западной цивилизации ценностей и их подмена антицивилизационными новациями. Внешнеполитическая активность США все больше требует от государств-сателлитов в рамках реально реализуемого ограниченного суверенитета неукоснительной поддержки и участия в осуществляемых ими акциях. Западная Европа всё больше становится заложницей военной политики Соединенных Штатов. Выход США из Договора о ракетах средней и малой дальности с последующим размещением таких ракет в европейских странах является реальной угрозой не только для России, но и угрозой превращения этих стран в первоочередные цели в случае военного конфликта. Реальность угрозы связана и с тем, что Соединенные Штаты единолично принимают решение о применении ракетно-ядерных средств в Европе и не связаны в этом интересами безопасности своих союзников по НАТО.

Следует отметить, что учеными и раньше на протяжении многих десятилетий ставился вопрос о судьбе западной цивилизации, ее внутренних ресурсах для самосохранения и развития. Отмечаемое в последние десятилетия сокращение подобных ресурсов приводит в соответствии с системными законами к необходимости использовать внешние ресурсы, за счет других субъектов мирового сообщества. Одновременно с этим возникает потребность в создании поводов для всевозможного, в том числе силового, манипулирования с внешним по отношению к западной цивилизации миром. Сказанное полностью коррелируется с высказанной А. Тойнби идеей о стимулирующей роли внешних вызовов в формировании и развитии локальных

(региональных) и трансрегиональных цивилизаций, а также полностью подтверждается деятельностью Запада на международной арене. Доминирующая цивилизация в условиях своего вялотекущего кризиса и отсутствия для нее реальных объективных внешних угроз создает для себя внешние вызовы. Тем самым она получает некий новый консолидирующий стимул, использующий цивилизационные феномены, сущности и архетипы.

Современные реалии дополняются новым геополитическим переворотом. Прекращение существования СССР как одного из главных субъектов мировой политики и связанный с этим кризис цивилизационной идентичности на постсоветском пространстве создали особого рода цивилизационно-геополитический вызов. Огромный, с точки зрения геополитики, центральный регион мира (Хартленд), превратился в зону нестабильности, где на месте единой цивилизации образовались государства, вынужденные решать проблему цивилизационного выживания или маргинальную проблему цивилизационного выбора. Одновременно под воздействием и под контролем стран НАТО во главе с США произошла также дестабилизация опоясывающего региона (Римленда), что позволило этим странам усилить свое влияние и в соответствии с теорией геополитики обеспечить себе доминирование в мире.

Новый геополитический расклад был не сразу полностью осознан в мировом сообществе. В частности, после самоликвидации Советского Союза блок НАТО оказался в ложном положении – исчезла главная «угроза», служившая обоснованием необходимости этой военно-политической организации. Далее всё происходило по чеховскому «закону драмы»: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него» (*chegov-lit.ru/chegov/letters/1888-1889/letter-707.htm*). И в НАТО нашли применение своим Вооруженным Силам. Под различными предлогами военным акциям подверглись Сербия, Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия. Налицо – удары по внеблоковым государствам, представляющим православную и арабо-мусульманскую цивилизации, расположенные на южных границах как западной, так и российской цивилизации. Картина межцивилизационного конфликта становится более полной, если добавить к этим фактам инициированные США и их союзниками по НАТО санкционные войны против России и Ирана.

Общеизвестно, что государственные интересы Соединенных Штатов во многом связаны и определяются интересами военно-

промышленного комплекса этой страны, который требует все новых инвестиций в свое развитие. Поэтому малые страны и малые конфликты, на которых можно отрабатывать лишь оперативно-тактические приемы, представляются ВПК (Военно-промышленным комплексом) недостаточными для поддержания военного превосходства как основы мирового господства. Очевидно, что в том числе и этим фактором обуславливается потребность в мощном противнике или том, кто мог бы, даже не являясь таковым, сыграть его роль.

КНР для этой миссии не подходит в силу особенностей своей внешней политики, построенной на древней китайской притче о мудрой обезьяне, которая сидит на дереве и смотрит, как тигры дерутся в долине. Поэтому то, что в России назвали «подъемом с колен» – относительная стабилизация экономики, возрождение патриотизма, оснащение армии новыми оружием и боевой техникой, решительная защита национально-государственных интересов на международной арене – истолковывается и используется Западом в качестве угрожающего фактора. В условиях доминирования в мире западной цивилизации это объявляется ее политиками угрозой всему миру.

Вновь применяется испытанная технология «демонизации» противника, как и в 1980-е гг., когда США назвали СССР «империей зла». Сегодня уже России предназначается эта роль. Получилось, что Российская Федерация – это не только правопреемник Советского Союза, но и по западным задумкам его своеобразный ремейк.

Технология глобализации по-американски является встроеной в современную западную цивилизацию, стремящуюся превратиться в мегацивилизацию, всё более экспансионистскую и подменяющую естественное цивилизационное многообразие мира; она всё больше противостоит остальному человечеству.

На фоне проблем западной цивилизации ставка делается на ослабление конкурентоспособных цивилизаций и государств. Для введения их в состояние кризиса используется такое действенное средство как конфликт. При этом само взаимодействие цивилизаций на основе инаковости и в силу естественной ксенофобии в первую очередь проявляет свой конфликтогенный потенциал. Его реализации как объективной тенденции способствует субъективный фактор в лице стран, составляющих западную цивилизацию, инициализирующих конфликт между цивилизациями.

Механизм такого рукотворного, т. е. субъективно инициированного междоцивилизационного конфликта, включает определенную систему

действий. *Во-первых*, определение главного противника – страны, наиболее соответствующей критериям цивилизационного лидера, но имеющей относительно слабо развитые экономическую и военную системы или ослабленные по тем или иным причинам на данном этапе существования главные цивилизационные параметры.

Во-вторых, усиление цивилизационного давления в виде экспансии западной культуры, прежде всего посредством распространения ее системы ценностей, стереотипов восприятия, оценки социальной действительности и поведенческих образцов. Среди них многие выходят за рамки обычной инаковости и ведут к бездуховности, утрате цивилизационной идентичности и краху на основе возникающих перспективных системных девиаций, правового нигилизма, крайних форм толерантности и ксенофобии, конформизма и неконформизма.

В-третьих, ведение информационной войны с целью дискредитации руководства государства, его внешнеполитической деятельности, а также достижений страны, искажение ее исторического прошлого.

В-четвертых, такого же рода деятельность в международных организациях.

В-пятых, поддержка оппозиционных сил (в том числе внесистемной оппозиции и различных «повстанцев»), ориентированных на Запад, либеральные ценности в его трактовке и способах реализации. При этом такая оппозиция, являясь его союзником в идеологической войне, играет роль «пятой колонны», изнутри разрывая цивилизационные скрепы. В странах с большими культурными отличиями от Западной цивилизации, например, в Ливии в 2011 г., речь идет о поддержке внесистемных сил по линии: бандформирования – повстанцы – оппозиция.

В-шестых, проведение политических, а также вооруженных провокаций для перевода межкультурного конфликта в завершающую стадию разрешения военными средствами.

Конец прошлого и начало нынешнего века отмечены таким новым явлением, как взаимная индукция кризисов, «которые переходят один в другой, как бы «открывая» и «подпитывая» друг друга. Эта тенденция становится одним из главных индикаторов процесса глобализации и порождает новую динамику смыслов по отношению к кризису» [Костин, Изотов 2016, с. 250]. Так, например, произошло соединение системного кризиса с цивилизационными конфликтами. Последствия этих конфликтов сказались и на западной цивилизации,

самой находящейся в состоянии продолжающегося кризиса. Большое количество беженцев из зон военных конфликтов, которые стали культурными дезадаптантами, образовали новый фактор нестабильности общественно-политической обстановки, пополнили ряды криминалитета, начали активно создавать собственные цивилизационные анклавов внутри Западной Европы.

Как отражение глобального кризиса все более проявляет себя перманентный кризис системы международного права. Важнейшие принципы соблюдения прав человека и недопущения агрессии, образующие основу международного права, сталкиваясь с антагонистичной им политической реальностью, переходят в виртуальную область мирового правосознания. Акты агрессии Соединенных Штатов, их союзников по НАТО, а также поддерживаемых ими реакционных режимов, не встречая адекватной правовой оценки и политической реакции зависимого от них большинства стран, делают международное право дисфункциональным, лишенным собственного сущностного предназначения.

Тенденции в разрешении кризиса мировой цивилизации

Стало очевидно, что ожидания позитивных перемен в связи с необходимостью преодоления кризиса мировой системы не оправдываются. В настоящий исторический момент можно говорить о некоторых чертах системного кризиса мировой цивилизации, которые будут сказываться на вариантах дальнейшего развития событий и реализации обозначившихся различных тенденций в его разрешении.

Прежде всего, следует констатировать вступление мировой цивилизации в длительный период обострения комплекса противоречий, связанных с процессом глобализации, постоянным системным кризисом экономики современного капитализма, кризисными явлениями в сфере мировой и региональной политики, геополитики в целом.

Первые десятилетия XXI в. со всей очевидностью показали, что Западная цивилизация с ее доминирующей ролью в мире навязывает человечеству моноцивилизационность и «однополярность». Это ставит для нее как для наиболее влиятельного субъекта проблему обеспечения достаточного разнообразия внутри мировой системы. Игнорирование этого общесистемного принципа и реализация концепции «золотого миллиарда» лишь усугубит весь спектр конфликтов современного общества и в перспективе приведет к созданию тоталитарной мировой системы, в полной мере реализующей в глобальном масштабе все

негативные характеристики тоталитаризма. Реальность ставит вопрос предельно жестко: либо полицивилизационность и многовариантность развития, либо тоталитаризм в мировом масштабе.

Со всей очевидностью можно утверждать, что как бы ни обострялся кризис мировой цивилизации, Соединенные Штаты сделают всё, чтобы сохранить свою лидирующую роль в реализации цивилизационных установок Запада и собственных планов переустройства мира по-новому.

США и их союзники применяют в мировой политике принципы кризисного развития, которое основано не только на объективно обусловленных, но и субъективно спровоцированных конфликтах и их разрешении по модели, обеспечивающей собственные приоритеты. Это приводит к радикализации целей политики многих субъектов мировых и региональных процессов, расширению практики использования разрушительных и противоправных форм, методов и средств достижения выдвигаемых целей, увеличению масштаба их негативных проявлений и последствий [Опалев 2016].

Последние годы подтверждают отсутствие явных предпосылок к отказу США от односторонней эскалации противозаконных, без санкции ООН, силовых действий на ключевых направлениях обеспечения мирового и трансрегионального доминирования, а именно – на трансатлантическом, транстихоокеанском и ближневосточном направлениях, а также создания формально-произвольных суб- и межцивилизационных коалиций, которые и должны «легитимировать» гегемонистские действия Вашингтона в различных регионах мира.

По-прежнему остается плохо предсказуемым фактором роль КНР, стратегически объективно претендующей на роль мирового лидера и постоянно тактически уходящей от политически активного продвижения в этом направлении.

Выводы

Таким образом, как представляется, приведенные выше характерные черты современного кризиса мировой цивилизации не позволяют выделить в качестве ведущей тенденции стабилизацию как мировой политической системы, так и международной политической обстановки. Новая расстановка политических сил создает предпосылки к обострению всего комплекса межцивилизационных, геополитических

и системных противоречий современного мира, возникновению угрозы коллапса мировой цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Костин А. И., Изотов В. С.* Глобальный кризис и интеграционные системы в зеркале мировой политики // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI в. / под. ред. А. И. Костина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2016. С. 159–183.
- Опалев А. В.* Геоцивилизационные угрозы национальной безопасности России в условиях глобализации // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 36–38.
- Системные аспекты глобализации. Глобализация и современная Россия : монография / В. Ю. Бельский [и др.] ; под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 135 с. URL: ria.ru/zinoviev_club/20150430/1061931349.html.

REFERENCES

- Kostin A. I., Izotov V. S.* Global'nyj krizis i integracionnye sistemy v zerkale mirovoj politiki // Krizis civilizacii v kontekste politicheskikh processov XXI v. / pod. red. A. I. Kostina. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2016. S. 159–183.
- Opalev A. V.* Geocivilizacionnye ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii v uslovijah globalizacii // Social'no-gumanitarnoe obozrenie. 2016. № 2. S. 36–38.
- Sistemnye aspekty globalizacii // Globalizacija i sovremennaja Rossija: monografija / V. Ju. Bel'skij [i dr.] ; pod red. V. Ju. Bel'skogo, A. I. Sacuty. M. : JuNITI-DANA, 2014. 135 s. URL: ria.ru/zinoviev_club/20150430/1061931349.html.

А. В. Брега, Д. А. Афанасьева, Д. А. Машьянов

Брега А. В., доктор политических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; e-mail: avbrega@mail.ru

Афанасьева Д. А., аспирант департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; e-mail: DAKamozina@yandex.ru

Машьянов Д. А., магистрант факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: dimashyan@gmail.com

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЕРОЯТНЫЙ СЦЕНАРИЙ И РИСКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Статья дает представление о возможном сценарии смены политической элиты в современной России. Сращивание политической и экономической систем, характерное для российского общества, приводит к тому, что субъекты экономики и политики сегодня – это одни и те же люди. Вместе с тем за отдельными представителями элиты стоят такие иерархические институты общества, как государство, крупнейшие корпорации и силовые структуры. Авторы раскрывают особенности формирования и функционирования современной российской элиты. К их числу относятся традиционалистский характер, закрытость и обособленность от общества, самовоспроизводство, обостренное внутриэлитное соперничество и структурная неоднородность, а также повышение значимости неофициальных связей. Так, важнейшей задачей существующей элиты является пролонгация и консервация своего положения для сохранения и приумножения собственных активов и влияния. Существует несколько сценариев транзита власти в России, однако, исходя из существующих тенденций, наиболее вероятным представляется переход власти в руки молодого поколения нынешней отечественной элиты.

Ключевые слова: политическая элита; рекрутирование элиты; межпоколенческий транзит власти; политические риски; Российская Федерация.

A. V. Brega, D. A. Afanasyeva, D. A. Mashyanov

Brega A. V., Financial University (Moscow, Russian Federation); Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: avbrega@mail.ru

Afanasyeva D. A., Post-graduate student of the Department of political science and mass communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: DAKamozina@yandex.ru

Mashyanov D. A., master's degree student of faculty of sociology and political science, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: dimashyan@gmail.com

INTERGENERATIONAL TRANSIT OF THE ELITE IN MODERN RUSSIA: A PROBABLE SCENARIO AND RISKY TRENDS

The article is centered on the issue of a probable scenario of changing the political elite in modern Russia. The merging of political and economic systems is characteristic of Russian society. This process leads to the fact that the subjects of economy and politics today are the same people. At the same time, such hierarchical institutions of society as the state, the largest corporations and law enforcement agencies stand behind individual representatives of the elite. The authors reveal the features of the formation and functioning of the modern Russian elite. These include traditionalist character, closeness and isolation from society, self-reproduction, heightened intra-elite rivalry and structural heterogeneity, the increasing importance of informal ties. Thus, the most important task of the existing elite is the prolongation and preservation of its position to preserve and increase its own assets and influence. There are several scenarios for the transit of power in Russia, however, based on current trends. The most probable transition of power is in the hands of the younger generation of the current domestic elite.

Key words: political elite, elite recruitment, intergenerational transit of power, political risks, Russian Federation.

Введение

Российское общество сегодня находится на пороге больших перемен. В существующих реалиях среди ключевых вопросов политической повестки дня выделяется проблема межпоколенческого транзита власти, которая назревает наряду с ускорением процесса трансформации политической системы государства в целом. В перспективе изменение политического пространства будет сопровождаться серьезным обновлением состава политической элиты. Отсюда возникает необходимость в проработке различных вариантов предупреждения рисков потери существующих позиций и ресурсов власти, накопленных за годы президентства Владимира Путина.

В настоящее время к числу представителей элиты, как правило, относят тех людей, которые управляют обществом [Миллс 1959]. В широком смысле элита представляет собой относительно самостоятельную, немногочисленную привилегированную социальную

группу общества, которая обладает значительным объемом политической власти и непосредственно принимает важнейшие государственные решения, а также организует их выполнение. При этом основополагающим критерием включения в нынешнюю элиту служит статус кандидата, позволяющий ему оказывать влияние на принятие тех или иных управленческих решений [Крыштановская 2005].

Тенденции рекрутирования политической элиты

Современная российская элита, контур которой был сформирован в конце 1990 – начале 2000-х гг., характеризуется значительным объемом властных и экономических ресурсов и общностью политико-экономических интересов, обусловленных стремлением сохранить нынешнюю конфигурацию власти. Та, в свою очередь, предусматривает консолидацию элиты вокруг личности президента страны, который выступает медиатором во взаимоотношениях между элитными группами и гарантом поддержания существующей политической стабильности. Отечественная элита представляет собой закрытую структуру клиентелистского характера, стабильность функционирования которой обеспечивается институциональной замкнутостью и ценностным консенсусом ее элементов [Смирнов 2016, с. 19]. Ключевыми механизмами рекрутирования элиты в России являются кооптация, протекционизм и попечительство, что приводит к самовоспроизводству правящей верхушки, которая не готова допустить в элиту случайных людей.

Таким образом, нарастает замкнутость элиты, темпы и объемы ее ротации снижаются, а деятельность характеризуется консерватизмом и застылостью форм и методов. В частности, в России до сих пор действует закрытая система гильдий при рекрутировании элиты, характеризующаяся минимальным селектором и большим числом «фильтров» (требований к кандидату). В таких условиях ротация элиты носит ситуативный характер: место для кандидата будет найдено только тогда, когда по какой-либо причине освободится одна из позиций. Высшие государственные чиновники современной России плавно переходят с одной высокопоставленной должности на другую и за очень редким исключением выпадают из политического пространства. Как справедливо отметил Дж. Хигли, «однажды сформированная и пришедшая к власти элита, объединенная на основе консенсуса, уверенно пролонгирует собственное существование, вне зависимости от конфигурации неэлиты» [Хигли 2011, с. 53].

Одним из таких «выпавших» из большой политики чиновников является бывший министр сельского хозяйства Александр Ткачев, который покинул свой пост 18 мая 2018 г. В прессе была информация о том, что он может занять пост полномочного представителя Президента РФ в Южном или Приволжском федеральных округах, однако уже 29 июня он был избран в Совет директоров компании «Агрокомплекс» им. Н.Ткачева [Дятловская URL]. Следует отметить, что эта компания, занимающая четвертое место в рейтинге крупнейших российских владельцев сельскохозяйственных земель (по данным консалтинговой компании BEFL), названа в честь отца А. Ткачева – Николая Ткачева, который возглавлял ее вплоть до своей смерти в 2014 г. [Агрокомплекс им. Н.И.Ткачева. Справочник компаний URL].

В современной России практически отсутствуют свободные каналы рекрутирования элиты, т. е. те социальные институты, которые дают людям возможность достичь власти. На сегодняшний день главными каналами рекрутирования принято считать: партию «Единая Россия» (как аппарат самой партии, так и разветвленную сеть партийных организаций – Общероссийский народный фронт, Молодая гвардия «Единой России» и др.), бюрократический аппарат и силовые структуры. В основном проникновение в элиту возможно только благодаря наличию личных связей, партийной принадлежности, лояльности и лишь в ряде случаев – профессионализму.

Важнейшей задачей элиты сегодня является пролонгация и консервация действующего положения для сохранения и приумножения собственных активов и влияния. Однако, в силу объективных обстоятельств, начавшийся в 2018 г. новый президентский срок станет последним для В.Путина. Как показывает практика, приближающийся уход «первого лица» приводит к кризису или существенной трансформации подобной политической системы, поэтому элита стремится всячески предотвратить данное развитие событий. Неудача нынешней элиты с реализацией «стратегии выхода» через инкорпорирование своих детей в западное общество для подготовки переезда на Запад чиновников заставляет их искать новые пути выхода и сохранения приобретенных активов. В связи с этим в ближайшие годы будет идти активная подготовка к приближающемуся транзиту власти, который будет сопровождаться серьезным обновлением состава российской элиты.

Существует несколько сценариев транзита власти в России, однако, исходя из существующих тенденций, наиболее вероятным представляется переход власти в руки молодого поколения нынешней российской элиты. Так, ряд политических экспертов признает, что аристократический вариант транзита власти в ближайшем будущем будет моделироваться значительно чаще, чем другие сценарии, такие как преемничество, рекрутирование представителей групп влияния, классическая конкурентная борьба или развитие «кадрового резерва». В докладе «Преемники 2.0 (аристократы)», опубликованном в мае 2018 г. фондом «Петербургская политика», отмечается увеличение числа прецедентов выдвижения детей и других членов семей высокопоставленных чиновников на статусные должности в государственных структурах и бизнесе [Доклад «Преемники 2.0 (аристократы) URL]. Ярким примером подобного рода является назначение в мае 2018 г. министром сельского хозяйства РФ Дмитрия Патрушева – сына председателя Совета безопасности РФ Николая Патрушева, а также утверждение годом ранее президентом крупнейшей алмазодобывающей компании России АК «АЛРОСА» Сергея Иванова-младшего – сына бывшего руководителя Администрации президента РФ Сергея Иванова. Похожая тенденция просматривается и на региональном уровне. В частности, 9 сентября 2018 г. самым молодым губернатором в России стал Дмитрий Артюхов, назначенный временно исполняющим обязанности губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в марте 2018 г. Дмитрий Артюхов является сыном вице-спикера Тюменской областной думы и секретаря политического совета тюменского отделения партии «Единая Россия» Андрея Артюхова [Губернатором ЯНАО избран Дмитрий Артюхов URL].

Тема аристократического наследования ресурсов и статуса неизбежно возникает по мере старения политической элиты и взросления ее детей. При этом для нынешней элиты данный сценарий является наиболее подходящим, так как 1) передача власти в руки собственных детей и родственников будет нести наименьшие транзакционные издержки для руководителей современной России и позволит им сохранить свои активы, статус и влияние на принятие ключевых решений; 2) посредством внедрения в элиту собственных детей и родственников происходит легализация доходов от бизнес-деятельности и административной ренты; 3) заблаговременное

формирование собственной команды, сплоченной на основе единых, разделяемых большинством ценностей, во главе с наиболее приближенными людьми, может стать значительным преимуществом в конкурентной борьбе элитных группировок.

Таким образом, ключевой задачей при реализации данного сценария транзита власти станет легитимация права собственности при передаче активов по наследству. Для России данный феномен в столь явном виде является относительно новым, ведь в СССР nepoтuзм и «кумовство» общественно осуждались и осуществлялись лишь в скрытой форме. Однако, рассматривая мировой опыт, можно отметить, что клановость в политике и, в особенности, в бизнесе является нормой при существовании институциональных ограничений на злоупотребление должностными полномочиями. К примеру, в США отец и сын Джордж Буш и Джордж Буш-младший с перерывом в 8 лет исполняли обязанности президента страны, а семья Уолтон, которая контролирует крупнейшую в мире компанию оптовой и розничной торговли Walmart, в течение нескольких лет возглавляла список богатейших семей США [Долан URL]. Подобные прецеденты не редкость и в Европе – всем известен пример клана Ле Пен во Франции, а одним из наиболее богатых кланов в Финляндии является семья Херлин, управляющая компаниями KONE и Cargotec [Машьянов 2017, с. 423–430].

Если данный аристократический сценарий получит свое развитие, то кадровая борьба будет вестись за управленческие позиции среднего уровня, где будет осуществляться лишь контроль над управлением ресурсами, которые будут сконцентрированы в руках детей нынешних высокопоставленных чиновников и бизнесменов. Однако данный сценарий как один из вариантов «мягкого» омоложения и обновления элиты и транзита власти имеет ряд слабых сторон и связан с немалыми издержками и рисками.

Ключевым политическим риском в случае реализации аристократического сценария транзита власти в России станет закупоривание каналов социальной мобильности. Приход к власти родственников и друзей нынешней элиты, вероятнее всего, приведет к росту недовольства со стороны населения, которое всегда эмоционально относилось к «кумовству» в высших эшелонах власти. Вместе с тем можно прогнозировать и увеличение числа конфликтных ситуаций между более привилегированными и менее привилегированными

«наследниками» в борьбе за наиболее статусные позиции. Таким образом, из этого вытекает еще один серьезный политический риск для стабильности транзита власти – возникает угроза начала жестокой борьбы за пересмотр новых порядков, которая может сопровождаться открытыми силовыми действиями вплоть до осуществления политических убийств и террористических акций.

Кроме того, существует риск вхождения в элиту некомпетентных кадров в силу отсутствия четких критериев рекрутирования элиты и низкой прозрачности отбора. При этом даже несмотря на получение качественного высшего образования за рубежом, новая элита может оказаться не готовой к тому, чтобы реализовать свои навыки на практике из-за банального незнания особенностей функционирования российского общества.

Вместе с тем нельзя исключать возникновение так называемой проблемы «отцов и детей», когда дети нынешней элиты не будут в достаточной степени разделять те политические идеалы, за которые выступают их родители. Многие представители второго поколения российской элиты обучались на Западе и воспитывались в совершенно другом культурном, социальном, правовом и политическом пространстве. Существует большая вероятность того, что они могут не испытывать серьезного интереса к российским реалиям и не будут заинтересованы в том, чтобы осуществлять свою трудовую деятельность в России. Недостаточная лояльность идеалам отцов со стороны молодого поколения может серьезно повлиять как на перспективы сохранения ресурсов и статуса современной российской элиты, так и на развитие страны в целом. Однако в настоящий момент практически отсутствуют примеры, когда дети нынешней элиты выступают с критикой существующий порядков в России. Пожалуй, наиболее показательным примером является дочь ректора Санкт-Петербургского горного института Владимира Литвиненко – Ольга, которая обвиняет своего отца в краже собственной дочери, а также резко критикует политику современной России [Волчек URL]. При этом, несмотря на возможные расхождения во взглядах, новые представители элиты, как и их родители, будут ориентированы на получение максимальной ренты с тех позиций, которые они займут. Таким образом, для второго поколения элиты также будет характерно рентоориентированное поведение, которое не способствует развитию потенциала страны.

Стоит отметить, что в настоящий момент сценарий передачи власти и активов в руки детей нынешней элиты воспринимается со стороны населения негативно. Возвращение к сословному типу общества, он же переход к «новому дворянству», приведет к необходимости признания особого пути развития России, который будет несовместим со многими представлениями о демократическом обществе равных возможностей. В то же время нельзя отрицать возможность возникновения конфликта приоритетов, когда новая элита в условиях зависимости от своих родителей, которые привели ее к власти, должна наращивать собственную субъектность и самостоятельность. Учитывая тот факт, что зачастую детям нынешней элиты может не хватать профессионального опыта, их первые самостоятельные шаги в политике и бизнесе рискуют оказаться неудачными.

В настоящий момент не приходится ожидать публичного признания аристократического характера транзита власти в России. Однако ввиду того, что российское общество традиционно негативно относится к перспективам коренных перемен, оно будет готово принять данный вариант развития политической обстановки. Это подтверждается и с точки зрения институционального анализа, согласно чему транзакционные издержки по изменению функционирующих структур и институтов часто превышают издержки по сохранению и использованию их в новых общественно-политических условиях. Как следствие, у руководства страны существует желание отложить решение проблемы на неопределенный срок.

Заключение

Стоит ожидать, что активная фаза транзита власти наступит в 2020–2021 гг., когда начнут просматриваться основные контуры будущей политической системы страны. Главной задачей четвертого президентского срока В. Путина станет подготовка плавного институционального транзита к «России будущего» и поиск подходящего кандидата на пост Президента страны. Как ожидается, одной из реперных точек в процессе выстраивания новой институциональной среды станут выборы депутатов Государственной думы, которые состоятся в 2021 г. Однако на данный момент власть предпочитает не афишировать планы будущей трансформации политического пространства и основные сценарии данного процесса. Возможно, это

связано с тем, что данный сценарий может прийтись не по нраву населению страны, особенно на фоне ухудшения рейтингов «Единой России» и лидеров страны. Аристократический транзит власти точно не станет наилучшим сценарием преобразования российского общества, тем не менее, он может стать единственно возможным вариантом плавного и безболезненного транзита, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- «Агрокомплекс» им. Н.И.Ткачева. Справочник компаний // Агроинвестор. URL: www.agroinvestor.ru/companies/a-z/agrokompleks-im-n-tkacheva.
- Волчек Д. Нелюбимая дочь друга Путина // Радио Свобода, 17 июля 2017. URL: www.svoboda.org/a/28620525.html.
- Губернатором ЯНАО избран Дмитрий Артюхов // Коммерсантъ. 9 сентября 2018. URL: www.kommersant.ru/doc/3737110.
- Доклад «Преемники 2.0 (аристократы)» // Фонд «Петербургская политика», 30 мая 2018. URL: fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/fpp-aristocrats.pdf.
- Долан К. Самые богатые семьи США–2016: рейтинг Forbes // Forbes. 30b. yz 2016. URL: www.forbes.ru/rating-photogallery/323957-samyie-bogatyie-semi-ssha-reiting-forbes.
- Дятловская Е. Александр Ткачев вернулся в бизнес // Агроинвестор. 11 июля 2018. URL: www.agroinvestor.ru/companies/news/30092-aleksandr-tkachev-vernulsya-v-biznes.
- Дятловская Е. Александр Ткачев может стать полпредом в Приволжье // Агроинвестор, 28 июня 2018. URL: www.agroinvestor.ru/regions/news/30024-aleksandr-tkachev-mozhet-stat-polpredom-v-povolzhe.
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
- Машьянов Д.А. Финляндия // Кто есть кто в современном европейском бизнесе: аналитический справочник / кол. авторов ; под ред. А.Б.Шатилова, Д.Д.Осининой. М. : РУСАЙНС, 2017. 572 с.
- Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. Е.И.Розенталь. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 543 с.
- Смирнов Д.С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности // Власть. 2016. № 2. С. 18–22.
- Хигли Дж. Элиты, внеэлитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 431 с.

REFERENCES

- «Агрокомплекс» им. Н. И. Ткачева. Справочник компаний // Agroinvestor. URL: www.agroinvestor.ru/companies/a-z/agrokompleks-im-n-tkacheva.
- Volchek D.* Neljubimaja doch' druga Putina // Radio Svoboda, 17 ijulja 2017. URL: www.svoboda.org/a/28620525.html.
- Губернатором JaNAO избран Dmitrij Artjuhov // Kommersant###. 9 sentjabrja 2018. URL: www.kommersant.ru/doc/3737110.
- Doklad «Preemniki 2.0 (aristokraty)» // Fond «Peterburgskaja politika», 30 maja 2018. URL: fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/fpp-aristocrats.pdf.
- Dolan K.* Samye bogatye sem'i SShA–2016: rejting Forbes // Forbes. 30b.yz 2016. URL: www.forbes.ru/rating-photogallery/323957-samye-bogatye-semi-ssha-reiting-forbes.
- Djatlovskaja E.* Aleksandr Tkachev vernulsja v biznes // Agroinvestor. 11 ijulja 2018. URL: www.agroinvestor.ru/companies/news/30092-aleksandr-tkachev-vernulsja-v-biznes.
- Djatlovskaja E.* Aleksandr Tkachev mozhet stat' polpredom v Privolzh'e // Agroinvestor, 28 ijunja 2018. URL: www.agroinvestor.ru/regions/news/30024-aleksandr-tkachev-mozhet-stat-polpredom-v-povolzhe.
- Kryshstanovskaja O. V.* Anatomija rossijskoj jelity. M. : Zaharov, 2005. 384 s.
- Mash'janov D. A.* Finljandija // Kto est' kto v sovremennom evropejskom biznese: analiticheskij spravocnik / pod red. A. B. Shatilova, D. D. Osininoj. M. : RUSAJNS, 2017. 572 s.
- Mills R.* Vlastvujushhaja jelita / per. s angl. E. I. Rozental'. M. : Izd-vo inostrannoj literatury, 1959. 543 s.
- Smirnov D. S.* Cennostnye orientacii politicheskoi jelity kak faktor ee jeffektivnosti // Vlast'. 2016. № 2. S. 18–22.
- Higli Dzh.* Jelity, vnejelitnye gruppy i predely politiki: teoreticheskij rakurs // Jelity i obshhestvo v sravnitel'nom izmerenii: sb. st. / pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEn), 2011. 431 s.

А. И. Емельянов

кандидат политических наук; доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: anton.politolog@ya.ru

**РОЛЬ АРГЕНТИНЫ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
(на примере УНАСУР)**

Южная Америка представляет собой специфическую региональную структуру, которая отличается от остальных регионов появлением все новых институциональных архитектур, экстенсивным, а также интенсивным развитием уже существующих региональных организаций. В центре этих интеграционных процессов находится Союз южноамериканских наций (далее – УНАСУР). В статье поднимается вопрос, как институциональная гибкость, которая является как основным элементом южноамериканского регионализма, так и специфической институциональной особенностью УНАСУР, согласуется с ключевыми национальными интересами ее членов, в особенности Аргентины, одного из региональных лидеров. Автор анализирует различие между подходами к региональной интеграции – «одноосевым», построенным вокруг одной тематической оси, и «мультиосевым», включающим развитие одновременно по многим осям. В статье исследуется соответствие региональной архитектуры национальным интересам ключевого регионального актора – Аргентины.

Ключевые слова: регионализм; интеграция; УНАСУР; Союз южноамериканских наций; Южная Америка; Аргентина.

A. I. Emelianov

PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: anton.politolog@ya.ru

**THE ROLE OF ARGENTINA
IN THE LATIN AMERICAN INTEGRATION ORGANIZATIONS
(on the example of UNASUR)**

South America is a specific regional structure, which differs from other regions in the emergence of new institutional architecture, extensive and intensive development of existing regional organizations. At the heart of these integration processes is the Union of South American Nations (UNASUR). The article raises the question of how the institutional flexibility, which is both a core element of South American regionalism and a specific institutional feature of UNASUR, is consistent with the key national interests of its members, especially Argentina, one of the regional leaders. The author analyzes the difference between approaches to regional integration – “one-axis”, built around

one thematic axis, and “multi-axis”, including the development of simultaneously in many axes. The article examines the correspondence of regional architecture to the national interests of the key regional actor – Argentina.

Key words: regionalism; integration; UNASUR; Union of South American Nations; South America; Argentina.

Роль УНАСУР в геополитической архитектуре Латинской Америки

В мировом политическом процессе УНАСУР рассматривается как организация, способствующая региональной сегментации, которая продолжается в Латинской Америке на протяжении многих десятилетий. Неспособность южноамериканских стран построить цельные региональные институты приводит к образованию новых межгосударственных объединений. УНАСУР как относительно молодая Организация, отвечающая амбициям латиноамериканских государств, укрепляет «переплетение» прочих региональных организаций. Появление УНАСУР в региональной политической архитектуре, которая уже «насыщена» другими организациями, включающими, например, Организацию американских государств (далее – ОАГ), Общий рынок юга (далее – МЕРКОСУР), Андское сообщество, Группу Рио и др., привело к конфликтам интересов как между этими организациями, так и внутри них.

В рамках сложившихся практик в международных отношениях УНАСУР рассматривается как дополнительный элемент в региональной архитектуре Южной Америки. Причиной его появления является желание двенадцати стран, которые составляют ядро Южноамериканского региона, укрепить межгосударственное сотрудничество и сблизить свои позиции по вопросам, затрагивающим латиноамериканский регион. Его институциональный профиль и повестка стали результатом коллегиального решения, несмотря на то, что все государства старались защитить свои интересы в данном проекте. Таким образом, можно говорить о том, что его создание стало результатом множества консенсусов.

Предложение о создании УНАСУР было впервые озвучено властями Бразилии, оно отражало основные интересы и цели Итамарати¹. Несмотря на то, что эта интерпретация принципиально верна, она не противоречит предпосылкам укрепления Бразилии в качестве

¹ Итамарати – неофициальное название Министерства иностранных дел Бразилии, полученное благодаря зданию, в котором оно располагалось до 1970 г., и переезду в новую столицу Бразилии, Бразилиа.

ключевого лидера. Кроме того, УНАСУР создал дополнительное пространство для диалога и сотрудничества в системе, которая уже предлагала несколько альтернативных политических площадок, различавшихся по своему профилю в зависимости от участников и тем обсуждения.

Роль Аргентины в УНАСУР

В данной ситуации примечательна позиция Аргентины, которая не имела планов по дальнейшей интеграции, несмотря на то, что УНАСУР не являлся сдерживающим фактором для внешней политики страны. Желание получить дополнительные гарантии политической свободы и пространства для политического маневра были отчасти учтены. Несмотря на это, политическая элита Аргентины, традиционно высказывающаяся скептически в отношении южноамериканской региональной интеграции, в 2008 г. поддержала Президента Кристину Фернандес де Киршнер в подписании учредительного договора УНАСУР. Аргентина получила гарантии, что институциональная структура и мультиосевой профиль УНАСУР позволят ей реализовывать собственные интересы политико-экономической кооперации в рамках региональной интеграции, что было заявлено основной внешнеполитической целью страны [Об участии Президента Аргентины в саммите УНАСУР URL].

В большинстве регионов мира государства представлены в более чем одной региональной организации. Часто эти организации дополняют друг друга, выполняя различные функции, при этом некоторые из них являются частью более крупных объединений. Кроме того, организации могут пересекаться в сфере возложенных на них полномочий участников. Разрастание и пересечение региональных организаций часто описывается метафорой «миска спагетти».

Интеграционные организации в Латинской Америке

Что касается латиноамериканской «миски спагетти», увеличение числа региональных организаций стало предметом широкого обсуждения. Одна группа аналитиков, лучше всего представленная Андре-сом Маламудом и Жаном Гардини, имеет критическую точку зрения. Они утверждают: «Существование сегментированных и пересекающихся региональных проектов не является залогом успешной интеграции, а наоборот, свидетельствует об исчерпании ее потенциала»

[Malamud, Gardini 2012, с. 116]. По их мнению, одновременное членство государств сразу в нескольких различных региональных или субрегиональных организациях неизбежно приведет к трению между региональными проектами и интеграции внутри них. В конечном счете, это скорее вызовет раскол, нежели к объединению региона. Более того, по словам известного исследователя Лоры Гомес-Мера: «Путем фрагментации законов и введения двусмысленности правил сложность режима усугубляет проблемы осуществления и соблюдения региональных инициатив кооперации в Латинской Америке» [Gomez-Mera 2015, с. 20].

Другие исследователи, например, Пиа Риджирози и Диана Тусси, не имеют ясного представления о том, как региональная архитектура будет развиваться и что предполагает возникновение такой многогранной структуры пересекающихся региональных организаций и проектов в будущем. По их мнению, «общая тенденция такова, что не следует ожидать объединения или образования единого общего блока, разнообразие гибридов с размытыми между собой границами будет увеличиваться и подкрепляться интенсивностью региональных отношений» [Tussie 2009, с. 17].

С другой стороны, основываясь на европейском опыте без какого-либо учета латиноамериканской специфики, исследователи Стефани Хофман и Федерик Меранд приводят аргументы в пользу дифференцированной многосторонней кооперации и «институциональной гибкости», которая могла бы способствовать мирным и стабильным межгосударственным отношениям в пределах региона. С их точки зрения, «неспособность достичь консенсуса в ходе двусторонних переговоров встречается реже, когда участники имеют возможность уклониться от конкретных обязательств, участвуя в урегулировании различных вопросов в рамках одних надгосударственных институтов, продвигая свои национальные интересы в других межгосударственных институтах» [Hofmann, Merand 2012, с. 140]. Авторы ссылаются на геометрию в европейском стиле, при которой государства «не чувствуют принуждения к тому, чтобы принадлежать целому клубу, и поэтому с большей охотой участвуют в тех областях политики, которые отвечают их интересам».

Эта концепция также может быть применена к Латинской Америке. Латиноамериканский исследователь Хосе Санауха подчеркивает, что учредительный договор УНАСУР (статья 13) прямо указывает на возможность создания смешанной надгосударственной архитектуры

в Южной Америке [Sanahuja 2012, с. 101]. Министр иностранных дел Чили Эральдо Муньос прямо упомянул концепцию «многоскоростной Европы» («el concepto de la Unión Europea de las “velocidades diferenciadas”») в одном из своих первых публичных заявлений в 2014 г. [Wilson-Daily, Barriga, Prats 2017, с. 140].

Преимущества и недостатки УНАСУР

По роду своей деятельности и декларированным задачам можно выделить ряд плюсов и минусов деятельности УНАСУР. Среди минусов:

- наложение полномочий организации на полномочия других региональных организаций;
- создание напряженности в кооперации межрегиональных организаций из-за сложности институциональных структур;
- вероятность административной перегрузки в исполнительных органах государственной власти стран региона;
- возможность появления политических конфликтов между организациями и странами региона;
- перспектива политико-экономического раскола в регионе;
- необязательность исполнения принятых решений в связи с противоречиями, вызванными членством страны в другой региональной организации.

Плюсами УНАСУР в рамках региональной архитектуры являются:

- наложение полномочий Организации на полномочия других региональных организаций;
- охват большего количества тем для совместного обсуждения;
- появление новой арены для защиты национальных интересов государств-членов перед внешними региональными акторами;
- большое количество членов создает шанс образования независимой международной площадки по защите и продвижению региональных организаций без участия США.

Разрастание и пересечение региональных организаций тесно связаны между собой. Вопрос, почему региональные организации пересекаются, связан с другим вопросом: с какой целью создаются новые региональные организации и почему позднее они расширяют свои полномочия. Почему государства (правительства) создают или присоединяются к новообразованным региональным организациям? Ответ на это состоит в том, что они делают это исключительно из

соображений получения потенциальной выгоды от членства, а также пытаюсь избежать появления потенциальных внешних негативных факторов, затрагивающих страны, не являющиеся участницами. Правительства вступают в различные организации, потому что внимание организаций обращено на решение различных вопросов, и потому они создают новые арены для реализации стратегических проектов. В Латинской Америке большинство региональных организаций были созданы в первую очередь для того, чтобы поддерживать новые региональные проекты и задачи, которые не были реализованы уже существующими региональными организациями. Региональные организации образовывались вновь и выживали, когда они служили конфликтующим стратегическим интересам различных государств-участников [Hurrell 1998, с. 140].

Соперничество интеграционных объединений в регионе

Из-за постоянного соперничества и пересечения региональных организаций между собой не имеет смысла рассматривать их по отдельности, «пренебрегая, таким образом, специфическими свойствами институциональной архитектуры (того, как построены взаимоотношения региональных организаций) и влиянием этих свойств на региональном уровне» [Hofmann, Merand 2012, с. 141]. В конце концов, вся архитектура, т.е. комбинация и взаимодействие региональных организаций в Латинской Америке, имеет большее значение, чем ее составляющие части, т.е. непосредственно сами региональные организации.

Хосе Санауха утверждает, что в Союзе южноамериканских наций «стремления к региональной интеграции Латинской Америки переопределены в географических и идеологических рамках Южной Америки». Регионы и региональные проекты являются исторически обусловленными социальными структурами [Sanahuja 2012, с. 100]. Не существует какой-либо предопределенной модели, которая бы хорошо описывала регион. Мнение критиков регионализма в Латинской Америке часто начинается с узкого определения региональной интеграции или обвинений правительств Латинской Америки в невыполнении каких-то обещаний, которых они либо не давали, либо коим не придавали первоочередной значимости.

В каком же масштабе нынешняя региональная архитектура в Южной Америке отражает интересы и приоритеты Аргентины? В начале

приоритетным интеграционным проектом для Аргентины был МЕРКОСУР, но в результате шоковой терапии и коллапса в экономике страны на стыке веков общественное мнение побудило политическую элиту страны придерживаться социально-направленного курса, что включало в себя внутреннее региональное сотрудничество и отход от неолиберальных реформ. Пока Аргентина переживала кризис, Бразилия занималась поиском новых интеграционных ходов для реконфигурации МЕРКОСУР, создания прообраза УНАСУР и выдвинула предложение о ее создании. Официальная позиция Аргентины по поводу этой инициативы варьировалась: от отсутствия интереса и безразличия до неопределенной приверженности. Южноамериканский саммит, состоявшийся в Бразилии в 2000 г., проиллюстрировал это двойственное отношение со стороны Аргентины. Причиной тому стало исключение Мексики из числа стран – членов новой региональной Организации. В связи с тем, что Мексика не состояла в списке приглашенных государств, Министерство иностранных дел Аргентины отложило процесс подтверждения ее участия в новом проекте. Намеченное исключение Мексики было воспринято многими представителями правительства Аргентины как часть Итамаритийского плана по усилению позиций Бразилии как регионального лидера.

Позиция Аргентины в интеграционном вопросе

В то же время Аргентина продолжала присутствовать во всех саммитах, внося сумятицу в переговорный процесс. В политических кругах Аргентины были сильны позиции проамериканского истеблишмента – это выливалось в то, что по результатам встреч представители правительства Аргентины наложили вето на проект по созданию Международного гуманитарного фонда, для противовеса МВФ, и формирования Организации Южноамериканских нефтедобывающих стран, что было предложено Венесуэлой.

Таким образом, позиция Аргентины по отношению к интеграции была непостоянной и непоследовательной, что являлось следствием политических и экономических неурядиц. Правительства сменялись часто, менялись и отношения между ними и внутренними и внешними субъектами. Сложно придерживаться постоянной официальной позиции, когда внешняя и внутренняя среда находятся в состоянии непрерывного изменения. Деятельность правительств Де ла Руа и Дуальде находилась под влиянием внешних заинтересованных

сторон, способствовавших интенсификации национального кризиса. Глобальный финансовый кризис и сложные отношения с иностранными государствами, особенно с Испанией и США как основными инвесторами, и с международными финансовыми институтами – такими как МВФ, Мировой Банк и Межамериканский банк развития – определяли политические интересы Аргентины.

Можно утверждать, что в период до 2003 г. Аргентина с недоверием относилась к идеям касательно интеграции Южной Америки, однако в 2008 г., после подписания Договора о создании УНАСУР, правительство К. Ф. Кишнер увидело перспективу в развитии параллельно нескольких интеграционных проектов в различных направлениях. В то же время приоритетным направлением продолжала оставаться деятельность МЕРКОСУР.

Позиция Аргентины в векторе поддержки УНАСУР существовала в общем региональном тренде, который формировался на волне отказа от интеграционного объединения АЛКА и предполагал создание зоны свободной торговли, наподобие НАФТА, между Северной и Южной Америкой. По словам бывшего министра иностранных дел Аргентины, это стало историческим событием. По мнению бывшего министра Аргентины: «Конец ЗСТСЮА – это начало УНАСУР». Тем не менее Аргентина не испытывала больших переживаний по этому поводу, так как США являлись крупнейшим поставщиком продовольствия, т. е. выступали в качестве «естественного конкурента Аргентины» [Nelson 2015, с. 25].

Однако, несмотря на эти позитивные сигналы, Аргентина всё же не проявила желания полностью поддержать новый южноамериканский проект. Создание УНАСУР интерпретировалось аргентинскими властями как бразильский заказ, который был направлен на продление изоляции таких стран, как Куба и Мексика, которые могли стать противовесом Бразилии. Поэтому Аргентина поддержала союз Кубы и Венесуэлы, который породил Боливарианский альянс для народов нашей Америки (далее – АЛБА). Данный альтернативный региональный проект был воспринят не только как способ неприятия содержания и целей АЛКА, но и как попытка преодоления изоляции Кубы.

Подписав Конституционный договор УНАСУР в 2008 г., правительство Аргентины подтвердило свою поддержку проекта создания Южноамериканской региональной организации. Это было сделано в период, для которого было характерно появление новых

конкурирующих региональных проектов. УНАСУР олицетворяет идею единства и гармонии, однако он был создан как ответная реакция на существующие конфликты. Можно утверждать, что конфликт был стимулом для кооперации. На момент создания УНАСУР некоторые конфликты по-прежнему продолжались. Это было характерно для Эквадора, Венесуэлы и Колумбии; Аргентины и Уругвая; Парагвая, Аргентины и Бразилии; Парагвая и Бразилии; Боливии и Бразилии; Чили и Перу; Чили и Боливии; Гайаны и Венесуэлы; кроме того, тогда имели место и другие конфликты, касающиеся конфронтации Гайаны и Суринама. Следовательно, создание УНАСУР не означало установления идеальной постоянной гармонии; оно также не подразумевало достижения идейной согласованности. В этой связи, когда Аргентина присоединилась к новой региональной организации, она решила участвовать в процессе, в котором было задействовано множество различных субъектов, чьи интересы часто расходились. Например, такие страны, как Чили, Колумбия и Перу ранее подписали соглашения о свободной торговле с таким нерегиональным игроком, как США. Фактически, на момент учреждения УНАСУР Тихоокеанский Альянс уже существовал, однако он не имел названия и официальной структуры.

Аргентина присоединилась к УНАСУР и оказала поддержку институциональной и «утилитарной» модели, поощряемой Бразилией, в то же время отвергая предложение Венесуэлы и Эквадора по «институционализации». Представители правительства Аргентины придерживались мнения, что вступление в новую организацию предоставит им возможность достичь определенных целей, касающихся определения региональных программ, а именно возможности взять на себя руководящую роль в УНАСУР.

Для Правительства Аргентины было важно гарантировать отсутствие ограничительных мер в рамках ее внешней политики. В основе новой региональной организации лежали гибкость, поэтапность и простота. В конечном итоге, УНАСУР создал беспроигрышную ситуацию для Аргентины и Бразилии, так как она была основана на принципе отсутствия ограничений. Результатом стала кодификация концепции «переменной геометрии» в Конституционном договоре УНАСУР. Институциональная структура УНАСУР гарантировала Аргентине право на свободное развитие отношений с региональными субъектами, независимо от их географического положения.

Перспективы интеграционных организаций в разрешении региональных проблем

Таким образом, МЕРКОСУР до сих пор является основополагающим звеном в аргентино-бразильских отношениях, а также главной платформой стратегии Аргентины по экономическим, политическим и социальным вопросам. УНАСУР стал дополнительным региональным форумом, в рамках которого возможна кооперация по решению следующих вопросов: сферы обороны, развития инфраструктуры, здравоохранения, науки, технологий и финансов. Кроме того, региональная архитектура включает в себя и другие объекты, например, ОАГ, Группу РИО (теперь СЕЛАК) и АЛАДИ. Их значимость варьируется в отношении территориального охвата и политической конъюнктуры. Например, в 2008 г. правительство Аргентины считало ОАГ важным многосторонним Форумом для переговоров с США – который уделял основное внимание вопросам о правах человека и Мальвинскому спору – а также политической арене, уравнивающей власть Вашингтона и некоторых стран Южной Америки, таких как Бразилия или Венесуэла. Кроме того, из этого форума не была исключена Мексика. В качестве еще одного примера, Группа РИО сыграла существенную роль в разрешении кризиса между Эквадором, Колумбией и Венесуэлой в 2008 г. Для Аргентины было важно включить в объединение – в эту региональную структуру политических консультаций и координации – таких союзников, как Куба, которая не являлась членом УНАСУР или ОАГ.

Эта сложная региональная архитектура способствовала повышению институциональной гибкости и позволила Аргентине осуществлять свою деятельность в многочисленных областях для диалога и кооперации. Данная структура охватывает все страны Америки, малые региональные группы, такие как Латинская Америка, Южная Америка, или страны Южного Конуса, а также широкий спектр основных направлений. Создание новых региональных организаций привело к дублированию членского состава в них, а в некоторых случаях – к дублированию мандатов – особенно между региональными организациями с различными или пересекающимися географическими охватами. Эффект от такого дублирования членства в региональных организациях может оказаться выгодным или вредоносным, что в конечном итоге зависит от деятельности вовлеченных сторон. С институциональной точки зрения проблематичным является

достижение оптимальной стратегической цели, особенно применительно к стратегическим интересам стран-участников.

В этой статье было продемонстрировано, что институциональная структура УНАСУР не является результатом какой-либо искаженной модели или организационных дефектов. Ее также нельзя охарактеризовать как неполную или поверхностную, ссылаясь на литературные источники с данными о Европейской интеграции. Вместо этого она отвечает интересам – иногда противоречивым – создателей данной организации, в данном исследовании это Аргентина. УНАСУР – это не просто пример институционального хаоса или очередная макаронина в тарелке, а результат сознательного решения создать еще одну организационную структуру Южной Америки. Было бы интересно ознакомиться с подобными исследованиями о внешнеполитических стратегиях и интересах других южноамериканских стран в процессе создания УНАСУР; надеемся, что в ближайшем будущем подобная литература появится на книжных полках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Об участии Президента Аргентины в саммите УНАСУР // Официальный сайт Министерства иностранных дел и культа Аргентины. URL: cancilleria.gob.ar/es/actualidad/comunicados/declaraciones-del-canciller-jorge-taiana-antes-de-partir-junto-la-presidenta.
- Gomez-Mera L.* International Regime Complexity and Regional Governance: Evidence from the Americas // *Global Governance*. 2015. № 1 (21). P. 19–42.
- Hofmann S., Merand F.* Regional Organizations a la Carte: the Effects of Institutional Elasticity. *International Relations Theory and Regional Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 133–157.
- Hurrell A.* Security in Latin America // *International Affairs*. 1998. № 68 (1). P. 529–546.
- Malamud A., Gardini G.L.* Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2012. № 47(1). P. 116–133.
- Nelson M.* A History of the FTAA: From Hegemony to Fragmentation in the Americas. London: Palgrave Macmillan, 2015. 486 p.
- Sanahuja J.A.* Post-Liberal Regionalism in South America: The Case of UNASUR // *EUI Working Paper, RSCAS*. 2012. № 05. P. 87–136.
- Tussie D.* Latin America: contrasting motivations for regional projects // *Review of International Studies*. 2009. № 35 (1). P. 169–188.

Wilson-Daily A.E., Barriga U.E., Prats C.J. Youth and the European Union in Catalonia: Identity and politics // *International Journal of Sociology of Education*. 2017. № 1. P. 132–158.

REFERENCES

- Ob uchastii Prezidenta Argentiny v sammite UNASUR // Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyh del i kul'ta Argentiny. URL: cancilleria.gob.ar/es/actualidad/comunicados/declaraciones-del-canciller-jorge-taiana-antes-de-partir-junto-la-presidenta
- Gomez-Mera L.* International Regime Complexity and Regional Governance: Evidence from the Americas // *Global Governance*. 2015. № 1 (21). P. 19–42.
- Hofmann S., Merand F.* Regional Organizations a la Carte: the Effects of Institutional Elasticity. *International Relations Theory and Regional Transformation*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 133–157.
- Hurrell A.* Security in Latin America // *International Affairs*. 1998. № 68(1). P. 529–546.
- Malamud A., Gardini G.L.* Has Regionalism Peaked? The Latin American Quagmire and its Lessons // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2012. № 47 (1). P. 116–133.
- Nelson M.* A History of the FTAA: From Hegemony to Fragmentation in the Americas. London : Palgrave Macmillan, 2015. 486 p.
- Sanahuja J.A.* Post-Liberal Regionalism in South America: The Case of UNASUR // *EUI Working Paper, RSCAS*. 2012. № 5. P. 87–136.
- Tussie D.* Latin America: contrasting motivations for regional projects // *Review of International Studies*. 2009. № 35 (1). P. 169–188.
- Wilson-Daily A.E., Barriga U.E., Prats C.J.* Youth and the European Union in Catalonia: Identity and politics // *International Journal of Sociology of Education*. 2017. № 1. P. 132–158.

А. Я. Касюк, Е. Д. Леонтьев

Касюк А.Я., доктор исторических наук, профессор;
директор Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: imoisprn225@mail.ru

Леонтьев Е.Д., магистрант Института международных отношений
и социально-политических наук Московского государственного
лингвистического университета; e-mail: edl24@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПОРТА И ПОЛИТИКИ

Статья посвящена исследованию взаимоотношений спорта и политики, раскрытию сути диалектически-противоречивого характера этого взаимодействия. В XXI в. спорт стал неотъемлемой частью политики, одним из основных ресурсов политики «мягкой силы» государства, инструментом формирования позитивного имиджа страны. В статье рассматривается опыт применения подобного инструмента как в зарубежных странах – Южной Корее, Китае, США, – так и в России; представлены методы реализации странами политики «мягкой силы» в сфере спорта. Авторами осуществлен анализ и дана классификация фактов взаимодействия политики и спорта, использования спорта политическими элитами в качестве инструмента воздействия на политический процесс, эффективного средства на пути к достижению своих политических целей, раскрываются способы оказания давления на властные структуры при помощи спорта.

Ключевые слова: спорт; политика; «мягкая сила»; Олимпийские игры; спортивная политика; «политология спорта»; имидж; международные отношения, внешняя политика, политический процесс, власть.

A. Y. Kasyuk, E. D. Leontyev

Kasyuk A. Y., Doctor of Historical Sciences, Professor;
Director of the Institute of International Relations and Social and Political Studies,
MSLU; e-mail: imoisprn225@mail.ru

Leontyev E. D., master degree student of the Institute of International Relations
and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: edl24@mail.ru

SOCIAL-POLITICAL CONCEPTS OF SPORTS AND POLITICS RELATIONS

The article explores the relationship between sports and politics and reveals the essence of its controversial nature. Sport has become an indispensable component of policy and one of the core sources of soft power, and a tool for shaping the positive image of a state. The article analyses the application of this tool in such states as South Korea, China, The United States as well as in the Russian Federation. It portrays

methods of implementing the policy of soft power in sport. The authors analyze and classify instances of interaction between sports and politics, use of sport by political elites as a means to interfere in the policy process and an efficient tool to pursue their political ends. They also reveal the ways of exerting pressure on power structures by means of sport.

Key words: sport; policy; politics; soft power; the Olympic games; sports policy; “political science of sport”; image, international relations; foreign policy; political process; power.

Введение

На протяжении веков спорт выполнял в обществе одну из важнейших функций – консолидирующую. Спорт служил повышению самосознания, воспитанию патриотизма широких слоев населения страны, поднимал престиж государства на международной арене. Начиная с XX в. в спорт все глубже проникает политика, он в большей мере превращается в инструмент политической пропаганды и манипулирования сознанием миллионных масс населения планеты, действенным средством политического противоборства за международный авторитет и лидерство на мировой арене.

В современном мире спорт стал неотъемлемой составной частью политики любого государства, инструментом, с помощью которого формируется его позитивный имидж. Спорт в настоящее время – не просто подготовка, организация и проведение спортивных соревнований. Это понятие сопряжено с достаточно сложным многоуровневым процессом, включающим в себя политические, правовые, социальные, культурные, экономические и ряд других аспектов. Спорт как феномен, особенно в нашем глобализирующем мире, весьма ценное средство как для политики в целом, так и для политиков в частности, использующих его в качестве инструмента воздействия на электорат. Крупные спортивные мероприятия выступают в качестве эффективных инструментов политического давления, так как они привлекают внимание значительного количества людей и таким образом являются прекрасной площадкой для выражения политических взглядов различных групп населения.

Спорт как инструмент политики «мягкой силы»

Теоретическое обоснование спорта как эффективного инструмента создания позитивного имиджа страны и оказания влияния на другие государства впервые изложено в концепции «мягкой силы»

американского политолога Ная. По его мнению, сила государства во внешней политике заключается в возможности добиваться от других желаемых результатов, однако далеко не всегда эта сила должна отождествляться с военной мощью [Joseph S. Nye 1991].

К основным инструментам оказания влияния с помощью «мягкой силы» относятся экономика, культура, наука и образование. Особое место среди них занимает спорт. Именно поэтому с таким упорством руководители ведущих мировых держав борются за право проведения различных международных соревнований. Подготовка и проведение чемпионатов Европы и мира, Олимпийских игр превратились не просто в спортивные состязания, а стали этапами настоящей политической борьбы, в ходе которой осуществляется демонстрация силы и превосходства как экономической системы, так и политического и социального строя того или иного государства. Именно поэтому спорт превратился в один из ведущих инструментов «мягкой силы», который используют как Российская Федерация, так и многие зарубежные страны. К последним относятся в большей мере Республика Корея, Китай и Соединенные Штаты Америки.

Республика Корея явилась организатором Олимпийских игр 1988 г., принимала чемпионат мира по футболу 2002 г. Но наиболее выдающимся мировым событием стали зимние Олимпийские игры 2018 г. в Пхенчхане. Эти игры привлекли к себе внимание всей мировой общественности, и не только спортивной: существенно увеличился поток туристов, многочисленные посетители смогли познакомиться с достижениями Республики Корея в экономической области, многообразием культуры, искусства. Все это послужило тому, что за счет «мягкой силы» существенно возрос авторитета страны на мировой арене [Жидков URL].

Подход Китайской Народной Республики к использованию политики «мягкой силы» впервые был озвучен в политическом докладе на XVII съезде ЦК КПК в 2007 г. В соответствии с его решениями усилия руководства страны нацелены на использование «нематериальных ресурсов» культуры и политических идеалов для влияния на поведение людей в других странах», создание положительного образа Китая, выведение его на новые рубежи [Просеков 2011]. Китайские власти пытаются использовать спорт в качестве одного из элементов китайской культуры. Так, в последнее время широкую известность приобретает *тайцзи жоули цю* – вид спортивного искусства.

«Жоу ли» в переводе звучит как «мягкая сила» [Тайцзи Байлун Бол URL]. В 2008 г. Китай оказался в центре внимания мировой общественности, так как именно здесь были проведены летние Олимпийские игры, в ходе которых китайская сборная заняла первое место. Китаем на подготовку и проведение Олимпийских игр было потрачено около 40 млрд. долларов США. Проведение Олимпийских игр оказало огромное влияние на мировое сообщество, а размах и уровень их организации стал показателем впечатляющего экономического роста Китая, позволил войти в число стран-лидеров глобального масштаба [Казаринова 2010].

Начиная с 2011 г. в Китае реализуется «План физического развития всего народа», целью которого является значительное увеличение количества городских и сельских жителей, занимающихся спортом. Подобная активная пропаганда спорта воспринимается населением страны как символ здоровья и жизненного счастья, индикатор национальной силы КНР, цивилизационного прогресса общества [Библиотека международной спортивной информации. Спорт в Китае URL].

Еще более широко используют спорт в целях пропаганды своих достижений и своего величия Соединенные Штаты Америки. В качестве аргументов используются данные о том, что в США самое большое количество раз (восемь) проводились Олимпийские игры, американские спортсмены в этих играх завоевали самое большое количество медалей. Все эти успехи в области спорта автоматически экстраполируются на достижения в сфере экономики и политики.

В Российской Федерации термин «мягкая сила» вошел в оборот начиная с 2012 г. А в феврале 2013 г. понятие «мягкая сила» было включено в Концепцию внешней политики РФ (*static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf*). В этой связи хотелось бы отметить роль и значение в современной истории Российской Федерации Олимпиады в Сочи. Олимпийские игры 2014 г. существенным образом оказали влияние на имидж нашей страны. Люди из самых разных стран больше узнали о России, о ее многочисленных народах, культуре, наших достижениях.

Россия поставила рекорд по финансовым вложениям в зимние Олимпийские игры в Сочи. Как отмечал Премьер-министр РФ Д. А. Медведев, затраты на подготовку к Олимпийским играм в Сочи составили около 50 млрд долл. США [Олимпийские рекорды. Самые

дорогие Игры в истории URL]. Но не только уровень финансовых затрат, но и качество инфраструктуры олимпийских объектов, условия, созданные для спортсменов и болельщиков, стали визитной карточкой Сочинской Олимпиады и, таким образом, продемонстрировали успехи России.

Россия, бесспорно, входит в число тех государств, которые так же, как и другие мировые державы, используют спорт в качестве инструмента политики «мягкой силы». Подтверждением этому является усиленное внимание к спорту со стороны руководства страны, включая Президента Российской Федерации В. В. Путина, особенно в последние десятилетия, когда Россия стала одной из центральных площадок проведения крупнейших международных спортивных соревнований. Это чемпионат мира по легкой атлетике в 2013 г., зимние Олимпийские игры в 2014 г., а также чемпионат мира по футболу в 2018 г., Всемирная зимняя универсиада в Красноярске в марте 2019 г.

Несмотря на значительные успехи России в спорте, всё же необходимо признать, что она, обладая существенными ресурсами и серьезным потенциалом, пока что в этой области отстает от таких стран, как Китай и США, особенно в сфере использования спорта в качестве инструмента «мягкой силы». Причины отставания заключаются в том, что в России на сегодняшний день нет четко разработанной концепции использования спорта в качестве инструмента политики «мягкой силы», в отсутствие выработанной стратегии ее применения [Наумов URL]. Крупные международные соревнования, включая Олимпийские игры в Сочи и чемпионат мира по футболу в 2018 г., являются, к сожалению, в этом ряду единичными акциями.

Слабость использования инструментов «мягкой силы» Российской Федерацией в области политики в сфере спорта наглядно проявляется в многочисленных допинговых скандалах вокруг российских спортсменов. Малоэффективным в этой связи кажется противодействие со стороны российских спортивных чиновников. Эту тенденцию мы можем проследить на примере «мельдониевой войны».

Первоначально «мельдониевый скандал» коснулся исключительно российских спортсменов, которых якобы уличили в использовании этого препарата. В результате накануне Олимпийских игр 2016 г. в Бразилии ведущие российские спортсмены не были допущены к участию в играх, и сборная России фактически лишилась своего сильнейшего состава. В дальнейшем Международный Олимпийский

Комитет 5 декабря 2017 г. дисквалифицировал Национальный Олимпийский Комитет РФ, что как следствие повлекло за собой официальное исключение Российской Федерации из состава участников XXIII Зимних Олимпийских игр в южнокорейском г. Пхенчхане. Это был первый в истории Олимпийских игр случай отстранения за допинг конкретного государства от участия в Олимпиаде. По данным ТАСС, данное решение МОК было принято в рамках общей политики, проводимой Западом в последние годы по отношению к России. Эту же точку зрения выразил и глава Комитета Совета Федерации по международным делам К. Косачев [Реакция на отстранение России от Олимпиады–2018 URL].

В одной из предвыборных статей В. В. Путин отметил, что «Россия на себе ощущает необъективность, предвзятость и агрессивность задействованного против нее критиканства, которое порой переходит все мыслимые границы» [Путин 2012а]. По мнению В. В. Путина, «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. А виноваты мы в том, что плохо объясняем свою позицию» [там же].

Спортивная политика как инструмент воздействия на современное общество

Существует три способа оказания давления на властные структуры при помощи спорта.

Во-первых, использование спортивных мероприятий в качестве площадок для:

- выражения протеста принятыми руководством страны политическими решениями или недовольства проводимым политическим курсом;
- привлечения внимания к существующим проблемам внутри страны;
- трансляции оппозиционных политических воззрений и ведения пропагандистской работы.

Данный вид политического давления наблюдается практически перед каждым крупным спортивным мероприятием, особенно международного масштаба. Так, при подготовке к Олимпийским играм в Сочи оппозиционные политические силы в России активизировали свою деятельность. Используя СМИ, они акцентировали внимание

населения на существенной дороговизне осуществляемого проекта, стремились привлечь внимание к проблемам сопровождавшей его осуществление коррупции [Степовик URL].

Во-вторых, попытки бойкота (или призыва к нему) крупных спортивных соревнований международного масштаба. Они находят выражение в публичном отказе от участия в конкретных спортивных соревнованиях. Бойкот в качестве средства политического протеста имел место собственно с самого возрождения Олимпийских игр в послевоенной истории. Первый факт официального бойкота Олимпийских игр был предпринят в 1920 г., когда МОК не пригласил для участия в Олимпийских играх спортсменов из Германии и стран ее союзниц, ответственных за развязывание Первой мировой войны. Исходя из политической позиции, МОК до середины 1930-х гг. отказывался признавать существование РСФСР как государства, фактически отдав право участия нашей страны в Олимпийских играх представителям эмиграции. Несмотря на то, что в 1920-х гг. выдвигалось предложение одновременного участия двух сборных России – советской и эмигрантской, которое нашло позитивное отношение к нему даже самого Пьера де Кубертена, идея так и не была одобрена МОК. Именно ввиду этих политических маневров дебют советского спорта на Олимпийских играх состоялся только на XV Играх в 1952 г. в Хельсинки [Гик, Гупало 2014].

Наиболее показательным примером использования данного способа в качестве политического протеста следует отнести бойкот Московской Олимпиады 1980 г. Президент США Дж. Картер отказался посылать американских спортсменов и настоятельно рекомендовал своим союзникам бойкотировать летние Олимпийские игры в Москве. В качестве оправдания своих политических действий американские политики ссылались на ввод советских войск в Афганистан. Предложение о бойкоте нашло поддержку 64 государств, таких как ФРГ, Канада, Япония и др. В качестве ответной меры был объявлен бойкот Олимпийских игр в Лос-Анджелесе со стороны стран социалистического лагеря (за исключением КНР, Югославии и Румынии).

К глубокому сожалению, и в современном мире продолжает находить применение практика бойкота. Попытка развернуть кампанию бойкота имела место и в отношении Олимпийских игр в Сочи – в связи с принятием закона о запрете гей-пропаганды, а также о якобы

«оккупации части грузинской территории» и т. д. [Багдасарян 2014]. Несмотря на все предпринимаемые усилия, попытки организовать бойкот зимней Олимпиады в Сочи провалились. Сочинская Олимпиада и по представительству (более 50 глав государств и правительств), и по организации и результатам явилась лучшей за всю историю зимних Олимпийских игр. Попытки призыва к бойкоту предпринял и ряд американских конгрессменов по отношению к чемпионату мира по футболу в России 2018 г. [Конгрессмены США мечтают лишить Сочи права проведения Олимпиады-2014 URL]. Поводом к данной политической акции явилась ситуация, связанная с возвращением Крыма в состав Российской Федерации. При этом позицию американских конгрессменов поддерживали вице-премьер Великобритании, президент Украины, президент Литвы и т. д.

В-третьих, все крупные международные спортивные соревнования представляют собой объекты устремлений со стороны различных криминальных организаций и группировок, в том числе и политического толка. И в этом случае государство-устроитель, наряду со своим имиджем, подвергает опасности жизни значительного количества людей. В данном контексте самыми опасными оказываются попытки оказать давление на власть при помощи террористических актов. Террористические формирования намерены использовать крупные международные спортивные мероприятия для террористических атак с целью получения политических результатов. Попытка подобных действий имела место и по отношению к Олимпийским играм в Сочи. Так, в июле 2013 г. лидер движения «Имарат Кавказ» Доку Умаров призывал боевиков использовать все возможности для срыва Олимпиады в Сочи [Террористическая угроза Олимпиаде в Сочи сохраняется, считают эксперты. Кавказский узел URL].

Внутри государства спорт в значительной мере является средством, оказывающим влияние на социальную жизнь общества. Политические партии и общественные организации, принимая участие в спортивной деятельности, в состоянии направить действия электората на позитивное или негативное отношение к шагам, предпринимаемым государственными структурами. В случае осуществления позитивных действий спорт выполняет роль объединяющего фактора, способствует укреплению гордости за свою страну и тем самым вносит вклад в выполнение целого ряда задач.

Во-первых, высокие результаты, достигнутые спортсменами на соревнованиях, являются для иностранцев, граждан страны-победителя, СМИ показателем успешно реализуемой спортивной политики и, как следствие, политического курса государства в целом. Население страны победу своей команды на международных соревнованиях ассоциирует с правильностью политического курса, успехом государства в целом и поводом гордиться своей страной. Имеющие место в этот период времени различные бытовые и социальные проблемы затушевываются и таким образом выводятся с повестки дня. Этим способом государственный аппарат пытается сознательно отождествить в общественном сознании спортивные и социально-политические достижения.

Во-вторых, высокие достижения спортсменов способствуют повышению общего рейтинга страны в глазах мировой общественности. Это можно было наблюдать на фоне результатов подготовки и проведения Олимпийских игр в Сочи и чемпионата мира по футболу 2018 г., когда значительно увеличился интерес к России со стороны иностранных граждан.

В-третьих, спорт может составить основу формулирования ценностных ориентаций государства, в том числе национальной идеи, т. е. «быть идеальным вместилищем любой идеологии, и в каждом конкретном случае государство, чья команда или спортсмены побеждали, оборачивало этот успех себе на пользу» [Щепинов 2010, с. 123]. Именно поэтому спорт в состоянии выступить в качестве средства, при помощи которого в случае умелого использования представляется возможным существенным образом повысить рейтинг ведущих политических и государственных деятелей. По данным ВЦИОМ, рейтинг президента России В. В. Путина достиг самых высоких показателей в 2015 г. благодаря двум ярким событиям: возвращению Крыма в состав РФ, организации и успешному проведению Олимпийских игр в Сочи.

В-четвертых, профессиональный спорт в значительной мере является популяризатором массового (любительского) спорта. По заявлению Президента В. В. Путина, «...что касается чемпионата мира по футболу, да, это дорогая вещь. Но если мы хотим жить дольше, если хотим, чтобы население и люди у нас были здоровыми, нужно создавать новые футбольные площадки, хоккейные, спортивные залы. Важно, чтобы люди тратили имеющиеся у них денюжки не на

то, чтобы «махнуть» с друзьями, а на то, чтобы вместе пойти в спортивный зал, даже если он платный» [Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина 18.12.2014 URL]. В последнее время число людей в России, которые активно занимаются физической культурой, постоянно растет. Как отметил В.В.Путин 27 марта 2019 г. на заседании Совета при Президенте по развитию физической культуры и спорта: «За последние 10 лет число тех, кто выбрал спорт как образ жизни, как досуг, возросло с 17 до почти 40 процентов и превысило 54 миллиона человек» [Латухина 2019]. Здесь, вне всяких сомнений, прослеживается прямая зависимость от проведения в последние годы в стране крупных международных спортивных кампаний.

Концептуальные положения взаимоотношения спорта и политики

Теоретические основы концепции спорта как неотъемлемого элемента олимпийского движения были заложены французским общественным деятелем Пьером де Кубертенем, инициатором возрождения современных Олимпийских игр. С этого момента собственно и берет свое начало отсчет эпохи взаимоотношения спорта и политики. Это вылилось в последующем в идеологическую конфронтацию двух мировых противоборствующих систем во главе с СССР и США в использовании спорта в качестве эффективного инструмента политики «мягкой силы».

В 1980-е гг. преобладающей становится концепция, в соответствии с которой спорт является неотделимым от политики. В политической практике ведущих мировых держав спорт все чаще выступает в качестве средства достижения поставленных политических целей. В немалой степени подобное положение возникло потому, что «имела место очевидная зависимость организации спортивного движения от государства как такового, его политики и политической идеологии» [Среднерусский вестник общественных наук 2017, с. 199]. Спортсмены, устанавливающие рекорды и завоевывающие на различных международных соревнованиях медали, добивались не только личного спортивного успеха, но и тем самым способствовали существенному укреплению международного имиджа страны, под флагом которой они выступали.

Спорт в качестве инструмента «мягкой силы» может быть использован в политических целях для решения следующих задач:

- оказание прямого или опосредованного политического давления на принятие решений МОК и Национальными олимпийскими комитетами;
- поднятие престижа государства на международной арене, когда достижения спортсменов коррелируются с успехами в других областях;
- повышение сплоченности, увеличение степени идентичности населения и повышение уровня общественно-политического сознания;
- привлечение спортсменов, добившихся существенных спортивных успехов, к участию в пропагандистских кампаниях общенационального масштаба, проводимых государственными органами как внутри своей страны, так и на зарубежную аудиторию;
- достижения политиками своих личных целей. Так, например, представители современной российской политической элиты не скрывают своей приверженности определенному конкретному виду спорта (дзюдо, горные лыжи, хоккей, футбол), а государственные структуры предоставляют этим видам спорта всяческие льготы, оказывают финансовую и иную поддержку.

С точки зрения основ концепции взаимоотношения спорта и политики, чрезвычайно важно, в каких политических целях может быть использован и реально используется спорт как инструмент «мягкой силы», а также, какие политические силы и каким образом в этом задействованы.

В контексте взаимоотношения спорта и политики существенными являются вопросы, касающиеся спортивной политики государства. В деятельности государства спортивная политика находит самое широкое применение, и при этом она решает следующие основные задачи:

- создание благоприятных условий для выполнения спортом определенных самостоятельных функций;
- обеспечение предпосылок для успешной реализации спортом социальных ролей в обществе;
- предоставление возможностей функционирования спорта в качестве составного элемента политического влияния.

Инструментами реализации спортивной политики государства являются политические партии и общественные организации, которые ставят перед собой цель направить развитие спорта в нужное с их

точки зрения политическое русло, соответствующее их политическим взглядам, интересам и идеологическим установкам. Вместе с тем в практике реализации спортивной политики самое активное участие также принимают и различные неполитические организации, в том числе спортивные союзы и клубы, образовательные учреждения и др.

С целью уменьшить степень влияния политики на спорт, особенно при организации и проведении международных соревнований, в том числе Олимпийских игр, представители спортивной общественности различных стран выдвинули целый ряд предложений: отказаться от использования национальных флагов и гимнов, процедуру открытия Олимпийских игр осуществлять президенту Международного олимпийского комитета, а не руководителю государства, в котором проводятся игры. Впервые эти предложения официально озвучил вице-президент МОК Ж. де Бомон [Предложения Жана де Бомона 1980, с. 8]. В последующие годы звучали также предложения о необходимости организации Олимпийских игр не в одной, а сразу в нескольких странах одновременно или же определения постоянного места проведения Олимпиад в одном и том же государстве (в качестве претендента зачастую называлась Греция). Однако ни одно из выдвинутых до настоящего времени предложений не принято. Вряд ли можно ожидать, что и в ближайшем будущем какое-либо из этих предложений будет реализовано.

Что же касается относительной независимости спорта от политики, то на самом деле спорт был вне политики разве что у самих истоков олимпийского движения. Уже Лондонские Олимпийские игры 1908 г. были омрачены политическим скандалом, когда американский спортсмен Мартин Шеридан отказался склонить флаг перед английским королем Эдуардом VII.

Вместе с тем в определенных условиях спорт все же находится в относительной независимости от политики. К таким условиям относятся правила проведения всевозможных спортивных соревнований, принципы судейства, организация тренировочного процесса, техники выполнения определенных физических упражнений. Все они по определению не могут относиться к сфере политики. В этом смысле, как отмечает немецкий политолог К. Кроков, не существует «капиталистического» или «социалистического» спорта [Krockow 1984]. С этой точки зрения спорт, вне всяких сомнений, выступает как относительно независимое от политики социальное явление.

Так как спортивные организации не ставят перед собой задачу завоевания государственной власти, а связывают свою деятельность с вопросами укрепления здоровья, физического совершенствования населения, они не могут быть причисленными к политическим организациям. Люди, входящие в состав спортивных организаций, как правило, могут стоять на самых различных политических позициях. Однако деятельность в составе этих организаций не может являться для их членов препятствием к участию в решении политических вопросов, как правило, имеющих отношение к спорту в широком смысле этого слова: имеются в виду борьба за сохранение мира, против расовой или религиозной дискриминации и т. п. Такая позиция в отношениях спорта и политики обозначается термином «политическая автономия спортивного движения» [Güldenpfennig 1980]. Вместе с тем подобная система взаимовлияния, сложившаяся на практике в сфере отношений спорта и политики, абсолютно не противоречит и не освобождает спортивные организации от обязанностей, связанных с патриотическим воспитанием спортсменов, являющимся частью государственной политики страны [Ливцов 2016]. И таким образом, в любом случае мы вынуждены все же признать присутствие политического фактора в сфере спорта.

Политический фактор в области спорта находит свое проявление в нескольких основных аспектах:

- преследовании политических целей в спорте;
- непосредственно спортивной политике, проводимой субъектами государственного управления;
- участии спортсменов в политической жизни страны;
- патриотическом (политическом) воспитании самих спортсменов;
- оказании влияния общества на спортивную сферу.

Очевидным становится факт превращения спорта в существенный фактор решения самых различных политических проблем, в первую очередь связанных с борьбой за власть, процессом проведения избирательных кампаний, повышения имиджа страны на международной арене, формированием национального чувства идентификации и национального престижа. Если ранее шла речь об однонаправленном влиянии политики на спорт, то сегодня можно констатировать расширяющееся воздействие этих сфер общественной деятельности друг на друга, приобретающее признаки диалектической взаимозависимости.

Вместе с тем у массового и профессионального спорта функции и роли в политической жизни государства, в том числе касающиеся формирования ее имиджа, различаются [Щепинов 2010, с. 293]. Массовый спорт в Российской Федерации является средством, способствующим объединению нации, фактором, влияющим на формирование национальной идентичности [Ливцов 2016, с. 120]. В то же время профессиональный спорт превращается в эффективный инструмент «мягкой силы». Имидж страны является по своей сути посланием конкретного государства миру, и его предназначение – олицетворять положительную коммуникационную модель в современном насыщенном информационном пространстве, где страна ведет перспективный диалог с другими государствами и народами.

Самые различные точки зрения о взаимоотношении спорта и политики находят свое выражение в **двух противоположных концепциях**: «спорт – вне политики» и «спорт насквозь политичен». Обеим этим концепциям присущ ошибочный подход к анализу и оценке взаимоотношения спорта и политики: отсутствие четкого понятийного аппарата, произвольное толкование отдельных аспектов этого взаимоотношения. В действительности взаимоотношения спорта и политики являются намного более сложными, многоаспектными, требующими дифференцированных подходов и оценок. Именно поэтому независимость спорта от политики представляется нам не абсолютной, а относительной.

Спорт и политика с точки зрения связи между ними на протяжении всего периода их существования отличались взаимовлиянием друг на друга. Правители всех стран, начиная с Древнего Рима, пытались использовать спортивные соревнования в целях повышения своего авторитета, престижа, укрепления власти. Даже те, кто на словах активно пропагандировал независимость спорта от политики, как, например, Пьер де Кубертен, на практике приложили немало усилий, чтобы подчеркнуть особую роль спорта в расширении международного сотрудничества, укреплении мира.

С прекращением в 90-е гг. «холодной войны», казалось бы, должна была восторжествовать истина «спорт вне политики». Но этого, к сожалению, не случилось. В наше время влияние политики на спорт всё больше усиливается; спорт продолжает оставаться своеобразным инструментом политического противоборства государств на международной арене за выход на лидирующие позиции. При этом

в большей степени проявляются тенденции, когда спорт становится орудием в руках политиков, ослабляя при этом в определенной мере свое имманентное влияние на политический процесс.

В течение продолжительного времени позиции «спорт – вне политики» упорно придерживался Международный олимпийский комитет, несмотря на наличие целого ряда политических проблем, имеющих непосредственное отношение как к деятельности МОК, так и олимпийскому движению в целом. К таковым проблемам относятся периодически возникающие трения между Национальными комитетами различных государств, поскольку последние выступают в качестве представителей национальных интересов своих стран. Вначале олимпийское движение носило наднациональный характер, и только возрожденные Олимпийские игры нового времени с настоящего времени приобрели систему национальных олимпийских комитетов, что предполагало возможность пропаганды в ходе Олимпийских игр идей национализма и шовинизма.

Проблема возрастания политизации спорта обусловлена как ее теоретической, так и практической значимостью. Так, например, президент Соединенных Штатов Дж. Кеннеди определял могущество страны как «совокупность количества ядерных боеголовок в запасе и золотых медалей, завоеванных на Олимпийских играх» [Щепинов 2010, с. 124]. Уже в 50-х гг. XX столетия происходит отказ от популярных ранее теорий нейтрального положения спорта, его аполитичности.

В 1980-е гг. теоретическая концепция, согласно которой «спорт не может быть отделен от политики», становится преобладающей. Свидетельствами этого в последние годы служат:

- возрастающая зависимость деятельности спортивных организаций от политики государства в области спорта;
- тесная взаимосвязь достижений национальных команд на международных соревнованиях с сопричастностью граждан всей страны к достигнутым успехам, и на этой основе резкое возрастание национального самосознания;
- увеличение финансовых затрат на организацию и проведение спортивных соревнований, особенно международного масштаба, расходов на подготовку спортсменов в области спорта высоких достижений, и отсюда – зависимость от решений правительств государств на соответствующие финансовые затраты.

Спорт не может быть «вне политики» потому, что он в любом случае тесно связан с самим обществом, с общественными и национальными интересами. С другой стороны, спорт зачастую является продолжением «политики другими средствами» [Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart 1980, с. 87]. Таким образом, можно с полным основанием констатировать **диалектический характер взаимосвязи спорта и политики**:

– с одной стороны, спортивная деятельность не является непосредственно политической, спорт представляет собой относительно независимое от политики социальное явление;

– с другой стороны, спорт испытывает на себе влияние политики и политических деятелей, может использоваться и реально используется ими в политических целях.

Таким образом, важно не только учитывать **возможность и реальность** взаимосвязи спорта и политики, но и **различные формы** этого явления, к числу которых как минимум можно отнести следующие:

- использование спорта в политических целях;
- спорт как сфера деятельности субъектов политики, проводимая ими спортивная политика;
- спортсменов как политическая фигура, его политическая активность;
- патриотическое воспитание спортсменов, роль спорта в этом воспитании;
- влияние социально-политической структуры общества на спорт и спортивную политику.

В настоящее время актуальность проблемы влияния спорта на политику переоценить достаточно сложно. К политическим свойствам власти в абсолютном большинстве государств мира сегодня относится **сращение политической, спортивной и бизнес-элиты** в современном обществе. В качестве примеров можно было бы привести покупку Р.А. Абрамовичем (в то время Председатель Думы Чукотского автономного округа) английского футбольного клуба «Челси», назначение министром спорта Российской Федерации олимпийского чемпиона, шестикратного чемпиона мира по фехтованию на шпагах П. А. Колобкова, получение спортсменами мандатов депутатов Государственной Думы РФ. Так, если в 1993 г. в составе Государственной Думы РФ первого созыва не было ни одного спортсмена, то в Государственной Думе пятого созыва уже было 13 человек, а настоящая

Государственная Дума седьмого созыва имеет в своем составе 15 бывших спортсменов, таких известных как Н.С.Валуев, В.Г.Газзаев, С.С.Журова, А.А.Карелин, И.К.Роднина, В.А.Третьяк, В.А.Фетисов и др. Достижения спортсменов в прошлом существенно повышают шансы представляемой ими партии на получение значительного количества голосов избирателей, а сами спортсмены получают возможность построения своей политической карьеры.

В настоящее время мы наблюдаем дальнейшее усиление государственной политики в области физической культуры и спорта, ибо спорт, особенно высоких достижений, невозможен без существенного денежного обеспечения. С развитием рыночных отношений в Российской Федерации стали изменяться условия хозяйственной деятельности физкультурных организаций. В этот процесс, наряду с государством, вовлекаются частные лица и крупные финансовые компании. «Не секрет, что профессиональный спорт, крупные спортивные мероприятия и турниры весьма коммерчески привлекательны, в том числе серьезный доход получают рекламные компании и различного рода лотереи. Словом, со спортом прямо связана и целая бизнес-индустрия», – отметил Президент В.В.Путин и поручил проанализировать систему нормативного регулирования и предусмотреть четкие и понятные принципы, чтобы «часть доходов, формирующихся вокруг профессионального спорта, целевым образом направлялась бы на развитие массового спорта, на воспитание новых звезд» [Латухина 2019]. Вопросы развития массового спорта должны быть также учтены в рамках реализации национальных проектов. Президент В.В.Путин обратился к кабинету министров с просьбой оперативно разработать Стратегию развития физкультуры и спорта на срок до 2030 г. и принять ее не позднее октября 2020 г.

Так как в последнее время представители политической и бизнес-элиты нередко стали возглавлять спортивные федерации России, различные спортивные клубы, в этой связи государственная политика в области физической культуры и спорта подверглась существенной трансформации. Учитывая значение спорта для решения таких задач, как обеспечение здоровья населения, патриотическое воспитание молодежи, **спортивная политика** стала представлять собой *приоритетное* направление социальной политики государства.

Основой взаимодействия спортивной и политической сфер в качестве **акторов политической жизни** общества выступают спортивные

объединения и движения [Истон 1997]. Спортивные общественные объединения и движения являются институтами гражданского общества. Членство в этих организациях обеспечивает прямые и очевидные выгоды индивидам (спортсменам, тренерам, простым гражданам) и обществу, привлекая их к участию в общественной жизни. Стремление использовать спорт для решения различных политических задач характерно не только для государства, но также и для политических партий, общественных организации и т. д.

Организация и проведение крупных международных спортивных соревнований позволяет государственному руководству отвлечь внимание населения от имеющих место в жизни страны экономических, политических, социальных и иных проблем. Успехи и достижения в области спорта вне всяких сомнений используются в ходе предвыборных кампаний как самими кандидатами, так и соответствующими политическими партиями. Таким образом, спорт в руках политической элиты становится эффективным инструментом политического влияния на общество. Именно поэтому Олимпийское движение всё в большей степени входит в спектр деятельности как гражданского общества, так и государства в целом. После Олимпиады в Сочи–2014 граждане России, да и всего мира были свидетелями того, как яркий спортивный результат способен сплотить население страны.

Посредством организации и проведения крупных международных спортивных соревнований политическое руководство страны способно решать целый ряд крупных политических задач:

- воспитание у населения гордости за свою страну и проводимую органами государственной власти политику, повышение престижа страны-организатора международных соревнований и ее руководителей на международной арене;
- отвлечение внимания граждан от экономических, политических, социальных и других проблем и переключение его на сферу большого спорта;
- использование спортивных соревнований в качестве составных элементов предвыборных кампаний определенных политических партий и их лидеров.

Тесная связь спортивных функционеров со средствами массовой информации предопределила место и роль спорта в системе манипулирования общественным мнением. Возможности и технологии использования спорта в целях оказания влияния на массовое сознание

населения своей страны и мировое общественное мнение позволяют представить любое государство, его внутреннюю и внешнюю политику как в позитивном, так и в негативном свете. Создание атмосферы ошеломляющего впечатления в связи с успехом, достигнутым национальной сборной в том или ином виде спорта на крупных международных соревнованиях, позволяет преподнести ее как величайший успех всей государственной политики.

В связи с вышеизложенным учеными в области политической науки неоднократно поднимался вопрос о назревшей необходимости введения в высших учебных заведениях отдельной политологической дисциплины «Политология спорта», которая ставила бы своей задачей глубокий научный анализ проблемы взаимоотношения спорта и политики. В ее рамках можно было бы глубоко и всесторонне анализировать различные аспекты проблемы взаимопроникновения политической и спортивной сфер [Brohm 1976].

Заключение

Спорт обладает существенным потенциалом политизации в мире в целом и в современной России в частности. Руководители всех стран в большей или меньшей мере используют спорт в целях управления настроениями общества, решения различных политических задач. Спорт помогает развивать международные отношения. Соответственно, спорт в сочетании с такими факторами воздействия, как успешная политика, дипломатия, бизнес, культура и образование, наряду с финансовой мощью государства, способен оказывать в XXI в. самое серьезное влияние, формируя позитивный имидж государства на мировой арене. Политический компонент в структуре спортивного движения и внимание, которое к нему проявляется со стороны политического руководства любого государства, превращают спорт в один из главных явлений современного глобализирующегося мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багдасарян В. Э. Олимпиада и политика: идеологический ракурс / Центр научной и политической мысли и идеологии. 2014. URL: rusrand.ru/analitics/olimpiada-i-politika-ideologicheskij-rakurs.
- Библиотека международной спортивной информации // Спорт в Китае: история развития и современное состояние. URL: bmsi.ru/doc/ab2f873c-746d-427a-9f89-642a1751eb6a.

- Гук Е., Гупало Е. История Олимпийских игр. Серия: Спорт в деталях. М. : Эксмо, 2014. 352 с.
- Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 г. // Russia today. 2014. URL: russian.rt.com/article/65058.
- Жидков В. О. Элементы южнокорейской «мягкой силы». URL: cyberleninka.ru/article/n/elementy-yuzhnokoreyskoj-myagkoj-sily.
- Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Зарубежная политическая мысль. XX в. М. : Мысль, 1997. Т. II. С. 630–642.
- Казаринова Д. Б. Стратегии «мягкой силы» в политике государств – членов двадцатки // Свободная мысль. 2010. № 3. URL: goo.gl/kF9Hti.
- Конгрессмены США мечтают лишить Сочи права проведения Олимпиады–2014 // ИА «REGNUM». URL: regnum.ru/news/1041871.html.
- Латухина К. Народный марафон. Владимир Путин призвал развивать массовый спорт // Российская газета, 27 марта 2019. № 7824.
- Ливцов В. А., Пожидаев А. С. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему // Свободная мысль. 2016. № 6 (1660). С. 151–162.
- Наумов А. О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации. URL: www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm.
- Олимпийские рекорды. Самые дорогие Игры в истории. URL: liga.net/infografica/98306_olimpiyskie-rekordy-samye-dorogie-igry-v-istorii.htm.
- Предложения Жана де Бомона // Проблемы международного спортивного движения: Тематическая подборка. 1980. № 3–4. С. 8–10.
- Просеков С. А. Социально-философский анализ современных реформ Китая // Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 24–40.
- Путин В. В. Россия и меняющийся мир. 2012а. URL: www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html.
- Путин В. В. Россия: национальный вопрос 2012б. URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
- Реакция на отстранение России от Олимпиады–2018 // Информационное агентство России (ТАСС). URL: tass.ru/sport/4786997.
- Среднерусский вестник общественных наук. Серия политология. 2017. № 6. Т. 12. 186 с.
- Степовик М. Оппозиция: На олимпийской стройке в Сочи похищены миллиарды // DeutscheWelle. Россия. URL: www.dw.de/оппозиция-на-стройке-в-сочи-похищены-миллиарды/a-1685056890.
- Тайцзи Байлун Бол. «Мягкая сила» Китая. URL: www.taijiball.com.ua/2014/11/soft-power.
- Террористическая угроза Олимпиаде в Сочи сохраняется, считают эксперты. Кавказский узел. 2014. URL: www.kavkaz-uzel.ru/articles/237946.

- Щетинов А. О.* Политический потенциал спорта в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. Политология: актуальные аспекты. 2010. № 3. С. 121–126.
- Brohm J. M.* Sociologie politique du sport // Sport, culture et repression. 1976. # 4. P. 16–31.
- Güldenpfennig S.* Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. Köln : Pahl-Rugenstein Verlag, 1981. 92 S.
- Joseph S.* Nye. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1991. 336 p.
- Krockow C.* Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. Bonn, 1984. S. 24–33.
- Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart. Würzburg : Verlag Platz Freiburg, 1980. 139 S.

REFERENCES

- Bagdasarjan V. Je.* Olimpiada i politika: ideologičeskij rakurs / Centr nauchnoj i političeskoj mysli i ideologii. 2014. URL: rusrand.ru/analytics/olimpiada-i-politika-ideologičeskij-rakurs.
- Biblioteka mezhdunarodnoj sportivnoj informacii // Sport v Kitae: istorija razvitija i sovremennoe sostojanie. URL: bmsi.ru/doc/ab2f873c-746d-427a-9f89-642a1751eb6a.
- Gik E., Gupalo E.* Istorija Olimpijskih igr. Serija: Sport v detaljah. M. : Jeksmo, 2014. 352 s.
- Ezhegodnaja press-konferencija Vladimira Putina 18 dekabnja 2014 g. // Russia today. 2014. URL: russian.rt.com/article/65058.
- Zhidkov V. O.* Jelementy juzhnokorejskoj «mjagkoj sily». URL: cyberleninka.ru/article/n/elementy-yuzhnokorejskoj-myagkoj-sily.
- Iston D.* Kategorii sistemnogo analiza politiki // Antologija mirovoj političeskoj mysli: v 5 t. Zarubezhnaja političeskaja mysl'. HH v. M. : Mysl', 1997. T. II. S. 630–642.
- Kazarinova D. B.* Strategii «mjagkoj sily» v politike gosudarstv – chlenov dvadcatki // Svobodnaja mysl'. 2010. № 3. URL: goo.gl/kF9Hti.
- Kongressmeny SShA mechtajut lishit' Sochi prava provedenija Olimpiady–2014 // IA «REGNUM». URL: regnum.ru/news/1041871.html.
- Latuhina K.* Narodnyj marafon. Vladimir Putin prizval razvivat' massovyj sport // Rossijskaja gazeta, 27 marta 2019. № 7824.
- Livcov V. A., Pozhidaev A. S.* Jevoľjucija ponjatija «patriotizm»: cherez proshloe k budushhemu // Svobodnaja mysl'. 2016. № 6 (1660). S. 151–162.

- Naumov A. O.* «Mjagkaja sila» i vneshnepoliticheskij imidzh Rossijskoj Federacii. URL: www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm.
- Olimpijskie rekordy. Samye dorigie Igry v istorii. URL: liga.net/infografica/98306_olimpiyskie-rekordy-samye-dorigie-igry-v-istorii.htm.
- Predlozhenija Zhana de Bomona // Problemy mezhdunarodnogo sportivnogo dvizhenija: Tematicheskaja podborka. 1980. № 3–4. S. 8–10.
- Prosekov S. A.* *Social'no-filosofskij analiz sovremennyh reform Kitaja // Gumanitarnye nauki.* 2011. № 3. S. 24–40.
- Putin V. V.* Rossiya i menjajushhijsja mir. 2012a. URL: www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html.
- Putin V. V.* Rossiya: nacional'nyj vopros 2012b. URL: www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
- Reakcija na odstranenie Rossii ot Olimpiady–2018 // Informacionnoe agentstvo Rossii (TASS). URL: tass.ru/sport/4786997.
- Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. Serija politologija. 2017. № 6. T. 12. 186 s.
- Stepovik M.* Opozicija: Na olimpijskoj strojke v Sochi pohishheny milliardy. Deutsche Welle. Rossiya. URL: www.dw.de/opozicija-na-strojke-v-sochi-pohishheny-milliardy/a-1685056890.
- Tajczy Bajlun Bol.* «Mjagkaja sila» Kitaja. URL: www.taijiball.com.ua/2014/11/soft-power.
- Terroristicheskaja ugroza Olimpiade v Sochi sohranjaetsja, schitajut jeksperty. Kavkazskij uzel. 2014. URL: www.kavkaz-uzel.ru/articles/237946.
- Shhepinov A. O.* Politicheskij potencial sporta v sovremennoj Rossii // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. Politologija: aktual'nye aspekty. 2010. № 3. S. 121–126.
- Brohm J. M.* Sociologie politique du sport // Sport, culture et repression. 1976. # 4. P. 16–31.
- Güldenpfennig S.* Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Der Testfall 1980. Köln : Pahl-Rugenstein Verlag, 1981. 92 S.
- Joseph S. Nye.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1991. 336 p.
- Krockow C.* Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports: Beiträge einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Band 206. Bonn, 1984. S. 24–33.
- Politik und Sport in Geschichte und Gegenwart. Würzburg : Verlag Platz Freiburg, 1980. 139 S.

УДК 1:3+930.1

С. А. Мальченков

кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева; e-mail: stamal@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Статья посвящена проблеме построения общегражданской национальной идентичности России. Автор приходит к выводу о том, что существенным препятствием на пути достижения общенародного единства является пространственно-цивилизационная фрагментация населения России. В статье выделены пять кластеров, каждый из которых обладает специфическими социально-культурными особенностями. Преодоление не только экономического, но и ценностного разрыва между ними является важным залогом успешного развития России в XXI в.

Ключевые слова: национальная идентичность; гражданская нация; цивилизация; фрагментация; вестернизация; региональная политика.

S. A. Malchenkov

Ph.D. (History) Mordovian State University, Associate Professor at the Department of General History, Political Science and Regionology; e-mail: stamal@yandex.ru

SPATIAL FRAGMENTATION OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

The article is devoted to the problem of building a civil national identity of Russia. The author concludes that the territorial and civilizational fragmentation of the population of Russia is a significant obstacle to the achievement of national unity. The article identifies five clusters, each of which has its own socio-cultural characteristics. Overcoming not only the economic, but also the value gap between them is an important key to the successful development of Russia in the 21st century.

Key words: national identity; civil nation; civilization; fragmentation; westernization; regional policy.

Введение

Построение сплоченной гражданской нации является одной из главных задач для большинства стран мира. Достижение такого результата возможно только при наличии развитой национальной идентичности, предполагающей реальное осознание большинством

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А

граждан своей принадлежности к единому государству, восприятие близости и общности с другими гражданами вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности. Принципиальная возможность конструирования национальной идентичности с помощью целенаправленных усилий политических элит является положением, свойственным для представителей постмодернистских течений в исследовании этничности, наиболее заметными представителями которых можно назвать Б. Андерсона, Р. Брубейкера, Э. Геллнера [Андерсон 2001; Брубейкер 2012; Геллнер 1991]. Среди отечественных авторов, занимающихся изучением данной проблемы, следует в первую очередь отметить И. С. Семененко, в публикациях которой не только определяются сущностные характеристики термина «национальная идентичность», но и закладываются основы исследования политической идентичности [Семененко 2009; Семененко 2011]. И. Ю. Окунев в своих работах определяет территориальные и пространственные характеристики идентичности [Окунев 2018].

На практике формирование абсолютно монолитной национальной идентичности возможно только в небольших государствах, отличающихся единством этнического состава и компактностью проживания населения. В прочих же случаях наблюдается явление, которое можно назвать фрагментацией идентичности: подобная ситуация не отрицает наличия гражданской общности, но предусматривает мощное воздействие идентификационных факторов более низкого порядка (по сравнению с государством). В первую очередь, речь идет о таких факторах, как пространственные и цивилизационные различия. Так, например, даже в США, которые изначально создавались как единый «плавильный котел», наблюдаются существенные различия между гражданами, населяющими восточное и западное побережье, а также центральные штаты страны. Аналогично социально-культурные, цивилизационные механизмы могут также подтачивать единство гражданской нации. Например, в современном Китае наметились явные «идентификационные трещины» между этническим большинством хань (атеисты и конфуцианцы), с одной стороны, а также уйгурами-мусульманами и тибетцами-буддистами – с другой.

Очевидно, что для России с ее огромной территорией и многонациональным составом проблема фрагментации национальной идентичности стоит особенно остро. Это во все времена понимало руководство нашей страны, которое предпринимало усилия для

пространственно-цивилизационного сплочения нации. В различные исторические периоды в роли дефрагментирующего фактора предлагалось рассматривать как триаду «православие – самодержавие – народность», так и идею построения коммунистического общества. На современном этапе можно отметить такую попытку преодоления фрагментационных тенденций как продолжающееся обсуждение проекта закона о российской нации. Разработка этого документа началась в 2016 г. после заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и была изначально поддержана главой государства, однако в дальнейшем было объявлено о том, «что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности» [Городецкая 2017, с. 3].

В рамках данной работы мы исходим из того, что несмотря на прилагаемые усилия единая российская национальная идентичность на данный момент находится в стадии формирования. Целью статьи является определение пространственно-цивилизационных факторов, которые могут препятствовать формированию этой идентичности. Для достижения этой цели были поставлены задачи, предусматривающие выделение пяти относительно самостоятельных пространственно-цивилизационных кластеров (западного, южного, центрального, северного и восточного), а также подробный анализ проблемных узлов каждого из этих кластеров, само существование которых демонстрирует не только социально-культурное разнообразие единого многонационального российского народа, но и наличие препятствий на пути к формированию общей гражданской идентичности. Главным критерием выделения рассматриваемых кластеров является наличие у каждого из них комплекса пространственно-цивилизационных характеристик, отличающих содержательную структуру идентичности проживающего на них населения от общероссийской.

Западный кластер

Речь в данном случае идет не столько о географическом понятии, сколько о культурном, бытовом, политическом понимании феномена «Запад». Определить точные границы этого кластера не так просто: их однозначно нельзя приравнивать ко всей территории до Урала. Скорее, можно говорить об отдельных «очагах Запада» в современном российском социуме. Наиболее ярким из них представляется

Санкт-Петербург – самый европейский город России, расположенный менее чем в 200 км от границы с Евросоюзом. Также можно говорить о принадлежности к западному кластеру Москвы – неслучайно многие иностранцы говорят о том, что столица России мало чем отличается от других европейских мегаполисов. С некоторой натяжкой к «цивилизационному Западу» можно отнести приграничные регионы (Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская области), а также туристические центры Золотого кольца, привычные к иностранной речи на улицах и заимствовавшие отдельные элементы европейского менталитета. Наконец, особым феноменом «российского Запада» представляется Калининградская область – единственный регион-полуэксклав, отделенный от ее основного территориального массива странами ЕС.

Москва и регионы вокруг нее расположены на самом краю карты нашей страны, однако носят название Центрального федерального округа. Можно утверждать, что эта территория сохраняет за собой статус приоритетного направления развития России как по политической роли, так и по доле в ВВП государства. Экономическую и социально-культурную разницу между «российским Западом» и остальной территорией можно проиллюстрировать расхожей фразой «Москва и Россия – два разных государства», а также шутливым вопросом «Есть ли жизнь за МКАДом?» Несомненно, западные рубежи государства отличаются гораздо более высокие по сравнению со среднестатистическими показатели уровня и качества жизни. Не менее важным в понимании цивилизационной роли «российского Запада» представляется тот факт, что в двух столицах сосредоточены главные учреждения культуры и искусства, центры образования и здравоохранения.

Несложно найти отличия во внешнем облике, особенностях быта и менталитета. Жители Москвы и Санкт-Петербурга гораздо более глубоко, по сравнению с остальными россиянами, интегрированы в стремительно глобализирующийся мир, наибольшее влияние в котором всё еще принадлежит США и Западной Европе. Прежде всего, такая интеграция проявляется в быстром заимствовании таких социальных феноменов, как молодежные субкультуры, тенденции моды, интернет-мемы и т. д. Люди, относящие себя к «столичным жителям», чаще всего владеют одним или несколькими иностранными языками, не представляют свою жизнь без поездок за границу. Их отличает несопоставимо более высокий уровень толерантности и политической активности.

В то же время немаловажным представляется тот факт, что открытость и альтернативность западного образа жизни, который активно осваивается в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, имеют и оборотную сторону. Очевидно, что копирование западных образцов неизбежно приводит к возникновению проблем, характерных для европейского общества. Наиболее сложной из них является наплыв иммигрантов. Последствия подобных социально-экономических процессов мало чем отличаются от аналогичных на Западе: вытеснение коренного населения с рынка труда, постоянное межэтническое и межконфессиональное напряжение, грозящее перерасти в локальный конфликт. Другим негативным последствием вестернизации следует признать рост урбанизации в западных регионах России, приводящий к постепенному «вымиранию русской деревни».

Подводя итог, попробуем ответить на вопрос о том, какой цивилизационный выбор диктует дальнейшее приоритетное развитие западного пространственно-цивилизационного кластера России. С одной стороны, возможно заимствование и копирование по всей территории России столичных образцов экономической и культурной жизни, а также быта и менталитета. Результатом должно стать появление «за МКАДом» новых центров экономики, выравнивание уровня жизни и создание единого социокультурного пространства. Однако неизбежными представляются и отрицательные итоги повсеместного выбора в пользу «внутреннего Запада»: незащищенность отечественного производителя, размывание национальной идентичности, неизбежность духовного кризиса населения.

Южный кластер

Это направление традиционно воспринимается как одно из самых проблемных. При всей пестроте национального и административного состава этой территории ее сущностное содержание почти полностью сводится к влиянию исламского фактора на будущее развитие России. В территориальном же плане южное направление может быть сведено к трем центрам. Наиболее важную роль, несомненно, играет Северный Кавказ, к которому примыкает присоединенный в 2014 г. Крым. В качестве третьего очага следует рассматривать растянувшуюся на 4983 км границу России с Казахстаном.

Рассуждая о значимости Кавказа для цивилизационного развития нашей страны, В. Шевелев отмечает, что он с древнейших времен рассматривался как важный геостратегический регион, будучи ареной

противостояния Византии, Османской империи, Ирана и России [Шевелев URL]. В настоящее время кавказский регион по-прежнему находится на стыке между суперцивилизациями Востока и Запада, на разломе между набирающей силу исламской и стремящейся не упустить свое лидерство европейской цивилизациями. Подобное положение порождает неизбежный конфликт социально-культурных парадигм, связанных с совершенно различными траекториями развития государства и общества. В результате главным кавказским фактором, который оказывает существенное воздействие на современное развитие России, является, несомненно, разрастание террористических и экстремистских тенденций.

Современная ситуация на Северном Кавказе характеризуется крайне сложной этноконфессиональной структурой. В связи с этим возникают как минимум два источника конфликтов: один из них связан с цивилизационными противоречиями между кавказскими традициями независимости и законами централизованного российского государства, а другой – с многовековыми разногласиями между единоверцами – мусульманскими народами, населяющими Северный Кавказ. До сих пор фактически не разрешен пограничный спор Ингушетии и Чечни. Еще одним очагом потенциального конфликта является положение черкесского этноса. Не менее сложной является ситуация в самом многонациональном субъекте РФ – Республике Дагестан.

В последние годы резко усложнилась этноконфессиональная обстановка в регионах Южного федерального округа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область), в которых еще несколько десятилетий назад преобладало славянское русскоязычное население. В 1990–2000-е гг. в эти субъекты переехали крупные общины кавказских народов: в первую очередь, армяне, численность которых в этом федеральном округе увеличилась на полтора миллиона человек.

Как уже отмечалось выше, вторым по значимости центром южного кластера России является Крым, к которому с момента референдума 2014 г. приковано пристальное внимание властей. По словам президента В. В. Путина, «для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение» [Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 URL]. На данный момент международное разрешение вопроса о правовом статусе полуострова выглядит важнейшим условием успешного развития «российского юга».

Что касается границы с Казахстаном, то можно утверждать, что она пока на периферии внимания правительства. В 2000-е г. были предприняты шаги по ужесточению пограничного контроля, которые позволили несколько снизить остроту напряжения. Однако в последние годы в Казахстане активизировалась деятельность исламистских организаций, которые уже в ближайшем будущем могут претендовать на роль новой угрозы с юга для безопасности России.

Какой же цивилизационный выбор диктует России повышенное внимание к южному кластеру? В самом радикальном варианте – это постепенное повышение удельной доли мусульман в структуре населения, активное их проникновение в структуры власти, восприятие некоторых образцов управления, принятых в исламских государствах. Однако, на наш взгляд, более вероятен умеренный вариант подобного выбора, в рамках которого России придется примириться со своим беспокойным «югом» и признать за ним право на культурную уникальность, а также определенную долю политической и экономической самостоятельности.

Центральный кластер

Традиционное деление на четыре основных румба (север, юг, запад, восток) зачастую оставляет в стороне один из самых важных пространственных феноменов российской цивилизации – географический центр страны. В его состав логично включать территории трех федеральных округов: Приволжского, Уральского и Сибирского. Таким образом, получается, что внутри подобного образования окажутся: более половины территории страны, огромные запасы полезных ископаемых, значительная часть населения, а также 10 из 15 российских городов-миллионеров. Опорными точками центрального кластера должны стать города, претендующие на звание «третьей столицы» России: Нижний Новгород, Казань, Самара, Уфа, Омск, Новосибирск.

С точки зрения традиционной геополитики рассматриваемый регион является воплощением идеи Хартленда – «сердцевинной земли», удаленной от морей и границ, защищенной от внешнего вторжения самой природой. Представители евразийского течения также применяли для обозначения центральных земель России термин «Туран». Литературной метафорой «русского центра» можно считать фразу из «Ревизора»: «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь».

Рассуждая о значении центра страны, сложно не согласиться с авторами-евразийцами, которые считают, что цивилизационный потенциал «внутренней России» постоянно оставался недооцененным. В этом смысле очень важен характерный для рубежа XX–XXI вв. подъем интереса к ранее малоизвестному прошлому. Своеобразным символом стало обнаружение в 1987 г. Аркаима – укрепленного поселения рубежа III–II тыс. до н. э., относящегося к так называемой *Стране городов*. Аркаим сразу стал восприниматься «местом силы», «прародиной» славян, «ариев» или индоевропейцев [Шнирельман 2011, с. 138]. В начале 2000-х гг. большую популярность приобрели романы А. В. Иванова (в частности, «Сердце Пармы»), которые открывают ранее малоизвестные страницы истории Великой Перми. Весьма показательным является открытый в 2010 г. по инициативе М. Ш. Шаймиева и посвященный истории Волжской Булгарии Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который в 2014 г. был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Цивилизационная сущность «внутренней России» в значительной степени предопределена ее природными условиями. С древнейших времен жители здешних земель воспринимались как суровые, решительные люди. Именно от кочевых степных племен на Русь пришли окончательно утвердившиеся при Иване Грозном «татарские порядки», подразумевающие абсолютный этатизм, сильную власть и суровые наказания за малейшее неповиновение. Те же условия «российского центра» диктуют его склонность к автаркии, замкнутости, сосредоточении на самом себе.

Но только ли негативные последствия принесет России выбор центрального вектора развития? Многочисленные современные авторы, называющие себя неоевразийцами, полагают, что бескрайние просторы не столько замыкают нашу цивилизацию в ловушку, сколько предоставляют ей необходимое для развития бесценное «жизненное пространство», которого лишены многие другие народы. В этом постоянном освоении малопригодных для жизни земель, а, следовательно, и в познании самих себя эти мыслители видят главную суть «особого цивилизационного пути» России.

Мирного, целенаправленного, глубоко просчитанного выбора в пользу развития внутренней цивилизационной сущности страны российская история пока не знала. Для полномасштабного выбора центрального направления развития страны потребуется существенным

образом перестроить транспортную систему, а также в короткие сроки создать условия для возникновения новых экономических центров.

Северный кластер

Это направление часто неоправданно объединяется с центральным. На наш взгляд, такое смешение понятий является необоснованным, так как два этих направления не только существенно отличаются своим потенциалом, но и, в конечном счете, ведут страну по различным траекториям цивилизационного выбора.

Северный кластер укладывается в границы арктического побережья России, растянувшегося от Лапландии до Берингова пролива, а также включающего в свой состав крупные острова Северного Ледовитого океана. В социально-культурном плане можно выделить два главных идентификационных центра притяжения. Одним из них является так называемый Русский Север, населенный поморами, которые говорят на особом диалекте русского языка. Представители этой самобытной этнодемографической группы существенно отличаются от жителей выделенного нами западного кластера. Другой культурный очаг – разрозненные как в территориальном, так и в языковом плане представители коренных малочисленных народов, многие из которых продолжают вести традиционный образ жизни.

Успехи в реализации этого направления, как ни одного другого, связаны с приспособлением к суровым природным условиям, господствующим на этих территориях. Крайне низкие температуры на протяжении всего года, а также вечная мерзлота, препятствующая хозяйственной и строительной деятельности, на протяжении многих десятилетий оставляли Русский Север на самом краю внимания государства. До настоящего времени ни один из масштабных проектов, призванных «пристыковать» Арктику к «большой земле» сетью железных или хотя бы автомобильных дорог, не был реализован. Основными способами передвижения остается крайне дорогая авиация, а также ненадежные «зимники». Помимо инфраструктурных сложностей, природа Севера рождает и другую серьезную проблему – демографическую. Привлечение на работу специалистов требует повышенных капиталовложений, в то время как численность местного населения неуклонно сокращается.

Нельзя утверждать, что правительство не предпринимает никаких шагов по развитию Арктического региона. Важнейшими документами

стали принятые в сентябре 2008 г. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу, а также утвержденная в феврале 2013 г. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. В дальнейшем В. В. Путин озвучил поручение подготовить до конца 2019 г. проект Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035 г., одним из приоритетов которой должно стать социальное развитие северных регионов [Путин поручил представить проект стратегии развития Арктики URL].

В настоящее время первичной представляется задача полноценного использования огромных арктических пространств. Ее реализация невозможна без привлечения для постоянного проживания большого числа жителей, значительную долю которых должны составлять высококвалифицированные специалисты. При этом не менее важным представляется сохранение проживающих в регионе коренных малочисленных народов, сохраняющих обычаи, традиции и дух суровых северных земель.

Подводя итог, следует отметить, что на данный момент Россия весьма далека от того, чтобы сделать полномасштабный выбор в пользу северного направления. В то же время в последние годы приходит понимание того, что подобный выбор никак нельзя ассоциировать с закрытием внутри собственной цивилизации. Напротив, новейшие тенденции способствуют тому, что в XXI в. Северный Ледовитый океан становится важнейшим регионом, за который ведут борьбу ведущие державы. Для России, которая благодаря географическому положению находится на полшага впереди своих соседей, выбор в пользу Севера будет означать «выход из плоскости» и освоение новых рубежей.

Восточный кластер

В рамках данного исследования под ним будут подразумеваться обширные пространства Дальнего Востока и Забайкалья. Для более детального рассмотрения восточного кластера выделим три ключевых субрегиона.

При движении с запада на восток первым из них будет Забайкалье, в котором наибольшее значение принадлежит Республике Бурятия. В этом крупном регионе, коренное население которого исповедует ламаизм, в прежние годы неоднократно предпринимались попытки создания теократического государства, ориентированного на Тибет

и Монголию. Учитывая близость Якутии, где традиции ламаизма также достаточно сильны, возникает гипотетическая возможность возникновения своеобразного «буддистского клина», отрезающего Дальний Восток от основной территории. К Бурятии примыкают Республики Тыва и Алтай, которые располагаются в крайне важной осевой зоне: здесь встречаются границы православной России, мусульманского Казахстана, буддистской Монголии и номинально атеистического Китая.

Второй важнейший субрегион составляют наиболее крупные дальневосточные субъекты РФ – Хабаровский и Приморский края, а также Амурская область. С одной стороны, к этим территориям в последние годы приковано повышенное внимание властей. Широкую общероссийскую известность получил прошедший в 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке, на проведение которого было выделено почти 10 млрд долл. США. Эти огромные средства, в основном, пошли на создание на территории острова Русский туристско-рекреационной особой экономической зоны. Другим значимым проектом стал открытый в 2016 г. в Амурской области Космодром «Восточный».

В то же время эти территории следует признать одним из самых уязвимых звеньев в системе безопасности страны. Это во многом объясняется географической удаленностью от Москвы, слаборазвитыми транспортной и коммуникационной инфраструктурами, зависимостью экономики края от быстро растущих соседних государств. Ситуация усугубляется тем, что во многих дальневосточных субъектах весьма высоки показатели уровней алкоголизма и наркомании.

В качестве третьего восточного субрегиона следует рассматривать тихоокеанские острова. Среди них крупнейшим и наиболее важным, несомненно, выступает Сахалин. В последние десятилетия этот остров столкнулся с демографической проблемой: несмотря на относительно высокий уровень жизни, многие сахалинцы предпочитают уезжать на материк, причем их численность не компенсирует даже приток приезжих из Китая, Северной Кореи, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана.

В настоящее время уже сложилась такая ситуация, при которой российские производители и потребители ориентированы не на отечественный рынок сбыта, а на фактическое экономическое слияние с Китаем, Японией и Южной Кореей. Подобное положение дел в случае реализации самого негативного сценария может привести

к тому, что Дальний Восток будет отрезан от России не только экономически, но и политически, что создает реальную угрозу территориального отторжения этих земель. Не секрет, что уже сейчас некоторые региональные элиты в равной степени настроены как на отношения с федеральным центром в Москве, так и на новые контакты в Китае.

Всё это свидетельствует о необходимости немедленного и радикального вмешательства российских властей. Было принято несколько документов, среди которых можно выделить Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (от 28 декабря 2009 г.). Тем не менее пока работа по развитию Дальнего Востока в основном идет по остаточному принципу: программы реализуются, когда есть свободные деньги. Следовательно, о результатах этих мероприятий в полной мере можно будет судить лишь через несколько лет или даже десятилетий.

Заключение

Таким образом, становится понятно, что различные части России существенно отличаются не только по уровню социально-экономического развития, но и центрам своего цивилизационного притяжения, которые, в конечном итоге, формируют национальную идентичность населения. Государство предпринимает усилия, направленные на сближение различных кластеров, однако фактически ему раз за разом приходится делать выбор в пользу поддержки только некоторых из них.

Подробный анализ приводит к выводу о том, что на протяжении первых двух десятилетий XXI в. внутренний пространственно-цивилизационный выбор осуществлялся в пользу западного и центрального направлений. В этом отношении не прослеживается никаких изменений с момента возникновения централизованного Российского государства: ставка по-прежнему делается на наиболее освоенные и населенные территории. Можно согласиться с мнением о том, что освоение южного направления во многом является вынужденным и связано с необходимостью удерживать контроль над многонациональным и «неспокойным Кавказом»: роль этого кластера мало менялась со времен подавления войск Имама Шамиля в середине XIX в. Что касается восточного направления, то, как уже отмечалось ранее, его освоение происходит отдельными волнами, на гребнях которых оказывались развитие военной базы в Порт-Артуре, стройки Транссиба и БАМа,

а также масштабные проекты во Владивостоке, приуроченные к саммиту АТЭС 2012 г. При этом между этими «робкими всплесками» проходит по несколько десятилетий, за которые влияние России в регионе откатывается на начальные позиции. Наконец, в самом печальном положении, по нашему мнению, находится северное направление, на развитие которого, несмотря на принятие ряда стратегических документов, по-прежнему не хватает финансовых, технических и демографических ресурсов.

На решение проблемы стратегического планирования направлено принятие таких документов, как «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» и «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Первый из них прямо увязывает успешное развитие межнациональных и межконфессиональных отношений с «сокращением различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах» [Основы государственной политики регионального развития РФ URL]. Что касается «Стратегии», то она с целью «обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития России» разделяет страну на 12 макрорегионов, в каждом из которых выделены перспективные центры экономического роста. Также этим документом предусмотрен «комплекс мер по привлечению людей на территории со значительным экономическим потенциалом, характеризующиеся неблагоприятной демографической ситуацией» [Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. URL]. Эти мероприятия, несомненно, в перспективе должны способствовать снижению пространственной фрагментации российской идентичности.

Итоги реализации новейших проектов проявятся уже в 2020-е гг. На данный момент сгладить противоречия, которые усиливают асимметричное развитие описанных в статье пяти кластеров не удастся. Дальнейшая фрагментация социально-культурного поля России будет не только препятствовать формированию единой общегражданской нации, но и может стать причиной острых конфликтов между людьми, ведомыми принципиально различными идентификационными ценностями. Вот почему, на наш взгляд, в самое ближайшее время необходима активизация усилий руководства страны, направленная на преодоление региональных различий не только экономического, но и цивилизационного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М. : Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
- Городецкая Н.* Единство нации не выдержало критики // Коммерсантъ. 2017. № 39. С. 3.
- Окунев И. Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 18–25.
- Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13) // Президент России. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/41641/page/1.
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774 (дата обращения: 20.06.2019).
- Путин поручил представить проект стратегии развития Арктики // Российская газета. URL: rg.ru/2019/03/28/putin-poruchil-predstavit-proekt-strategii-razvitiia-arktiki.html (дата обращения: 20.06.2019).
- Семененко И. С.* Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 8–23.
- Семененко И. С.* Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р) // Правительство России. URL: government.ru/docs/35733 (дата обращения: 20.06.2019).
- Шевелев В.* Кавказ: пространство как политическая сила // Евразия. URL: www.evrazia.org/article/1311 (дата обращения: 20.06.2019).
- Шнирельман В. А.* Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167.

REFERENCES

- Anderson B.* Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma. M. : KANON-press-C : Kuchkovo pole, 2001. 288 s.

- Brubejker R.* Jetnichnost' bez grupp. M. : Vysshaja shkola jekonomiki, 2012. 408 s.
- Gellner Je.* Nacii i nacionalizm. M. : Progress, 1991. 320 s.
- Gorodeckaja N.* Edinstvo nacii ne vyderzhalo kritiki // *Kommersant*#. 2017. № 39. S. 3.
- Okunev I. Ju.* Territorial'naja i prostranstvennaja identichnost': konceptualizacija bazovyh ponjatij // *Sravnitel'naja politika*. 2018. T. 9. № 1. S. 18–25.
- Osnovy gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 g. (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16 janvarja 2017 g. № 13) // *Prezident Rossii*. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/41641/page/1.
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju ot 04.12.2014 // *Konsul'tant Pljus*. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774 (data obrashhenija: 20.06.2019).
- Putin poruchil predstavit' proekt strategii razvitija Arktiki // *Rossijskaja gazeta*. URL: rg.ru/2019/03/28/putin-poruchil-predstavit-proekt-strategii-razvitiia-arktiki.html (data obrashhenija: 20.06.2019).
- Semenenko I. S.* Dilemmy nacional'noj identichnosti: politicheskie riski i social'nye priobretenija // *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2009. № 6. S. 8–23.
- Semenenko I. S.* Politicheskaja identichnost' v kontekste politiki identichnosti // *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*. 2011. T. 7. № 2. S. 5–24.
- Strategija prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 g. (utv. Rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 fevr. 2019 g. № 207-r) // *Pravitel'stvo Rossii*. URL: government.ru/docs/35733 (data obrashhenija: 20.06.2019).
- Shevelev V.* Kavkaz: prostranstvo kak politicheskaja sila // *Evrazija*. URL: www.evrazia.org/article/1311 (data obrashhenija: 20.06.2019).
- Shnirel'man V. A.* Arkaim: arheologija, jezotericheskij turizm i nacional'naja ideja // *Antropologicheskij forum*. 2011. № 14. S. 133–167.

УДК 327.51

Е. О. Савченко

кандидат политических наук, доцент кафедры экономики промышленности
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»; e-mail: Savchenko.EO@rea.ru

РОЛЬ АВСТРАЛИИ В СИСТЕМЕ ВОЕННЫХ СОЮЗОВ США

Рассматриваются основные тенденции и перспективы развития системы военных союзов США в целом, а также роль Австралии в рамках данной системы. Обращается внимание на растущую неспособность Вашингтона обеспечить выполнение всех своих обязательств вне зависимости от партийно-политической ориентации и курса находящейся у власти администрации. Также дается подробный анализ союзнических отношений между США и Австралией, которые носят во многом формальный характер. В качестве исключения следует отметить сферу обеспечения национальной безопасности США, поскольку на территории Австралии расположены ключевые объекты соответствующего назначения.

В статье отмечается, что уровень взаимодействия в военной сфере между США и Австралией в последнее время вырос (этому способствовало проведение учений, закупок и модернизации у компаний США военной техники и вооружений, привлечение в ряды австралийских ВС персонала ВС США и т. д.). Однако не наблюдается предпосылок выхода на новый качественный уровень.

Ключевые слова: национальная безопасность; внешняя политика; военные союзы; вооруженные силы; США; Китай; Австралия.

E. O. Savchenko

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department
of Industry Economics, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);
e-mail: Savchenko.EO@rea.ru

THE ROLE OF AUSTRALIA WITHIN THE SYSTEM OF THE US MILITARY ALLIANCES

The paper looks at the major development trends and prospects of the system of the US military alliances in general, and the role of Australia within it, in particular. The premium is placed on the increased inability of Washington to ensure the fulfilment of its obligations regardless of the pursued policy or party and political orientation of the administration in power. The article provides a detailed analysis of allied relations between the USA and Australia. It is assumed that these relations are essentially formal in nature with the only exception of the US national security sphere, which is accounted for by the fact that key facilities for military purposes are located in Australia.

The author stresses that the level of military interaction between America and Australia has risen due to a number of reasons: joint military exercises, modernization,

purchase of the US military equipment and armaments, recruitment of the US military by the Australian armed forces, etc. Nevertheless, the allies show no sign of creating conditions for achieving another qualitative stage in their relations.

Key words: national security; foreign policy; military alliances; armed forces; the USA; China; Australia.

Введение

В свете продолжающегося усиления активности Вашингтона и стран НАТО на российских границах, а также заявлений Запада о том, что Россия якобы ведет «гибридную войну», внимание военных аналитиков с обеих сторон, как правило, сосредоточено на изучении непосредственного противника, когда другие не менее важные процессы остаются за рамками.

Очевидно, что в русле противостояния с Россией Вашингтон стремится использовать все имеющиеся инструменты, будь то военные (например, проведение соответствующих учений по периметру российских границ и на территории дружественных России стран (Казахстан), передислокация военных сил и средств, направление инструкторов на территорию Украины и других сопредельных России стран и т. д.), экономические (введение санкций), дипломатические (визиты высокопоставленных лиц и затягивание переговоров, телефонные переговоры и т. д.), а также инструменты «мягкой силы» (т. е. попытки через общественную активность «раскачать» ситуацию в Молдове, Армении, Киргизии и др.).

Кроме этого, Соединенные Штаты Америки действуют не только в географическом, но и в иных измерениях, свидетельством чему является, например, коррупционный скандал вокруг ФИФА (т. е. речь идет о «спортивном фронте»), периодически возникавшая неопределенность вокруг проведения ЧМ в России, лишение Москвы права на проведение ряда важных международных соревнований, так называемое дело Скрипалей и т. д.

Военные союзы США

Одним из таких инструментов является создание системы военных союзов, выстроенная США после окончания Второй мировой войны с целью борьбы против Советского Союза. Примерно до второй половины 1940-х гг. внешняя политика Белого дома носила односторонний характер. В значительной степени это было

обусловлено внешнеполитическими установками первого президента страны Дж. Вашингтона, заявлявшего о необходимости соблюдения нейтралитета и неучастия в международных организациях [Fromkin 1970]. Даже усиление позиций США по итогам Первой мировой войны не привело к изменению указанной внешнеполитической установки, о чем, в частности, свидетельствует отказ от участия в работе Лиги Наций.

Вместе с тем существенное укрепление международного положения Советского Союза после победы во Второй Мировой войне вынудило руководство США пересмотреть свой прежний подход и приступить к созданию системы военных союзов как одного из инструментов сдерживания Москвы. Так, в 1949 г. была создана организация НАТО, в 1951 г. – АНЗЮС, в 1954 – СЕАТО (распущен в 1977 г.), в 1955 – СЕНТО (распущен в 1979 г.). Кроме этого, с рядом стран были заключены двусторонние договоры об обеспечении безопасности, например с Японией в 1951 г. (в частности, это предоставило возможность США размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии или вблизи нее), в 1955 г. с Тайванем (действовал до 1980 г.) и др.

Попытку США создать систему военных союзов, которая была позднее использована для обеспечения доминирования Вашингтона в мировом масштабе, можно назвать успешной (особенно в период 1950 – середины 1970-х гг.). В то же время роспуск СЕАТО и СЕНТО, а также последующее фактическое прекращение деятельности АНЗЮС поставили вопрос об эффективности данного инструмента. После распада Советского союза Вашингтон предпочитал действовать в одностороннем порядке, а дальнейшие действия США на мировой арене (например, войны в Ираке и в Афганистане) еще больше снижали значение указанного инструмента. Расчет на использование данной системы против СССР в конечном итоге обернулся просчетом, поскольку она превратилась в растущее с годами тяжелое бремя – по состоянию на настоящее время оборонные пакты подписаны с более чем шестьюдесятью государствами мира. Очевидно, что Вашингтон просто не в состоянии выполнять все свои обязательства и что соответствующее давление усиливается.

В то же время в свете кризиса на Украине и в Сирии в США заговорили о необходимости привлечения НАТО для отражения якобы имеющей место российской угрозы. Однако, как показало время, прошедшее с начала украинского кризиса, Европа не готова увеличивать

оборонные расходы и выполнять свои обязательства в рамках НАТО, несмотря на давление со стороны Д. Трампа [Stacey 2015; Rigby 2015]. Свидетельством этому, в частности, могут служить результаты саммита НАТО в июле 2018 г. [Trump at odds with Nato allies over spending 2018; Sevastopulo, Peel 2018]. И хотя власти США будут продолжать попытки заставить европейских союзников увеличить военные расходы, положительных сдвигов здесь ожидать не следует.

При этом следует отметить, что ситуация на Украине отнюдь не является приоритетом для США – в настоящее время наиболее серьезным вызовом для Вашингтона является растущая мощь и влияние Китая, который расширяет набор используемых инструментов, включая и предоставление значительных объемов помощи, и тем самым следует историческому примеру США. В частности, Пекин усиливает свое влияние в южной части АТР; так, в период 2011–2018 гг. он стал вторым (после Австралии) крупнейшим актором по размеру помощи странам региона с объемом заявленных обязательств в 6 млрд долл. США [Smyth 2018]. При этом средства, предоставляемые на возмездной основе (в виде займов и кредитов), идут на реализацию таких социально значимых проектов (с упором на инфраструктуру), как создание сети широкополосного доступа (Папуа – Новая Гвинея), строительство пристаней и причалов (Вануату) и т. д.

По расчетам австралийского аналитического центра Lowy Institute, в число пяти крупнейших получателей китайской помощи входят Папуа – Новая Гвинея, Вануату, Микронезия, Самоа и Фиджи [Smyth 2018]. Усиление влияния в Lowy Institute объясняют тем, что региону меньше внимания стали уделять такие ведущие акторы мировой политики, как США, ЕС и Франция. Впрочем, ряд стран Запада (Новая Зеландия, программа Pacific Reset) и международных институтов (МВФ) с целью противодействия китайской активности наращивают или планируют увеличить свои соответствующие бюджеты помощи.

Рост Китая вызывает тревогу среди представителей американского истеблишмента, поскольку не понятно, как данный вызов можно преодолеть – одним из ответов на него стало введение администрацией Д. Трампа тарифов против китайского импорта, что фактически означает торговую войну. Одним из ее последних эпизодов стало объявленное Китаем 8 августа 2018 г. введение ответных тарифов в размере 25 % на товары из США общим объемом 16 млрд долл. США, включая нефть, сталь и автомобили. По-прежнему

сохраняются иранская и северокорейская проблемы, можно говорить и о формировании так называемой турецкой проблемы.

Казалось бы, в связи с ростом Китая должно вырасти значение Австралии, которая (наравне с Великобританией) считается традиционным военно-политическим союзником США, однако более детальный анализ отношений в рамках треугольника «Вашингтон-Канберра-Пекин» показывает, что это далеко не так. Как и в случае с Лондоном, союзнические отношения между США и Австралией носят во многом символический характер – при этом на публике, естественно, утверждается обратное, а обе стороны подчеркивают «фундаментальный» характер данных отношений. При этом и Британия, и Австралия сохраняют важность для Соединенных Штатов с точки зрения обеспечения национальной безопасности (в частности, в связи с размещением на территории последних ключевых объектов соответствующего назначения).

Военно-политическое взаимодействие между США и Австралией

Анализ динамики роли Австралии во внешней политике США следует начинать с периода после окончания Второй мировой войны, поскольку до этого там наблюдалось сильное влияние Великобритании. Однако Вашингтон начал наращивать активность в регионе, ссылаясь на распространение идей коммунизма, которые угрожают интересам Белого дома (например, Вьетнам и Китай, на территории которых в тот период шла национально-освободительная борьба). Это привело к тому, что в 1951 г. Соединенные Штаты Америки заключили с Австралией и Новой Зеландией военный союз (АНЗЮС), изначально направленный против Японии в свете опасений правительства страны касательно милитаризации последней. В настоящее время он, несмотря на свой формальный характер и на имевшие место изменения в нем, до сих пор является основой двусторонних отношений во внешней политике и сфере обороны.

Власти Австралии поддерживали действия США на мировой арене (так, подразделения ВС страны участвовали в войне на Корейском полуострове в 1950–1953 гг., войне во Вьетнаме, войне в Персидском заливе 1991 г., последних кампаниях в Афганистане и Ираке и др.). Однако эта поддержка, как правило, была задействована без использования АНЗЮС с единственным исключением в виде операции в Афганистане. На практике же договор АНЗЮС не действует,

а военно-политические отношения между двумя странами с 1985 г. (после кризиса в АНЗЮС) основываются на формате «2+2» (регулярные встречи с участием Министров обороны двух стран, а также Государственного секретаря США и Министра иностранных дел Австралии).

Как показал анализ открытых источников, двусторонние отношения не выходят за рамки данного формата, т.е., несмотря на риторику, Вашингтон не стремится развивать отношения с Австралией и выводить их на новый уровень. Кроме того, данный формат вряд ли можно назвать эффективным, поскольку встречи проводятся нерегулярно, не всегда уровень представительства соответствует заявленному (так, например, в 2005 и 2008 гг. США представляли Заместители госсекретаря Роберт Зеллик и Джон Негропonte соответственно), а их результаты не оправдывают ожиданий Вашингтона, хотя последний и стремится публично не показывать этого. Осторожную политику в отношении Вашингтона проводят и другие страны региона, которых можно рассматривать как союзников. Таким образом, можно сделать вывод, что вышеуказанное ограничивает пространство США для маневра в Азии.

Что касается визитов президентов США в Австралию, то и Дж. Буш-младший и Б. Обама совершили по одному двустороннему визиту. Для сравнения: за все время своего пребывания на посту президента (по состоянию на середину 2015 г.) Барак Обама посещал Францию и Мексику, Великобританию, Афганистан и Южную Корею неоднократно, что свидетельствует о внешнеполитических приоритетах его администрации, куда Австралия, очевидно, не входит. На момент написания работы (лето 2018 г.) Д. Трамп и другие высокопоставленные чиновники американской администрации не совершили в Австралию ни одного визита.

Отношение США к Австралии также подчеркивает такой факт, что двустороннее соглашение о зоне свободной торговли было заключено только 18 мая 2004 г. и вступило в силу с 1 января 2005 г., хотя данный вопрос поднимался еще с конца 1980-х гг. Китай на данном направлении оказался оперативнее, активно налаживая торгово-экономические отношения. Более того, важность Поднебесной как торгового и экономического партнера Австралии в последнее время существенно выросла, что вызвало в Австралии масштабную дискуссию касательно якобы «чрезмерного» китайского влияния. Данное положение дел считается ограничивающим фактором для внешней политики Канберры.

При дальнейшей оценке военно-политического взаимодействия между Вашингтоном и Канберрой следует отметить, что оно заключается не только в политико-дипломатической поддержке Австралией шагов Белого дома на мировой арене (риторика, введение санкций, голосование в ООН и других международных структурах, участие в зарубежных операциях США и т. п.), но и в тесном взаимодействии между представителями ВС указанных стран, которое, впрочем, не является ключевым в рамках двустороннего взаимодействия в целом. Более приоритетным для США является сотрудничество на уровне спецслужб (не случайно центры перехвата данных размещаются в странах англосаксонского мира – Великобритании, Канаде, Новой Зеландии и Австралии).

В рамках сотрудничества в военной сфере речь, прежде всего, идет об использовании со стороны США военной инфраструктуры Австралии (военных баз и иных объектов) для своих целей и нужд, а также об участии военнослужащих ВС Австралии в двух- и многосторонних военных учениях и зарубежных операциях ВС США. Так, например, двусторонние военные учения «Талисман Сэйбер» с 2005 г. проводятся на территории обеих стран раз в два года. Состоявшиеся в 2015 г. учения стали самыми масштабными за всю историю их проведения – в них приняли участие более тридцати тыс. военнослужащих. Более того, в 2015 г. в данных учениях впервые приняли участие представители Новой Зеландии и Японии, что говорит о попытке их перевода в международный формат. В учениях 2017 г. приняли участие более тридцати трех тыс. военнослужащих обеих стран, а также представители ВС Канады, Новой Зеландии и сил самообороны Японии.

Кроме того, ВС Австралии принимают участие в учениях «Берсама Лима», «Саман Уорриор», «Южный Крест», «Берсама Шилд» (все без участия США), «Римпак», «Тихоокеанское партнерство», «Баликатан», «Ред Флаг Аляска», «Кейп Норт Гуам», «Питч Блэк» (все с ведущей ролью США). При этом, естественно, ВС страны не задействованы в каких-либо других международных учениях, в которых ведущей страной являются не США.

Более важным аспектом двусторонних отношений является использование со стороны Вашингтона как объектов инфраструктуры ВС Австралии, так и собственных военных объектов, расположенных на территории последней (как правило, для перехвата информации и ведения разведывательной деятельности). В целом же, военное

присутствие США в Австралии носит символический характер. И хотя количественные характеристики обеих параметров являются скромными (так, например, со стороны США на территории Австралии задействовано 13 объектов – из них только 2 используются ВС США в режиме ограниченного доступа для австралийской стороны), здесь важно обратить внимание на качественное измерение.

С этой точки зрения Австралия важна для США (от Китая ее отделяет примерно 3 тыс. км), в частности, из-за расположения на ее территории крупного военного центра Пайн Гэп, который используется для обеспечения безопасности не только Японии, но и континентальной части США. Р. Татнер отмечает, что его значение после окончания «холодной войны» существенно выросло, была проведена модернизация, значительно расширившаяся его возможности – в том числе и по защите континентальной части США [Tanter 2015]. Так, с его помощью Вашингтон может отслеживать пуски ракет со стороны КНДР, Китая, России, Индии, Индонезии, Японии, Малайзии, Пакистана, Южной Кореи. В мире есть еще всего два центра такого уровня: первый размещен на авиабазе Бакли (штат Колорадо, США), второй в Менвит Хилл (Йоркшир, Британия).

Австралия официально декларирует, что текущее двустороннее сотрудничество в военной сфере носит совместный характер (за некоторыми исключениями) на основе австралийского законодательства (что предполагает исключение принципа экстерриториальности), однако на практике в силу технических особенностей и специфики функционирования объектов военного назначения это не совсем соответствует действительности. Следует обратить внимание и на наличие военных комплексов с совместным расположением военных объектов США и Австралии, функционирование которых образует единую систему. В полном смысле военными базами США с ограниченным уровнем доступа для Австралии можно назвать такие комплексы, как Пайн Гэп и Норт Уэст Кейп, которые являются частью глобальной системы США по обеспечению национальной безопасности.

Итак, для США важность присутствия на территории Австралии связана, в первую очередь, не столько с дислокацией военнослужащих ВС США или использованием военных баз, сколько с функционированием центров перехвата и анализа разведывательных и иных данных, что относится к обеспечению национальной безопасности США. В последнее время уровень присутствия Соединенных Штатов

в данном сегменте значительно вырос, что было достигнуто не за счет открытия новых объектов, а за счет модернизации имеющихся и качественного расширения их возможностей.

Кроме того, с целью маскировки активности Вашингтона обе стороны официально декларируют, что сотрудничество ведется на совместной основе. В то же время США обладают возможностью воздействия на Австралию, например, ограничивая технический доступ к своим коммуникационным и иным системам. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию как внутри самих США, так и в мире, маловероятно, что США будут открывать новые базы на территории Австралии. Поскольку недавно была проведена крупная модернизация военных объектов США, расположенных на территории Австралии, можно предположить, что следующая крупная модернизация возможна в среднесрочной перспективе.

С точки зрения Австралии, сотрудничество на данном направлении является важным, что обусловлено предоставляемым со стороны США доступом к разведывательным и иным данным. Однако уровень данного доступа остается дискуссионным вопросом (хотя он, скорее, выше по сравнению с такими странами, как Германия или Франция). Кроме того, теоретически близкие союзники США могут рассчитывать на получение доступа со стороны Вашингтона к передовым и перспективным военным технологиям и военной технике (например, истребителям F-35), однако на самом деле Белый дом, несмотря на риторику, не спешит предоставлять современную боевую технику союзникам – даже таким «близким», как Австралия.

Учитывая вышеуказанное, шаг, связанный с размещением с начала 2010-х гг. в австралийском Дарвине 2,5 тыс. служащих морской пехоты США на ротационной основе, следует рассматривать как символический, отвлекающий внимание и не оказывающий влияния на расклад сил в регионе в целом. Очевидно, что в рамках военного сотрудничества стороны в дальнейшем будут предпринимать аналогичные маскирующие шаги.

Анализ открытых источников показал, что уровень взаимодействия в военной сфере между США и Австралией в последнее время вырос – прежде всего, в качественном отношении (к примерам можно отнести закупки новых образцов военной техники Австралией). В то же время следует отметить тенденцию к сокращению количества

объектов военной инфраструктуры США за рубежом, что, прежде всего, обусловлено высокими затратами на их содержание. По этой же причине ВС США предпочитают использовать военные базы других стран, правительства которых (даже дружественно настроенные) не спешат предоставлять ВС США полный доступ и накладывают на их деятельность определенные ограничения.

Данная тенденция сохранится и в дальнейшем, при этом ВС США продолжат делать ставку на компактные объекты, обладающие высокой степенью мобильности (примером этого может служить авиабаза, на которой дислоцируются беспилотные летательные аппараты (БЛА) и которая может быть быстро переведена в другой район). Однако, как показывает пример Австралии и других стран (например, Южной Кореи или Японии), даже союзники в ряде случаев выступают против как нынешнего уровня военного присутствия ВС США на своей территории, так и размещения новых объектов.

Так, например, начатые в начале 2010-х гг. переговоры Вашингтона и Канберры по вопросу размещения на принадлежащих Австралии Кокосовых островах небольшой базы БЛА (с полным доступом со стороны Вашингтона), судя по информации из открытых источников, не оправдали надежд США, хотя власти Австралии дали Белому дому разрешение на дальнейшее использование со стороны ВС США австралийских портов, военно-морских и военно-воздушных баз (включая и военную базу на указанных островах).

Представленная информация позволяет сделать вывод о том, что США не стали повышать степень интеграции Австралии в свою систему военного планирования на глобальном уровне (хотя ВС США для выполнения своих задач используют как объекты военной инфраструктуры Австралии, так и собственные объекты военной инфраструктуры, размещенные на территории Австралии, а также подразделения ВС Австралии, дислоцированные в глобальном масштабе, например, Дубае, Кабуле, Кандагаре и др.) и что утверждения такого рода не соответствуют действительности [Tanter 2013]. В то же время можно говорить об определенном усилении степени взаимодействия между австралийскими ВС и ВС США (на организационном, технологическом, тактическом и других уровнях) и о том, что ВС США после модернизации военных объектов на территории Австралии стали более полно задействовать ее потенциал.

Обе стороны прилагают усилия по сохранению данного взаимодействия (прежде всего, за счет проведения учений, закупок и модернизации у компаний США военной техники и вооружений, привлечения в ряды австралийских ВС персонала ВС США и т. д.), однако предпосылок его вывода на новый качественный уровень не наблюдается. При этом учитывая имеющиеся трудности, Белый дом предпринимает попытки более активного вовлечения своих союзников в конфликты – однако, с переменным успехом.

Так, например, в июле 2015 г. Посол США в Австралии Джон Берри заявил о планах по увеличению военного присутствия Вашингтона в Сирии и Ираке, а позднее Белый дом направил Канберре официальный запрос на участие ВВС Австралии в боевых действиях в Сирии (ранее деятельность последних носила вспомогательный характер), который и был удовлетворен [Shanahan 2015]. Однако это было сделано таким образом, чтобы подчеркнуть союзнические отношения между двумя странами. Очевидно, что отправка со стороны Австралии пары-тройки истребителей F/A-18F «Хорнет» не приведет к перелому в боевых действиях и не окажет существенного негативного влияния на деятельность группировки «Исламское государство»).

Взаимодействие между Австралией и НАТО также имеет место (официальным основанием для этого является подписанная 21 февраля 2013 г. «Программа индивидуального партнерства и сотрудничества между Австралией и НАТО»), однако по факту оно осуществляется через США (в основном, в рамках встреч в формате «2+2»).

Подводя итоги, можно говорить, что двустороннее сотрудничество в военной сфере носит несимметричный характер, при этом положение Австралии является, скорее, подчиненным и зависимым (так, например, Канберра закупает военную технику и оборудование преимущественно производства компаний США). Очевидно, что данная тенденция сохранится как в краткой, так и долгосрочной перспективе.

Развитие Вооруженных Сил Австралии

Отдельное внимание следует обратить на текущее состояние ВС Австралии и перспективы их развития. Вооруженные силы страны являются достаточно современными и вполне соответствуют ее статусу на международной арене. Как и в других странах Запада, с точки зрения развития ВС, в настоящее время личность Министра обороны Австралии и Премьер-министра не играет большой роли, однако

политическая нестабильность внутри лейбористской партии Австралии и ее поражение на парламентских выборах осенью 2013 г. привели к тому, что в настоящее время в стране на протяжении длительного времени не было официального правительственного документа по вопросам развития обороны страны. Только в 2016 г. был опубликован документ Defence White Paper, а в 2017 г. Министерством обороны Австралии был выпущен документ The Strategy Framework, который носит общий характер.

Так, в свое время Премьер-министр Энтони Эббот отказался от наработок политических конкурентов и обещал представить новый документ в 2015 г., однако по состоянию на сентябрь 2015 г. этого сделано не было, а смена Премьера страны 15 сентября 2015 г. означала, что неопределенность на данном направлении сохранится. В то же время было объявлено, что приоритетом правительства является защита и продвижение стратегических интересов Австралии за счет обеспечения требуемых подготовки и оборудования вооруженных сил.

Заявленные на 2014–2015 финансовый год приоритеты включали в себя, в частности, снижение активности с точки зрения участия в военных и миротворческих операциях при сохранении военного присутствия в Афганистане и странах Персидского залива. Для Канберры выполнение обязательств перед Вашингтоном осложняется ухудшением экономической конъюнктуры, вызванной падением котировок на товарно-сырьевых рынках и усилением негативных тенденций в экономике Китая. Несмотря на это бюджет зарубежных операций ВС Австралии на 2015–2016 финансовый год увеличен примерно на 750 млн австралийских долл., однако перспективы дальнейшего увеличения военного бюджета находятся под вопросом. Указанные тенденции сохраняются и в настоящее время.

В ВС Австралии проходит процесс реорганизации, основанием для которого является соответствующий план, принятый в 2011 г. и рассчитанный на период 2014–2017 гг. В его рамках основное внимание уделяется созданию многофункциональных бригад на основе уже имеющихся с возможностью быстрого развертывания за рубежом [Bickell, 2013]. Учитывая незначительную численность ВС (57982 военнослужащих на действительной службе [Defence Portfolio Budget Statements 2014–15 2015]), вероятность ее сокращения представляется невысокой.

И хотя размер бюджета на 2015–2016 финансовый год можно считать значительным (32 млрд австралийских долларов), существенная

его часть идет на финансирование текущей деятельности вооруженных сил, на выплату и повышение денежного довольствия личного состава. Расходы по данным статьям только вырастут, поскольку 12 марта 2015 г. вступило в силу решение правительства о повышении выплат военнослужащим на 2% в год на протяжении последующих нескольких лет. Следует отметить, что негативным фактором является имеющее место снижение курса национальной валюты к доллару США – при сохранении текущих тенденций размер военного бюджета на 2015–2016 финансовый год составит примерно 24 млрд долл. США, что ограничивает возможности правительства с точки зрения закупок новой техники из США, поскольку это требует больше средств.

Впрочем, поступления новой техники продолжается, так как обусловлено необходимостью модернизации и обновления парка. Всего в 2015–2016 финансовом году на развитие новых возможностей ВС, как ожидается, будет направлено порядка 5 млрд австралийских долл. Так, в краткосрочной перспективе предполагается закупка двух самолетов «Боинг» С-17А «Глоубмастер III», приобретение нового индивидуального защитного снаряжения и модернизация имеющегося, а также начало сборки современной техники для Сил специального назначения.

Помимо вышеуказанного также планируется закупка самолетов Р-8А «Посейдон», беспилотных летательных аппаратов MQ-4С «Тритон» и F-35А. Что касается последних, то хотя масштабные планы по их приобретению (в количестве 72 штук) были озвучены еще в 2010 г., тем не менее, за прошедшее время существенного прогресса на данном направлении достигнуто не было, что, в частности, можно объяснить возникающими в ходе испытаний проблемами. Но, учитывая определенные трудности в австралийской экономике (вызванные, в частности, снижением цен на железную руду), очевидно, что объем данной программы может быть сокращен.

Кроме того, речь также может идти об отмене значительной части государственного оборонного заказа или переносе его реализации на более поздний срок (первое, скорее, характерно в отношении ранее объявленной Э. Эбботом программы объемом 50 млрд австралийских долл. по строительству подводных лодок). Кроме того, он заявил о военно-морской программе стоимостью 40 млрд австралийских долл., в рамках которой предполагается строительство 9 фрегатов и 20 корветов (что позволит создать 2,5 тыс. рабочих мест). Однако

его слова следует рассматривать в контексте ослабления политических позиций Либеральной партии в Аделаиде – далеко не факт, что реализация вышеуказанного позволит сохранить их. В свете усиления негативных экономических тенденций бывший премьер-министр М. Тернбулл не отказался от первой программы (соответствующий контракт выиграли французы, что вряд ли является совпадением после провала с «Мистральями»), однако вероятность реализации второй программы по-прежнему остается под вопросом. Пока недавно имевшая смена власти и приход нового премьера не оказали существенного негативного влияния – скорее всего, соответствующие решения будут приняты позднее.

По сравнению с другими странами Запада следует отметить, что в настоящее время особенностью ВС Австралии и военного бюджета страны является не только отсутствие выраженных негативных, но и наличие умеренно позитивных тенденций. Так, численность ВС сохраняется на одном уровне (не проводятся мероприятия по оптимизации численности). Военный бюджет демонстрирует тенденцию к росту (отрицательные тенденции остались в прошлом, несмотря на сохранение неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры), которая, впрочем, носит умеренный характер. При этом, как видно из краткого рассмотрения оборонных расходов и прогноза по ним, упор делается на развитие ВВС и ВМС (самолеты «Посейдон», строительство подводных лодок, фрегатов, корветов).

Следует отметить, что сегодня для Австралии военные вызовы отошли на второй план, поскольку правительство страны выражает беспокойство, прежде всего, экономическими вызовами (со стороны Китая), что обусловлено существенным ростом экономической зависимости от Пекина в последние годы (так, Австралия является ведущим экспортером сырья в Китай, и снижение сырьевых цен на мировых рынках ставит под удар дальнейшее развитие экономики страны).

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что на данном историческом этапе ВС Австралии являются относительно эффективным инструментом обеспечения национальной безопасности страны (другой вопрос, как он используется) – при этом у правительства есть стремление расширить функционал ВС в связи с возникновением новых вызовов и инвестировать средства в поддержание технического состояния ВС на современном уровне, однако в свете определенных

неблагоприятных экономических тенденций обновление парка техники, оборудования и снаряжения может занять больше времени, чем ожидалось, а многие программы могут быть не реализованы.

Принимая во внимание ухудшение положения США на мировой арене, руководство Австралии вне зависимости от партийно-политической ориентации продолжит проводить осторожную внешнюю политику, сохраняя военно-политические отношения с Вашингтоном и развивая связи не только с Пекином, но и с рядом других стран региона (прежде всего, Индонезией). Маловероятно, что в перспективе Канберра примет решение о развертывании сколь угодно серьезного воинского контингента за рубежом.

В то же время в рамках возможного австралийское правительство будет соблюдать свои обязательства в отношении США (например, введение новых санкций и принятие иных мер в отношении Москвы, сохранение жесткой риторики и т.д.). Это следует рассматривать с символической точки зрения, поскольку никаких реальных шагов, которые бы не соответствовали национальным интересам, Канберра предпринимать не будет (особенно если это касается Китая).

Таким образом, можно сделать вывод, что значение Австралии как военно-политического союзника США будет уменьшаться и что Канберра будет предпринимать попытки сохранения хороших отношений и с Китаем, и с США, чтобы избежать конфликта между ними. При отношениях с Вашингтоном Австралия продолжит делать ставку на политический аспект, а с Китаем – на экономический. Безусловно, с течением времени уровень политического взаимодействия между Пекином и Канберрой будет расти, однако данный процесс будет носить постепенный характер.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время система военных и военно-политических союзов США с точки зрения реализации интересов Вашингтона на мировой арене уже не является такой эффективной, как раньше. Даже такие «традиционные» союзники, как Великобритания, Австралия и Канада, на словах сохраняя приверженность союзническим отношениям с Вашингтоном, по сути, следуют собственным интересам и пытаются извлечь выгоду из тесных связей с США. Значение данного инструмента продолжит снижаться, при этом данная ситуация сохранится как в кратко-, так

и долгосрочной перспективе. Тем не менее, в свете ухудшения своего положения на мировой арене и снижения имеющихся в распоряжении ресурсов, США продолжают использовать данный инструмент, несмотря на ослабление степени его эффективности. Большая ставка будет делаться на такие «международные» инструменты, как Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (впрочем, вряд ли успешно, несмотря на риторику американской администрации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bickell C.* Plan Beersheba: The Combined Arms Imperative Behind the Reorganisation of the Army // *Australian Army Journal*. 2013. Vol. X. Issue 4. P. 36–52.
- Defence Portfolio Budget Statements 2014–15. Commonwealth of Australia. 2015. P. 22.
- Fromkin D.* Entangling Alliances // *Foreign Affairs*. 1970. Vol. 48. Issue 4. P. 688–700.
- Rigby E.* Nato league table raises pressure to hit target on spending // *Financial Times*. 22.06.2015. P. 2.
- Sevastopulo D., Peel M.* Trump presses Nato to double defence effort // *Financial Times*. 12.07.2018. P. 8.
- Shanahan D.* US seeks greater RAAF role // *The Australian*. 21.08.2015. P. 8.
- Smyth J.* China strengthens influence in South Pacific // *Financial Times*. 9.08.2018. P. 7.
- Stacey K.* Intelligence to be counted towards Nato spending goal // *Financial Times*. 9.07.2015. P. 4.
- Tanter R.* Home base // *The Australian Financial Review*. 23.01.2015. P. 1.
- Tanter R.* The US Military Presence in Australia: Asymmetrical Alliance Cooperation and its Alternatives // *The Asia-Pacific Journal*. 2013. Vol. 11. Issue 45. #. 1. P. 1–28.
- Trump at odds with Nato allies over spending // *Financial Times*. 12.07.2018. P. 1.

REFERENCES

- Bickell C.* Plan Beersheba: The Combined Arms Imperative Behind the Reorganisation of the Army // *Australian Army Journal*. 2013. Vol. X. Issue 4. P. 36–52.
- Defence Portfolio Budget Statements 2014–15. Commonwealth of Australia. 2015. P. 22.

- Fromkin D.* Entangling Alliances // *Foreign Affairs*. 1970. Vol. 48. Issue 4. P. 688–700.
- Rigby E.* Nato league table raises pressure to hit target on spending // *Financial Times*. 22.06.2015. P. 2.
- Sevastopulo D., Peel M.* Trump presses NATO to double defence effort // *Financial Times*. 12.07.2018. P. 8.
- Shanahan D.* US seeks greater RAAF role // *The Australian*. 21.08.2015. P. 8.
- Smyth J.* China strengthens influence in South Pacific // *Financial Times*. 9.08.2018. P. 7.
- Stacey K.* Intelligence to be counted towards Nato spending goal // *Financial Times*. 9.07.2015. P. 4.
- Tanter R.* Home base // *The Australian Financial Review*. 23.01.2015. P. 1.
- Tanter R.* The US Military Presence in Australia: Asymmetrical Alliance Cooperation and its Alternatives // *The Asia-Pacific Journal*. 2013. Vol. 11. Issue 45. # 1. P. 1–28.
- Trump at odds with Nato allies over spending // *Financial Times*. 12.07.2018. P. 1.

А. С. Равняго

аспирант кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; e-mail: anastasiya_ravnyago@hotmail.com

**КОНФЛИКТ В ЮЖНОМ СУДАНЕ: РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ**

В статье рассматривается ситуация в Республике Судан и Республике Южный Судан. Автор кратко анализирует междунанский конфликт и более подробно останавливается на внутривполитической ситуации в недавно провозгласившем независимость государстве Южный Судан. В контексте данного вопроса определена роль мировых держав в междунанском урегулировании и гражданском конфликте в Южном Судане. Наиболее детально автор рассматривает деятельность Великобритании в конфликтном регионе, приводит хронологию реализации конкретных политических решений Англии по стабилизации обстановки в Южном Судане.

Ключевые слова: Судан; Южный Судан; Великобритания; Китай; нефтеперерабатывающая промышленность; конфликт; политическое урегулирование; гуманитарная помощь.

A. S. Ravnyago

PhD student Department of Political Science,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: anastasiya_ravnyago@hotmail.com

**CONFLICT IN SOUTH SUDAN: THE ROLE OF THE GREAT BRITAIN
IN STABILIZING THE SITUATION**

The article takes into consideration the situation in Republic of Sudan and the Republic of South Sudan. The author briefly analyzes the inter-Sudanese conflict and gives more detail description of the internal political situation in the newly independent South Sudan state. The text provides a brief characterization of the role of the world powers in the inter-Sudanese settlement and civil conflict in South Sudan. The author considers in more detail the activities of Great Britain in the conflict region, gives a chronology of the implementation of concrete political decisions of England on stabilization of the situation in South Sudan.

Keywords: Sudan; South Sudan; Great Britain; China; oil industry; conflict; political settlement; humanitarian aid.

Проблема безопасности Африканского континента остается одной из наиболее релевантных в контексте обеспечения международной безопасности. Затяжные конфликты в ряде африканских государств, включая Судан, Демократическую Республику Конго, Кот-д'Ивуар,

а также «цветные революции» в странах Магриба в значительной степени дестабилизировали обстановку на континенте и отбросили назад их завоевания на пути к демократическим преобразованиям [Угрозы безопасности Африки: современные тенденции 2018].

В 2011 г. на карте мира появилось новое государство – Южный Судан. Оно возникло в результате референдума, проведенного с 9 по 15 января 2011 г. и положившего конец 22-летнему противостоянию мусульманского Севера и христианского Юга. Более 98 % жителей Южного Судана высказались за отделение и провозглашение независимости от Судана [Южный Судан официально стал независимым государством URL].

В то же время необходимо отметить, что межсуданский конфликт не является сугубо религиозным. Границы Судана были искусственно проведены в колониальный период, без учета этноконфессиональных различий. Еще в начале XX в. Великобритания ввела отдельное управление Севером и Югом Судана, также был издан акт о введении виз для суданского населения на передвижение между двумя частями государства [Южный Судан – Черная Африка, решившая отделаться от арабского мира URL]. Кроме того, между Севером и Югом страны наблюдалось характерное неравенство в показателях экономического развития. Несмотря на то, что основные запасы нефти сконцентрированы как раз на Юге, этот регион является существенно менее развитым с экономической точки зрения. В 1999 г. был запущен нефтепровод, по которому осуществлялась поставка нефти из Хеглига (Южный Кордофан) и Юнити (Южный Судан) в порт Хартум (столица Судана) [Рассохин 2015]. Несправедливое распределение ресурсов внутри страны вызвало недовольство у жителей Южного Судана и послужило «отправной точкой» идеи о провозглашении независимости.

Тем не менее проведенный референдум, как оказалось, не принес в регион долгожданной стабильности. 8 июля 2011 г., за день до провозглашения Южным Суданом независимости, Совет Безопасности ООН определил, что ситуация в регионе создает угрозу международному миру и безопасности. В связи с этим, была учреждена Миссия Организации Объединенных Наций в Республике Южный Судан (МООНЮС), целью которой провозглашалось «...укрепление мира и безопасности и содействие в создании условий для развития» [Операции ООН по поддержанию мира URL].

Со дня провозглашения независимости президентом Южного Судана является Салва Киир, представитель народности динка, самой многочисленной в стране. В декабре 2013 г. С. Киир заявил, что в Южном Судане была предпринята попытка государственного переворота, в организации которого был обвинен вице-президент Риек Мачар, представитель второй по численности народности – нуэр. Вслед за обвинениями последовала отставка Р. Мачара и еще нескольких министров, представителей нуэр. Таким образом, власть в стране была сосредоточена в руках представителей динка [Власти Южного Судана заявили о срыве военного переворота URL]. Подобные управленческие решения стали причиной ряда вооруженных стычек между представителями двух народностей, переросших в полномасштабный гражданский конфликт.

К середине декабря 2013 г. число жертв конфликта возросло до 500 человек [В результате столкновений в Южном Судане погибли 500 человек URL]. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун выразил озабоченность ситуацией в регионе и призвал стороны к прекращению боевых действий. Ряд стран, в частности США и Великобритания, объявили эвакуацию своих граждан из Южного Судана [Великобритания объявила эвакуацию из Южного Судана URL]. В последующие годы, несмотря на усилия мирового сообщества, конфликт лишь демонстрировал эскалацию. Согласно докладу, опубликованному на официальном сайте Лондонской школы гигиены и тропической медицины, с 2013 г. количество погибших жителей Южного Судана составило по меньшей мере 382 тыс. человек; около двух миллионов человек вынужденно сменили место жительства внутри страны, и два с половиной миллиона переехали в соседние государства (в первую очередь – в Уганду. – *Прим. А. Р.*) [Из-за конфликта в Южном Судане ... URL].

Говоря о роли мировых держав в развитии ситуации в Судане, необходимо отметить, что данное государство являлось важнейшим поставщиком топливных ресурсов для зарубежных партнеров.

Традиционно шкала крупнейших потребителей суданского экспорта выглядела следующим образом:

- Китай – 30 %
- Объединенные Арабские Эмираты – 30 %
- Саудовская Аравия – 15 %.

Что касается нефтеперерабатывающей промышленности, крупнейшими иностранными корпорациями, присутствующими в данной

отрасли, являются China National Petroleum Corporation (Китай), Oil and Natural Gas Corporation (Индия), Petronas (Малайзия); государственная суданская компания Sudapet не играет значительной роли [Ключников URL]. Сегодня крупнейшая доля инвестиций в нефтяную промышленность Судана приходится на смешанное предприятие Greater Nile Petroleum Operating Company Ltd, основная доля в котором принадлежит китайской компании China Sonangol [Рассохин 2015]. Более того, строительство нефтепровода из Хеглига и Юнити в Порт-Судан в 1999 г. осуществлялось при значительных инвестициях из Китая.

Таким образом, Китай является безоговорочным лидером на нефтяном рынке Судана, и очевидно, что китайские партнеры заинтересованы в стабилизации обстановки в суданском регионе с целью обеспечения бесперебойных поставок топливных ресурсов. Подтверждением этому является тот факт, что в апреле 2012 г. Президент Южного Судана Салва Киир совершил официальный визит в Пекин, в ходе которого провел переговоры с Председателем КНР Ху Цзиньтао. Главной темой переговоров стали вопросы междусуданского урегулирования. Ху Цзиньтао подчеркнул, что главной задачей является «прекращение вооруженного конфликта и активная кооперация сторон с международными посредниками». По итогам встречи С. Киир заявил, что Пекин является «ключевым партнером его страны» [В конфликт двух Суданов вмешался Китай URL].

Что касается позиций западных держав по поводу ситуации в Южном Судане, стоит отметить, что первой страной, признавшей независимость нового государства, стали США, выразившие свое намерение скорректировать коммерческие связи с этой африканской страной [Сидоров 2011]. Более того, Председатель комитета сената по иностранной политике Джон Керри лично прибыл в Южный Судан в день референдума [Stockman URL].

5 февраля 2011 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в ходе своего выступления на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности положительно оценил итоги проведенного референдума [Генсек ООН положительно оценивает результаты референдума в Южном Судане URL]. В свою очередь, глава дипломатии Евросоюза, Кэтрин Эштон, заверила, что страны ЕС полностью признают итоги голосования [ЕС приветствует результаты референдума в Судане URL]. Россия и Китай также сообщили о признании

независимости Южного Судана [Южный Судан обрел независимость, мировые державы ее признают URL].

Непосредственное участие в развитии ситуации в Южном Судане принимала и Великобритания. Англия стала первой страной, открывшей посольство в столице Южного Судана, Джубе [FCO Minister for Africa visits South Sudan URL]. Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон выразил свою поддержку становлению независимости Южного Судана, подчеркнув, однако, что Северу и Югу стоит работать сообща над реализацией Найвашского мирного соглашения 2005 г., ознаменовавшего окончание второй гражданской войны в Судане [South Sudan backs independence – results URL]. В марте 2013 г. министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг высоко оценил соглашения, достигнутые между Суданом и Южным Суданом о возобновлении поставок нефти, прерванных в 2012 г. в связи с эскалацией конфликта [Tobias Ellwood speech at IGAD Summit on South Sudan URL].

Не остались без внимания Великобритании и ситуация внутри Южного Судана. В ноябре 2013 г. Министр по делам Содружества по вопросам Африки Марк Симмондс нанес визит в Джубу, в ходе которого заявил, что его страна выражает всяческую поддержку народу Южного Судана на пути становления независимости. Кроме того, М. Симмондс подчеркнул важность процесса диверсификации южносуданской экономики и привлечения иностранных инвестиций [FCO Minister for Africa visits South Sudan URL].

В декабре 2013 г. в связи с эскалацией напряженности в зоне конфликта Великобритания провела эвакуацию своих граждан из Южного Судана; М. Симмондс настоятельно призвал стороны конфликта к политическому урегулированию [RAF evacuates Britons from south Sudan URL]. В рамках Миссии ООН в Республике Южный Судан (МООНЮС) Великобритания воздушным путем поставила в республику оборудование для защиты стен домов от разрушений, спровоцированных взрывами. Кроме того, в составе контингента МООНЮС в зоне конфликта несут службу около 400 британских военных, что делает данную военную миссию крупнейшей из всех, осуществляемых Великобританией. По информации британского внешнеполитического ведомства, английские военные оказывают инженерную и медицинскую помощь жителям пострадавших районов, в частности,

занимаются улучшением системы водоснабжения и постройкой защитных укреплений на случай наводнений [British troops continue support to UN South Sudan mission URL]. В июле 2017 г. в г. Бентуу был сооружен временный госпиталь, обеспечивающий медицинское сопровождение для более 1800 миротворцев и сотрудников ООН.

Великобритания оказывает также и гуманитарную поддержку жителям пострадавшего от конфликта региона. В мае 2014 г. был одобрен план по выделению на гуманитарные нужды 60 млн фунтов стерлингов, среди которых 16,5 млн были потрачены в рамках реализации Всемирной продовольственной программы и 5 млн – на нужды Красного креста [Featherstone: New British aid package for South Sudan URL]. В апреле 2017 г. страны – члены «Тройки» (Великобритания, Норвегия, США) приветствовали открытие гуманитарного коридора на границе Судана и Южного Судана, через который осуществлялись поставки продовольствия в пострадавшие от голода районы [Opening of humanitarian corridor from Sudan to South Sudan URL]. Кроме того, Англия оказала поддержку Уганде, принявшей более миллиона беженцев из зоны конфликта. В северную Уганду было поставлено продовольствие для 650 тыс. человек, обустроен приют для более 56 тыс. человек, организована вакцинация более 200 тыс. детей и т. д. [Minister Wharton reinforces UK support for refugees in Uganda URL]. Несмотря на значимую поддержку со стороны Великобритании, этим африканским странам необходимо укреплять свой внутренний потенциал, в первую очередь, силовой блок для увеличения обороноспособности государств [Евдокимов, Сидорова 2013], а также с целью создания благоприятных условий для устойчивого развития [Сидорова 2018].

Согласно опубликованному в январе 2018 г. Четвертому национальному плану действий Великобритании по защите женщин, мира и безопасности (UK's fourth National Action Plan (NAP) on women, peace and security) главной задачей Министерства по делам Содружества определено обеспечение доступа к как минимум двенадцатилетнему среднему образованию девушек от Сомали до Сирии, от Бирмы до Афганистана.

В политическом плане Великобритания приветствовала подписание мирных соглашений между правительством и оппозицией Южного Судана, заключенных в 2014, 2015, 2018 гг. и призывала к безоговорочному обоюдному прекращению огня, жестко осуждая прецеденты нарушения пунктов вышеперечисленных соглашений

[Foreign Office Minister welcomes South Sudan peace agreement URL; Tobias Ellwood... URL; Peace Agreement in South is the first step on a long journey URL]. В феврале 2018 г. Соединенное Королевство поддержало санкции, введенные Евросоюзом против троих бывших и нынешних государственных деятелей Южного Судана – генерала Пола Малонга, генерала Малека Риака и экс-министра информации Майкла Лейта. По словам министра по делам Африки Х. Болдуин, данные лица обвиняются в «существенных нарушениях прав человека и препятствовании проведению политического процесса» [Minister for Africa welcomes new EU sanctions against South Sudan URL].

В сентябре 2018 г. внимание британского правительства привлекла ситуация в районе Абьей. Данная область является спорной территорией между Суданом и Южным Суданом, которой в 2004 г. был предоставлен «особый административный статус». На данный момент регион контролируется правительством Севера, однако оспаривается Южным Суданом. Выступая на брифинге в Совете Безопасности, посвященном Временным силам безопасности Организации Объединенных Наций в Абьее (ЮНИСФА; учреждены в июне 2011 г. – *Прим. авт.*), координатор миссии Великобритании при ООН С. Хикки высоко оценил усилия ЮНИСФА по поддержанию стабильности, призвал к увеличению численности миротворческого контингента и подчеркнул безальтернативность политического способа преодоления конфликта в регионе [Community engagement and political stability to ensure peace in Abyei URL].

В апреле 2018 г. Секретарь Департамента международного развития Великобритании (DFID) М. Райкрофт посетил Южный Судан с двухдневным визитом, в ходе которого выразил всяческую поддержку становлению мира в конфликтном регионе. По словам чиновника, с момента начала конфликта Великобритания снабдила продовольствием и чистой питьевой водой более 500 тыс. человек, оказала помощь в проведении более 5 млн медицинских консультаций для детей в возрасте до 5 лет, обеспечила доступ к получению школьного образования для 250 тыс. девочек. В то же время М. Райкрофт возложил ответственность за стабилизацию ситуацию в стране на правительство Южного Судана и призвал к проведению конструктивного диалога с оппозицией [Top British official... URL].

Очевидно, что Судан и Южный Судан как крупнейшие поставщики нефти играют существенную роль в интересах мировых держав на

африканском континенте. Оценивая всестороннее участие Великобритании в урегулировании суданского конфликта, можно заключить, что данный регион является важнейшим в стратегии международной политики Соединенного Королевства. Главным противником Англии в борьбе за лидерство в суданском регионе представляется Китай, исторически являющийся основным инвестором в развитие нефтеперерабатывающей промышленности Судана и главным потребителем суданского и южносуданского экспорта. Исходя из этого, можно сделать вывод, что конфликтная ситуация в Судане может послужить нарастанию напряженности в отношениях Великобритании и Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В конфликт двух Суданов вмешался Китай // Lenta.ru. 24.04.2012. URL: lenta.ru/news/2012/04/24/hu.
- В результате столкновений в Южном Судане погибли 500 человек // Lenta.ru. 18.12.2013. URL: lenta.ru/news/2013/12/18/sudan.
- Великобритания объявила эвакуацию из Южного Судана // Lenta.ru. 19.12.2013. URL: lenta.ru/news/2013/12/19/airlift.
- Власти Южного Судана заявили о срыве военного переворота // Lenta.ru. 16.12.2013. URL: lenta.ru/news/2013/12/16/ssudan.
- Генсек ООН положительно оценивает результаты референдума в Южном Судане // РИА Новости. 5.02.2011. ria.ru/20110205/330643031.html.
- Евдокимов И.Д., Сидорова Г.М.* «Восточный кризис» в Демократической Республике Конго и проблема его урегулирования // *Международная жизнь*. 2013. № 11. С. 53–65.
- ЕС приветствует результаты референдума в Судане // РИА Новости. 7.02.2011г. URL: ria.ru/20110207/331524203.html.
- Угрозы безопасности Африки: современные тенденции : учебное пособие / Н.А. Жерлицына, С.В. Костелянец, Г.М. Сидорова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 273 с.
- Из-за конфликта в Южном Судане с 2013 года погибли почти 400 тыс. человек // РИА Новости: 26.09.2018. URL: ria.ru/20180926/1529384973.html.
- Ключников М.И.* Судан. Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru/geography/text/4171427.
- Операции ООН по поддержанию мира. URL: peacekeeping.un.org/ru/mission/unmiss.

- Рассохин Н. А.* Стратегии нефтегазовых ТНК в странах Африки южнее Сахары : дис. ... канд. эконом. наук. М., 2015. 182 с.
- Сидоров М. А.* Особенности развития розничных корпораций США (на примере «Вол-Март Сторс») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2011. № 1. С. 74–82.
- Сидорова Г. М.* Проблемы устойчивого развития в африканских странах (на примере Демократической Республики Конго): Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия / под ред. А. И. Костина. М. : Изд-во Моск. ун-та. 2018. С. 132–146.
- Южный Судан обрел независимость, мировые державы ее признают // РИА Новости. 09.07.2011. URL: ria.ru/20110709/399381421.html.
- Южный Судан официально стал независимым государством // РБК. 9.07.2011. URL: www.rbc.ru/rbcfreenews/20110709013022.shtml.
- Южный Судан – Черная Африка, решившая отделиться от арабского мира. URL: www.portalostranah.ru/view.php?id=168.
- British troops continue support to UN South Sudan mission. Gov.uk. 03.04.2017. URL: www.gov.uk/government/news/british-troops-continue-support-to-un-south-sudan-mission.
- Community engagement and political stability to ensure peace in Abyei // Gov. uk. 20.09.2018. URL: www.gov.uk/government/speeches/community-engagement-and-political-stability-to-ensure-peace-in-abyei.
- Featherstone: New British aid package for South Sudan // Gov.uk. 20.05.2014. URL: www.gov.uk/government/news/featherstone-new-british-aid-package-for-south-sudan.
- FCO Minister for Africa visits South Sudan // Gov.uk. 16.11.2013. URL: www.gov.uk/government/news/fco-minister-for-africa-visits-south-sudan.
- Foreign Office Minister welcomes South Sudan peace agreement // Gov.uk. 10.05.2014. URL: www.gov.uk/government/news/foreign-office-minister-welcomes-south-sudan-peace-agreement.
- Minister for Africa welcomes new EU sanctions against South Sudan // Gov. uk. 02.02.2018. URL: www.gov.uk/government/news/minister-for-africa-welcomes-new-eu-sanctions-against-south-sudan.
- Minister Wharton reinforces UK support for refugees in Uganda // Gov. uk. 27.02.2017. URL: www.gov.uk/government/news/minister-wharton-reinforces-uk-support-for-refugees-in-uganda.
- Opening of humanitarian corridor from Sudan to South Sudan // Gov.uk. 06.04.2017. URL: www.gov.uk/government/news/opening-of-humanitarian-corridor-from-sudan-to-south-sudan.
- Peace Agreement in South Sudan is the first step on a long journey // Gov.uk. 18.09.2018. URL: www.gov.uk/government/speeches/peace-agreement-in-south-sudan-is-the-first-step-on-a-long-journey.

- RAF evacuates Britons from South Sudan // Gov.uk. 19.12.2013. URL: www.gov.uk/government/news/raf-evacuates-britons-from-south-sudan.
- South Sudan backs independence – results // BBC. 07.02.2011. URL: www.bbc.com/news/world-africa-12379431.
- Stockman F. Kerry hails peaceful independence vote in southern Sudan. 10.01.2011. URL: archive.boston.com/news/world/africa/articles/2011/01/10/kerry_hails_peaceful_independence_vote_in_southern_sudan.
- Tobias Ellwood speech at IGAD Summit on South Sudan // Gov.uk. 18.08.2015. URL: www.gov.uk/government/speeches/tobias-ellwood-speech-at-igad-summit-on-south-sudan.

REFERENCES

- V konflikt dvuh Sudanov vmeshalsja Kitaj // Lenta.ru. 24.04.2012. URL: lenta.ru/news/2012/04/24/hu.
- V rezul'tate stolknovenij v Juzhnom Sudane pogibli 500 chelovek // Lenta.ru. 18.12.2013. URL: lenta.ru/news/2013/12/18/sudan.
- Velikobritanija ob#javila jevakuaciju iz Juzhnogo Sudana // Lenta.ru. 19.12.2013. URL: lenta.ru/news/2013/12/19/airlift.
- Vlasti Juzhnogo Sudana zajavili o sryve voennogo perevorota // Lenta.ru. 16.12.2013. URL: lenta.ru/news/2013/12/16/ssudan.
- Gensek OON polozhitel'no ocenivaet rezul'taty referendum v Juzhnom Sudane // RIA Novosti. 5.02.2011. ria.ru/20110205/330643031.html.
- Evdokimov I.D., Sidorova G.M.* «Vostochnyj krizis» v Demokraticheskoj Respublike Kongo i problema ego uregulirovanija // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2013. № 11. S. 53–65.
- ES privetstvuet rezul'taty referendum v Sudane // RIA Novosti. 7.02.2011g. URL: ria.ru/20110207/331524203.html.
- Ugrozy bezopasnosti Afriki: sovremennye tendencii : uchebnoe posobie / N. A. Zherlicyna, S. V. Kosteljanec, G. M. Sidorova ; Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, FGBOU VO «Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet». M. : FGBOU VO MGLU, 2018. 273 s.
- Iz-za konflikta v Juzhnom Sudane s 2013 goda pogibli pochtii 400 tys. chelovek // RIA Novosti. 26.09.2018. URL: ria.ru/20180926/1529384973.html.
- Kljuchnikov M.I.* Sudan. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: bigenc.ru/geography/text/4171427.
- Operacii OON po podderzhaniju mira. URL: peacekeeping.un.org/ru/mission/unmiss.
- Rassohin N.A.* Strategii neftegazovyh TNK v stranah Afriki juzhnee Sahary : dis. ... kand. jekonom. nauk. M., 2015. 182 s.

- Sidorov M.A.* Osobennosti razvitija roznichnyh korporacij SShA (na primere «Vol-Mart Stors») // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Jekonomika*. 2011. № 1. S. 74–82.
- Sidorova G.M.* Problemy ustojchivogo razvitija v afrikanskih stranah (na primere Demokratičeskoj Respubliki Kongo): Strategija ustojchivogo razvitija v kontekste političeskikh processov XXI stoletija / pod red. A. I. Kostina. M. : Izd-vo Mosk. un-ta. 2018. S. 132–146.
- Juzhnyj Sudan obrel nezavisimost', mirovye derzhavy ee priznajut // RIA Novosti. 09.07.2011. URL: ria.ru/20110709/399381421.html.
- Juzhnyj Sudan oficial'no stal nezavisimym gosudarstvom // RBK. 9.07.2011. URL: www.rbc.ru/rbcfreenews/20110709013022.shtml.
- Juzhnyj Sudan – Chernaja Afrika, reshivshaja otdelit'sja ot arabskogo mira. URL: www.portalostranah.ru/view.php?id=168.
- British troops continue support to UN South Sudan mission. Gov.uk. 03.04.2017. URL: www.gov.uk/government/news/british-troops-continue-support-to-un-south-sudan-mission.
- Community engagement and political stability to ensure peace in Abyei // Gov.uk. 20.09.2018. URL: www.gov.uk/government/speeches/community-engagement-and-political-stability-to-ensure-peace-in-abyei.
- Featherstone: New British aid package for South Sudan // Gov.uk. 20.05.2014. URL: www.gov.uk/government/news/featherstone-new-british-aid-package-for-south-sudan.
- FCO Minister for Africa visits South Sudan // Gov.uk. 16.11.2013. URL: www.gov.uk/government/news/fco-minister-for-africa-visits-south-sudan.
- Foreign Office Minister welcomes South Sudan peace agreement // Gov.uk. 10.05.2014. URL: www.gov.uk/government/news/foreign-office-minister-welcomes-south-sudan-peace-agreement.
- Minister for Africa welcomes new EU sanctions against South Sudan // Gov.uk. 02.02.2018. URL: www.gov.uk/government/news/minister-for-africa-welcomes-new-eu-sanctions-against-south-sudan.
- Minister Wharton reinforces UK support for refugees in Uganda // Gov.uk. 27.02.2017. URL: www.gov.uk/government/news/minister-wharton-reinforces-uk-support-for-refugees-in-uganda.
- Opening of humanitarian corridor from Sudan to South Sudan // Gov.uk. 06.04.2017. URL: www.gov.uk/government/news/opening-of-humanitarian-corridor-from-sudan-to-south-sudan.
- Peace Agreement in South Sudan is the first step on a long journey // Gov.uk. 18.09.2018. URL: www.gov.uk/government/speeches/peace-agreement-in-south-sudan-is-the-first-step-on-a-long-journey.
- RAF evacuates Britons from South Sudan // Gov.uk. 19.12.2013. URL: www.gov.uk/government/news/raf-evacuates-britons-from-south-sudan.

South Sudan backs independence – results // BBC. 07.02.2011. URL: www.bbc.com/news/world-africa-12379431.

Stockman F. Kerry hails peaceful independence vote in southern Sudan. 10.01.2011. URL: archive.boston.com/news/world/africa/articles/2011/01/10/kerry_hails_peaceful_independence_vote_in_southern_sudan.

Tobias Ellwood speech at IGAD Summit on South Sudan // Gov.uk. 18.08.2015. URL: www.gov.uk/government/speeches/tobias-ellwood-speech-at-igad-summit-on-south-sudan.

УДК 94 (41/99)

В. Н. Косторниченко

доктор экономических наук, профессор кафедры исторических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kostornichenko@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ АНГЛОСФЕРЫ КАК ОСНОВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

В статье рассматривается возникновение феномена англосферы. На основе источников политического характера (выступлений политиков, материалов периодической печати и др.) проанализированы его базовые составляющие. Использование историко-сравнительного и ретроспективного методов позволило восстановить политическую историю возникновения и теоретические основания концепции англосферы, определить ее связь с современной политикой ведущих англоязычных стран.

Ключевые слова: англосфера; брексит; Уинстон Черчилль; Robert Conquest; англосаксонская цивилизация.

V. N. Kostornichenko

Professor of the Department of the History, Moscow State Linguistic University;
e-mail: kostornichenko@yandex.ru.

THE CONCEPT OF THE ANGLOSPHERE AS THE BASIS OF THE FOREIGN POLICY OF ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES

The article deals with the emergence of the phenomenon of “anglosphere”. On the basis of sources of political character (speeches of politicians, materials of the periodical press, etc.) its basic components are analyzed. The use of historical-comparative and retrospective methods allowed to restore the origin and theoretical foundations of the concept of “anglosphere,” to determine its connection with the modern policy of the leading English-speaking countries.

Key words: Anglosphere; Brexit; Winston Churchill; Robert Conquest; Anglo-Saxon civilization.

Введение

Идеи сторонников глобализации, интеграции и универсализации мирового политического и экономического процесса стали неким «мейнстримом» гуманитарной науки 1990-х гг. В свою очередь

взгляды исследователей, изучающих современные социальные процессы сквозь призму историко-культурных традиций, оказались на периферии общественного внимания. Однако в конце 1990-х гг. и первом десятилетии 2000-х гг. наметился некоторый перелом: значительная часть элиты развитых стран стала активно проявлять приверженность укреплению национальных традиций, упрочению духовных основ общества. Особенно это заметно на примере западноевропейских стран, в частности Великобритании. Так, в этой стране произошла значительная эволюция в общественном сознании: британское общество перешло от демонстрации повсеместной лояльности идеям «общеευропейской судьбы» к поддержке курса на сохранение национальной самобытности, провозглашенного небольшой правоконсервативной популистской партией независимости Великобритании (UK Independence Party).

Референдум по выходу Великобритании из Евросоюза, состоявшийся 23 июня 2016 г. (далее Brexit. – В.К.), стал свидетельством того, что большинство британцев склонны поддерживать «особый» путь развития страны, видят свое будущее вне европейской интеграционной перспективы. В качестве обоснования выбора идеологии Brexit говорили о необходимости защиты традиционных британских историко-культурных ценностей, под которыми понимаются верховенство закона, защита права частной собственности, обеспечение экономических и политических свобод и т. п. По их мнению, англоязычные страны трактуют эти ценности иначе, нежели европейцы, что вынуждает «англосферу» отказаться от интеграции с Европейским союзом.

Сторонники Brexit стали широко использовать понятие «англосфера» применительно к союзу англоязычных государств, объединенных общим языком, историей и культурой. Фактически этот неологизм стал основой концепции особого пути развития англоязычных стран, символом их общей идентичности.

Понятие «англосфера»

Рассмотрим более подробно историю возникновения и содержания понятия «англосфера».

Его появлению предшествовала идея создания добровольного объединения англоязычных государств, выделившихся из состава колоний Великобритании и именуемых Содружеством. Начало этому

объединению было положено 1 июля 1867 г., когда Канада обрела статус первого «независимого доминиона» Британской империи. По словам современной королевы Великобритании Елизаветы II, этот шаг положил начало свободной ассоциации независимых государств, именуемой в настоящее время Содружеством [Queen 1959]. Первым из британских политиков, кто всесторонне провозгласил и обосновал идею содружества доминионов, был лорд Розбери. Это было сделано им в 1884 г. в ходе посещения Австралии [Commonwealth URL].

Развивая положения лорда Розбери, один из самых авторитетных политиков викторианской Англии Джозеф Чемберлен (1836–1914) пытался в начале XX в. реализовать проект объединения англоязычных регионов в тарифном союзе. По его мнению, защищенный протекционистскими пошлинами единый рынок англоязычных стран должен был подорвать быстрый экономический рост европейских стран-конкурентов. С целью продвижения своего проекта Дж. Чемберлен, покинув министерский пост, отправился по городам Великобритании и США. В выступлении перед представителями деловых кругов Филадельфии он отмечал, что отказывался признавать себя чужим в США [Дионео 1903, с. 42]. Во время своей поездки он призывал слушателей «мыслить по-имперски», отстаивая введение тарифных преференций для англоязычного мира. В конечном итоге Дж. Чемберлен потерпел поражение: политическая элита, деловые круги и население выступили против его предложения о тарифном союзе, опасаясь повышения цен на продовольственные товары [Zebel 1967, с. 157].

Несмотря на эту неудачу, замысел равноправной интеграции английских доминионов получил дальнейшее развитие, термин «Содружество» появился в официальных документах британского правительства. Впервые объединение Великобритании и доминионов провозглашалось равноправным в декларации Бальфура 1926 г. Этот союзный статус, с одной стороны, подтверждал преданность этих территорий английскому монарху, с другой – свидетельствовал об их независимости друг от друга [Historical 1991, с. 297]. Окончательно союзный статус государств Содружества был закреплен Вестминстерским Статутом 1931 г.

Однако, как основное направление британской внешней политики, курс на объединение англоязычных стран возник в годы Второй мировой войны. 14 августа 1941 г. по инициативе премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля на борту линкора «Принц

Уэльский» было подписано соглашение между правительствами Великобритании и Соединенных Штатов. Этот договор, получивший название Атлантической хартии, зафиксировал «особый статус» англо-американских отношений (Special Relationship) в мировой политике. Многие положения хартии исходили из общих представлений «англо-американского духовного кредо», претендуя на его ведущую роль в формировании идеологии послевоенного переустройства. В понимании У. Черчилля близкие отношения между Великобританией и США должны были способствовать всесторонней интеграции всех англоязычных народов.

Уже после окончания Второй мировой войны в известной «Фултонской» речи, произнесенной в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 г. У. Черчилль подчеркивал, что победа в войне была бы невозможна без союза стран, говорящих на английском языке. Говоря об этом, британский политик имел в виду кооперацию между Британским Содружеством наций и Соединенными Штатами Америки. У. Черчилль заявлял о растущей дружбе между «родственными разветвленными общественными системами» англоязычных обществ, о необходимости расширения сотрудничества между ними в послевоенный период [Churchill 1995, с. 300]. В продолжении выступления У. Черчилль приводил конкретный пример тесного сотрудничества англоязычных стран: «Соединенные Штаты уже заключили долгосрочное соглашение об обороне с Канадой, британским союзником по Содружеству... Подобный договор выходит за рамки чисто формальных союзов, его необходимо расширить на все страны Содружества... Это в интересах общей безопасности ... это не нарушает интересов других стран мира» [там же, с. 301].

Принцип «особых братских отношений» англоязычных стран был заложен У. Черчиллем и в его доктрине «трех великих кругов» внешней политики Великобритании (three majestic circles). Представляя эту доктрину, являющуюся и по сей день краеугольным камнем политики британских консерваторов, политик отмечал, что будущее Великобритании связано с «тремя великими кругами свободных наций и демократий». Первый круг определялся как Британское Содружество Наций со всеми входящими в него странами; второй представлял собой союз ведущих держав англоязычного мира под эгидой США; третий включал в себя государства Европы. По мнению У. Черчилля, «в мире нет силы, способной бросить вызов этим трем

союзам», в каждом из которых Британия играет значительную роль [Churchill 1950, с. 416-417]. Как мы видим, выделяя приоритеты британской внешней политики, У. Черчилль и возглавляемая им партия консерваторов особое внимание уделяли отношениям с англоязычными странами.

В 1960–1970 гг., когда в политической жизни доминировала лейбористская партия, вектор внешней политики Британии сместился, преобладающим стал курс на европейскую интеграцию. Однако в 1980-е гг., когда у власти в Великобритании и США утвердились «неоконсерваторы», вновь получила поддержку линия на укрепление отношений между англоязычными странами. В этот период руководители Великобритании и США Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган неоднократно заявляли об особой роли англоязычных стран в деле «защиты и будущего свободы», критиковали процесс европейской интеграции [White 2013, с. 220]. Тем не менее в 1990-е гг. в Великобритании возобладали «евроинтеграционные настроения», что во многом способствовало отставке М. Тэтчер. Уже находясь в оппозиции, она продолжала продвигать идею дальнейшего укрепления союза между англоязычными странами.

Весьма показательной в этом отношении является речь М. Тэтчер, произнесенная на заседании англоязычного Союза (English-Speaking ESU). Эта организация была основана в 1918 г. для содействия сотрудничеству между «англоязычными народами». В своем выступлении она заявила: «Англоязычный мир должен выполнить провиденциальную задачу. Мы бережно относимся к гражданским правам и свободам; мы привержены традициям религиозной толерантности; мы являемся сторонниками демократии и выборного правительства; мы выступаем за верховенство права» [Bell URL]. Апеллируя к работам Джона Локка, Эдмунда Берка и Томаса Джефферсона, М. Тэтчер призывала создать союз англоязычных государств, способный «кардинально изменить политическую атмосферу в обществе и привести мир к процветанию» [Bell URL]. Таким образом, к 1990-м гг. британские политики сформировали своего рода «заказ» на «англосферу» – сообщество англоязычных стран, объединенное общим языком, историей и культурой и призванное выполнить новую провиденциальную задачу.

Слово «англосфера» пришло в современную мировую политику из художественной литературы. Американский писатель-фантаст Нил Стивенсон фактически ввел слово «англосфера» в современный

лексический оборот, опубликовав в 1995 г. роман «Алмазный век, или букварь для благородных девиц» [Stephenson 1995].

В этом футуристическом произведении действие разворачивалось во времена так называемой нанотехнологической революции, оказывавшей влияние на все стороны жизни общества. В мире, где границы национальных государств существовали лишь формально, в этот период происходили значительные социальные изменения. Политическая структура общественных отношений определялась филами (сферами), построенными по культурному, религиозному или идеологическому признаку. Три филами первого эшелона (главными) являлись Новая Атлантида, основанная на культуре викторианской Англии, Ниппон, принадлежащая японской традиции, и конфуцианский Хань (фактически прообраз Китая). Связанные сетевыми коммуникациями филы были весьма разбросаны географически, имея защищенные анклавные территории большинства городских агломераций различных стран.

По замыслу Нила Стивенсона, Новая Атлантида («англосфера»), не будучи главенствующей среди Трех Великих Фил, тем не менее имела особый статус:

члены других фил... хотят быть викторианскими джентльменами. Посмотри на ашанти, евреев, Прибрежную Республику. Носят они национальный костюм? Иногда. Чаще – одеваются по викторианскому образцу. В руке у них – зонтик со старой Бонд-стрит, в кармане – томик рассказов о Шерлоке Холмсе [Стивенсон 2003, с. 68].

Основу Новой Атлантиды составляло англо-американское общество, включающее не только англосаксов (их большинство), но и индийцев, африканцев, всех тех членов англосферы, кто идентифицировал себя с викторианской культурой. Центром этой филы являлся Лондон, куда съезжались молодые атланты «со всей англосферы, чтобы пустить корни и пойти в рост на удобренной веками почве» [Стивенсон 2003, с. 66].

Сюжетная линия романа Нила Стивенсона, связанная с англосферой, получила развитие в медийных и научных публикациях второй половины 1990 – начале 2000-х гг., сам термин был включен в перечень статей ведущих мировых словарей.

Так, идею англосферы поддержал влиятельный англо-американский историк и литератор Роберт Конквест, игравший существенную роль в формировании идеологии консерваторов Великобритании

и США. Он был идейно близок американским республиканцам и английским консерваторам, работал консультантом Алека Дугласа-Хьюма, Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана, Кондолизы Райс и др. В нашей стране он более известен как своего рода «американский Солженицын», как один из исследователей сталинизма, написавший книгу «Большой террор». В мировой политике его знают как лоббиста англо-американского внешнеполитического союза, как явного противника евроинтеграционной политики Великобритании. Р. Конквест, будучи сторонником британского писателя Джорджа Оруэлла, был абсолютным приверженцем культуры верховенства прав и свобод, которую он рассматривал в качестве фундамента ценностей англоязычного мира. Исходя из этого, Р. Конквест заявлял: «Я не считаю, что ЕС способствует утверждению этой культуры. Я категорически против ЕС. Я против любого регулирования и управленчества. Я против активности подобного рода» [Conquest 2000].

В 2000 г. на страницах «The New York Review of Books» между Робертом Конквестом и известным канадским политиком и писателем Майклом Игнатьевым [Ignatieff 2000] развернулась открытая дискуссия, посвященная проблематике «англосферы». В комментарии к своей книге «Размышления об истерзанном столетии» (1999) Р. Конквест защищал концепт «англосферы», отделяя англосаксонскую традицию от континентальной. «Мы видим, как Запад и «европейская» цивилизация сама по себе разделены антиамериканизмом; уже существующим и нарастающим в невероятном масштабе бюрократическим и регулятивным кошмаром, противоречащим традициям прав и свобод; фатальным отсутствием понимания природы гражданства, которое не может быть сформировано по требованию или принуждению со стороны наднациональных институций» [Conquest 2000, с. 287]. И далее говоря об отношении британцев к США и Европе, он обращался к данным опроса, опубликованным журналом Economist в 2000 г. Отвечая на вопрос о том, каким союзникам следует доверять в кризисные времена, 60 % жителей Соединенного королевства выбрали в качестве ближайших союзников – США, и только 16 % – Европу [Conquest 2000, с. 287].

Майкл Игнатьев выступил с критикой этих высказываний. По его мнению, Роберт Конквест преувеличил разногласия между странами «англосферы» и Европой по поводу правильного баланса между правами частных лиц и интересами общественного благосостояния.

Майкл Игнатьев отмечал, что «связи между Британией и политическими традициями других европейских стран, в частности Франции, глубже», чем Роберт Конквест предполагает. Более того, они укрепились в результате присоединения Великобритании к европейскому сообществу» [Ignatieff 2000]. Далее Майкл Игнатьев продолжал: «Я разделяю его гнев и раздражение относительно того, что европейские институты погрязли в nepотизме и коррупции, но он не учитывает некоторые реальные достижения Европейского Союза, такие как: франко-германское сближение, укрепление демократии на Пиренейском полуострове, перспективное поглощение Восточной Европы. Как и он, я ненавижу европейский антиамериканизм, и так, как он, я считаю, что Британию и Америку будут связывать особые продуктивные отношения. Но он, похоже, считает, что Великобритания должна либо уйти из Европы, либо отказаться от дальнейшего сотрудничества, что может поставить под угрозу развитие европейской интеграции. Он хочет, чтобы Британия связала свою судьбу с Союзом англоязычных народов, и я считаю это романтической иллюзией» [там же].

Как представляется, истоки полемики между Р.Конквестом и М.Игнатьевым имеют историческую подоплеку и коренятся в различиях идейной платформы спорящих сторон. Так, принятие и отстаивание концепции англосферы Р.Конквестом объяснялось в значительной степени его приверженностью традиционным консервативным ценностям. «В настоящий момент некоторые общества и нации желают изменить своим историческим корням. Однако я стремлюсь оставаться консерватором, я всегда на стороне Бёрка в противовес Локку, хотя в чем-то их образ мыслей совпадает» [Conquest 2000, с. 287]. Как известно, мировоззрение родоначальника идеологии консерватизма Эдмунда Бёрка, жившего в XVIII в., было основано на принципах преемственности и эволюционного изменения устоявшихся форм общественного устройства. В своем политическом памфлете «Размышления о революции во Франции» он отмечал: «Идея наследования дает верный принцип сохранения и верный принцип передачи, нисколько не исключая принципа улучшения» [Burke 1791]. Выступая против французского радикализма, «уничтожающего духовные ресурсы общества и пренебрегающего историческим наследием», Бёрк обращался к неписаной британской конституции и английским правовым и культурным традициям. «Кто не

оглядывается на предков, не думает о потомках» [Киссинджер 2012]. Таким образом, обращение Р. Конквеста к наследию Э. Бёрка в своей полемике с М. Игнатьевым было призвано показать консервативную природу концепции англосферы.

Линия Р. Конквеста была поддержана американским технократом Джеймсом Беннеттом, тесно связанным с развитием нанотехнологической и космической промышленности США. В своих работах, выходящих в 2010-х гг., он представлял англосферу как трехуровневую сетевую организацию, не имеющую четких политических границ. Центром англосферы, по его мнению, должен стать союз США и Великобритании. Второй круг неформального объединения – Австралия, Новая Зеландия, англоязычные регионы Канады, Ирландии и Южной Африки (populous outliers). Границы англосферы (третий круг) определялись бы периферийными регионами, ориентирующимися на англоязычную культуру: Океанией, Карибскими островами, Африкой и Индией (Anglosphere's frontiers).

Дж. Беннетт призывал развивать особые связи между англоязычными странами, прежде всего, в сфере торговли, безопасности, свободного передвижения людей и научной кооперации. Залогом успеха в реализации этой задачи должны стать английский язык, общие культурные ценности. По его мнению, движение в этом направлении заставило бы отказаться от ложных фантазий Хаусхофера: Америке оставить свои мировые амбиции, Британии переосмыслить Европейские иллюзии, Австралии отказаться от заблуждений относительно Азиатской идентичности. Целью государств, входящих в англосферу, как отмечал Дж. Беннетт, должно стать не создание политического объединения по типу Европейского союза, не присоединение Британии, Канады или Австралии к Соединенным Штатам Америки, а защита «общих ценностей англоязычного мира» от внешних и внутренних угроз [Bennett 2004, с. 16].

Заключение

В завершении Дж. Беннетт сформулировал главный тезис сторонников англосферы. «Англоязычные народы составляют не просто ветвь западной цивилизации, а представляют собой особую цивилизацию, развивающуюся по своим собственным законам» [Bennett 2004, с. 28]. В статье, посвященной постимперской идентичности Британии этого периода, М. А. Липкин отмечал, что в 1990-е и начале

2000-х гг. в гуманитарных науках Великобритании стал проявляться «своего рода взрывной интерес» к национальной культуре с упором на исследование идеологического подтекста термина британский (British) [Липкин 2007, с. 123]. В этот период в Великобритании появляется значительное количество публикаций, посвященных историко-культурному наследию англоязычных народов, возникают новые направления в исторической науке, пересматривающие основы «универсалистского, мультикультурального подхода» к британской истории, доминирующего в предшествующий период. Таким образом, в основе концепции англосферы лежит цивилизационный подход, построенный на изучении историко-культурного наследия англоязычного мира. Этот подход получает широкое распространение на территории Великобритании и других стран англоязычного мира, становится доминирующим в современных исследованиях культурной жизни этой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дионео (Шкловский И.В.). Очерки современной Англии. С-Петербург : Русское богатство, 1903. 558 с.
- Киссинджер Г. Пределы универсализма. О консерватизме Берка // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. URL: www.globalaffairs.ru/number/Predely-universalizma-15641 (дата обращения 16.05. 2019).
- Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. 601 с.
- Стивенсон Нил. Алмазный век, или Букварь для благородных девиц / пер. Е.Доброхотовой-Майковой. М. : АСТ, 2003. 544 с.
- Bell D. The Anglosphere: new enthusiasm for an old dream. URL: www.prospectmagazine.co.uk/magazine/anglosphere-old-dream-brexite-role-in-the-world (дата обращения 16.05. 2019).
- Bennett J.C. The anglosphere challenge: why the English-speaking nations will lead the way in the twenty-first century. Rowman & Littlefield, 2004. 337 p.
- Burke E. Reflections on The Revolution in France. 1791. URL: sourcebooks.fordham.edu/mod/1791burke.asp (дата обращения 16.05. 2019).
- Churchill W. Conservative Mass Meeting: a speech at Llandudno, 9 October 1948. Europe Unite : speeches 1947 & 1948. L. : Cassell, 1950. P. 416–418.
- Churchill W. The Sinews of Peace. Quoted in Mark A. Kishlansky / Ed. Sources of World History. New York : Harper Collins, 1995. P. 298–302.

- Commonwealth secretariat. URL: thecommonwealth.org/Internal/191086/34493/history/ (дата обращения 16.05. 2019).
- Conquest R.* The 'Anglosphere'. The New York Review of books. URL: www.nybooks.com/articles/2000/05/11/the-anglosphere/ (дата обращения 16.05. 2019).
- Conquest R.* Reflections on a Ravaged Century. New York : Norton, 2000 : New edition. 316 p.
- Historical Dictionary of European Imperialism. Westport, Connecticut : Greenwood Publishing Group, 1991. 1347 p.
- Ignatieff M.* The 'Anglosphere'. The New York Review of books. URL: www.nybooks.com/articles/2000/05/11/the-anglosphere/ (дата обращения 16.05. 2019).
- Queen Elizabeth II.* Queen Elizabeth's 1959 Dominion Day Message. Government House (Rideau Hall), Ottawa : CBC. 1959. URL: www.cbc.ca/archives/entry/queen-elizabeths-1959-dominion-day-message (дата обращения 16.05. 2019).
- Stephenson N. T.* The Diamond Age: or A Young Lady's Illustrated Primer, 1995.
- White P.* Our Supreme Task: How Winston Churchill's Iron Curtain Speech Defined the Cold War Alliance. NY : PublicAffairs. 2013. 304 p.
- Zebel S.* Joseph Chamberlain and the Genesis of Tariff Reform // Journal of British Studies. 1967. # 1. P. 131–157.

REFERENCES

- Dioneo (Shklovskij I. V.).* Oчерki sovremennoj Anglii. S-Peterburg : Russkoe bogatstvo, 1903. 558 s.
- Kissindzher G.* Predely universalizma. O konservatizme Berka // Rossiya v global'noj politike. 2012. № 4. URL: www.globalaffairs.ru/number/Predely-universalizma-15641(data obrashhenija 16.05. 2019).
- Lipkin M. A.* Dvadcat' pervyj vek po Grinvichu: Britanija v poiskah postimperskoj identichnosti // Nacionalizm v mirovoj istorii / pod red. V. A. Tishkova, V. A. Shnirel'mana. M. : Nauka, 2007. 601 s.
- Stivenson Nil.* Almaznyj vek, ili Bukvar' dlja blagorodnyh devic / per. E. Dobrohotovoj-Majkovoj. M. : AST, 2003. 544 c.
- Bell D.* The Anglosphere: new enthusiasm for an old dream. URL: www.prospectmagazine.co.uk/magazine/anglosphere-old-dream-brexite-role-in-the-world (data obrashhenija 16.05. 2019).
- Bennett J. C.* The anglosphere challenge: why the English-speaking nations will lead the way in the twenty-first century. Rowman & Littlefield, 2004. 337 p.
- Burke E.* Reflections on The Revolution in France. 1791. URL: sourcebooks.fordham.edu/mod/1791burke.asp (data obrashhenija 16.05. 2019).

- Churchill W.* Conservative Mass Meeting: a speech at Llandudno, 9 October 1948. Europe Unite : speeches 1947 & 1948. L. : Cassell, 1950. P. 416–418.
- Churchill W.* The Sinews of Peace. Quoted in Mark A. Kishlansky / Ed. Sources of World History. New York : Harper Collins, 1995. P. 298–302.
- Commonwealth secretariat. URL: thecommonwealth.org/Internal/191086/34493/history/ (data obrashhenija 16.05. 2019).
- Conquest R.* The ‘Anglosphere’. The New York Review of books. URL: www.nybooks.com/articles/2000/05/11/the-anglosphere/ (data obrashhenija 16.05. 2019).
- Conquest R.* Reflections on a Ravaged Century. New York : Norton, 2000 : New edition. 316 p.
- Historical Dictionary of European Imperialism. Westport, Connecticut : Greenwood Publishing Group, 1991. 1347 p.
- Ignatieff M.* The ‘Anglosphere’. The New York Review of books. URL: www.nybooks.com/articles/2000/05/11/the-anglosphere/ (data obrashhenija 16.05. 2019).
- Queen Elizabeth II.* Queen Elizabeth’s 1959 Dominion Day Message. Government House (Rideau Hall), Ottawa : CBC. 1959. URL: www.cbc.ca/archives/entry/queen-elizabeths-1959-dominion-day-message (data obrashhenija 16.05. 2019).
- Stephenson N. T.* The Diamond Age: or A Young Lady’s Illustrated Primer, 1995.
- White P.* Our Supreme Task: How Winston Churchill’s Iron Curtain Speech Defined the Cold War Alliance. NY : PublicAffairs. 2013. 304 p.
- Zebel S.* Joseph Chamberlain and the Genesis of Tariff Reform // Journal of British Studies. 1967. # 1. P. 131–157.

Б. А. Ночвина

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
регионоведения и журналистики Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова;
e-mail: bella.nochtvina@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ
НА СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ
И ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Статья посвящена проблеме влияния политического образования «советы» на формирование общей парадигмы европейского левого движения, развитие институтов социальной демократии Веймарской республики. В статье рассматриваются культурно-исторические факторы, повлиявшие на концептуальные взгляды политической элиты Веймарской демократии и определившие общий характер советско-германских отношений в первой половине XX в. Автором предпринята попытка оценки возможности создания геополитического союза между СССР и Веймарской Республикой, а также перспективы консолидации немецкого левого движения. Анализ характерных черт Веймарской демократии позволяет сделать вывод о взаимосвязи идеологии большевизма с национально-политической традицией Германии, которая в значительной степени повлияла на специфику внешнеполитической доктрины Веймарской Республики.

Ключевые слова: советизация; социал-демократия; большевизм; левое движение; внешнеполитическая доктрина.

B. A. Nochvina

PhD (History), Associate Professor, Department of history, regional studies
and journalistic, Linguistic University of Nizhny Novgorod;
e-mail: bella.nochtvina@mail.ru

**THE INFLUENCE OF THE IDEAS OF RUSSIA'S OCTOBER REVOLUTION
ON THE FORMATION OF WEIMAR GERMANY AND THE FOREIGN
POLICY OF THE WEIMAR REPUBLIC**

This article is devoted to the problem of the influence of political education "Soviets" on the formation of a common paradigm of the European left movement, the development of institutions of social democracy of the Weimar Republic. The article discusses the cultural and historical factors that influenced the conceptual views of the political elite of the Weimar democracy and determined the General nature of Soviet-German relations in the first half of the twentieth century. The author attempts to assess the possibility of creating a geopolitical Union between the USSR and the Weimar Republic, as well as the prospects for the consolidation of the German

left movement. The analysis of the characteristic features of the Weimar democracy leads to the conclusion about the relationship of the ideology of Bolshevism with the national political tradition of Germany, which greatly influenced the specifics of the foreign policy doctrine of the Weimar Republic

Key words: Sovietization, social democracy, Bolshevism, left movement, foreign policy doctrine.

Введение

Историческое влияние идей Октябрьской революции в России выражалось в попытке создания в ряде стран национальных аналогов советской системы, в усилении государственного регулирования экономики, но, прежде всего, в распространении новой системы советских ценностей. Главным идеологическим концептом русской революции, повлиявшим на все европейское рабочее движение, были Советы. Для многих немецких рабочих реализация действительно-го решения социального вопроса в условиях поражения Германии Первой мировой войне, росте милитаризации сознания была возможным лишь через создание радикального для традиционного немецкого общества нового политического образования.

Развитие институтов социальной демократии Веймарской Республики

Начавшиеся в ноябре 1918 г. революционные события в Германии уже в самом начале показали размежевание и даже поляризацию немецкой социал-демократии. Идею социалистической революции поддерживала только левозкстремистская группа «Союз Спартака», ее лидеры выступали за тотальное огосударствление собственности, понимая под национализацией выражение свободы социализма. Категория «свободы» была знаковой для немецкой социал-демократии. Выступая за разную степень отчуждения собственности, партии СДПГ, НСДПГ, «Союз Спартака» не мыслили о разделении понятий «социализм» и «демократические права и свободы». Так Роза Люксембург отмечала: «Абсолютная бесконтрольность действий членов только одной партии – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих» [Люксембург 1991, с. 89], а Карл Каутский заявлял: «Социализм несет человечеству не только хлеб насущный и обеспеченность существования, но и поведет его к высшим ступеням культуры и свободы» [Каутский 1918, с. 48].

Однако если ревизионисты из НСДПГ Рудольф Гильфердинг, Карл Каутский предлагали концепцию эволюционного социализма, т. е. частичную советизацию, то правящая партия СДПГ видела свою главную цель в достижении социального компромисса в немецком обществе, возможности избежать ужасов гражданской войны, «жесткого варианта» решения репарационного вопроса, дальнейшего ослабления Германии в послевоенной системе мироустройства. Осознание негативных последствий дальнейшей советизации Германии позволило СДПГ сплотить вокруг себя блок либерально-демократических сил, в итоге в «веймарскую коалицию» вошли немецкие демократы, партия Центра, а не бывшие соратники НСДПГ. Тем не менее консолидация власти социал-демократов с либералами и не утратившей своего влияния консервативно настроенной бюрократией не могла резко ограничить распространение в постреволюционной Германии ценностей советизации. Отзвуки идей русской революции 1917 г. наблюдались в росте стачечного рабочего движения, требующего конституционного закрепления экономических и политических прав пролетариата, в создании Баварской советской республики и в формировании концепции «хозяйственной демократии». Автором «хозяйственной демократии» стал один из видных идеологов НСДПГ Р. Гильфердинг.

Созданию «хозяйственной демократии» предшествовали различные попытки реализации концепта «советы» в постреволюционной Германии:

- 1) законопроект «О социализации», разработанный при содействии В. Ратенау, который предусматривал частичное огосударствление пригодных для этого производств;

- 2) фабрично-заводские комитеты в Баварской советской республике, процесс комплектования и функционирования которых значительно отличался от советского варианта;

- 3) II Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов (8–14 апреля 1919 г., Берлин): поддержка проекта М. Козна – Ю. Калисского, который предполагал создание структуры экономических советов отдельных производств, реализующих свои политические требования в равноправной парламенту Палате труда.

- 4) Проект Г. Зинцхаймера о создании хозяйственных советов, наделенных правом законодательной инициативы, который впоследствии стал базисом ст. 165 Веймарской конституции 1919 г. [Deutsche Verfassungsgeschichte 1994].

Герлицкая программа 1921 г. и Гейдельбергская программа 1925 г. закрепляли приверженность немецкой социал-демократии принципам парламентаризма и республиканской форме власти, успешное функционирование которых невозможно без эффективной социальной политики – «здоровая социальная политика – лучшее средство для укрепления республики» [РГАСПИ 1921; РГАСПИ 1925]. Концепция «хозяйственной демократии» стала своеобразным ответом немецкой социал-демократии на вызовы советизации, закрепив в условиях либерально-демократического и социально-политического компромисса интересы пролетариата.

Идеологи СДПГ негативно восприняли большевизм как практическое выражение идей социализма, оценивая процесс советизации как диктатуру одной партии, порожденной традициями азиатского деспотизма русского общества. К. Каутский доказывал: «Они отстояли себя персонально, но принесли в жертву свои принципы и этим проявили себя в качестве истинных оппортунистов. Большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение» [Каутский 1918].

С одной стороны, социал-демократы утверждали:

Мы признаем опасность огосударствления. Она заключается в том, что тем самым миллионы рабочих в их хозяйственной деятельности будут зависеть от государства... Такое состояние легко приведет к опеке сверху и позволит злоупотреблять властью имущим своим положением [Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie 1973].

С другой – именно Веймарская Республика впервые конституционно закрепила Германию как «социальное государство»: Конституция 1919 г., раздел «Основные права и обязанности в хозяйственной жизни» (статьи 151–165), «Закон о производственных советах» 1920 г., «Закон о трудовом посредничестве и страховании по безработице» 1927 г. Безусловно, несмотря на негативное восприятие политической элитой Веймарской Республики идеологии большевизма, опосредованное влияние концепта «советы» прослеживается в расширении традиционных рамок «Sozialstaat» через введение практики «соучастия» в социальной политике Веймарской Германии, пусть и в условиях ограниченного применения статьи о производственных советах.

Особенностью Веймарской Республики было то, что формирование демократических институтов в стране происходило при

господстве в немецком обществе ценностной идеологемы «Deutscher Sonderweg» (немецкий особый путь). Милитаризированный путь создания национального государства, гегемонизм кайзеровской Германии, национальные политические традиции немецкого общества нашли выражение в емкой лаконичной политико-культурологической форме «Deutschland über alles» (Германия превыше всего).

В послевоенный период униженное условиями Версальского договора немецкое общество жаждало не столько военного реванша, сколько желало сделать Германию вновь сильным государством, способным защищать свои национальные интересы. Первая мировая война породила очередной кризис национальной идентичности в немецком обществе, отягощенном ростом милитаризированного сознания и поиском радикальных форм для нового сплочения нации.

На мировоззрение идеологии «консервативной революции» в Веймарской Германии серьезное влияние оказали идеи российского национал-большевизма. Отрицая интернационализм, классовые интересы, обосновывая необходимость национального объединения путем германского государственного социализма, Э. Юнгер, Э. Никшиш и другие стремились к созданию великой Германии путем соединения ценности «Deutscher Sonderweg» с методами большевистской диктатуры насилия.

Изначальный деструктивизм Веймарской Республики был обусловлен именно противоречием демократической политической системы и ценностных политических ориентаций немецкого общества.

«Deutscher Sonderweg» стал фундаментом и получил свое концептуальное завершение в идеологии национал-социализма. Используя идеи социальной демократии для увеличения своего электората, нацизм формирует новую модель «Sozialstaat» как продолжение сильного национального государства. Безусловно, что «идеалистическая доктрина национального государства, стремящегося к экспансии, трактующая войну как «жизнь и долг», прямо противоположна интернациональной идее борьбы за социальную справедливость и равенство людей, к которой апеллирует коммунизм» [Полиновская 2018].

Характер советско-германских отношений

Идеями «особого немецкого пути» проникнута и внешняя политика Веймарской Республики по отношению к Советской России. Оформление советской внешнеполитической стратегии шло

через реализацию двух противоречащих друг другу принципов: идея «мировой революции», впоследствии замененная прагматичным курсом Коминтерна, и ленинская концепция «мирного сосуществования» различных систем [Чичерин 1958]. Целью последней было через нормализацию отношений восстановить необходимые для советской экономики торгово-экономические связи с ведущими капиталистическими странами. Используя противоречия между главными акторами Версальско-Вашингтонской системы, добиться полноценного сотрудничества с ними, тем самым легитимировать советскую власть в международном праве.

Схожие цели имело и правительство Веймарской Республики: добиться наиболее выгодного для Германии плана решения репарационного вопроса, привлечь необходимые средства и союзников для экономического, а в дальнейшем – военно-технического восстановления страны, стать полноправным членом Версальско-Вашингтонской системы, получив возможность эффективно защищать национальные германские интересы.

Отметим, что наличие «версальского синдрома» во внутривнутриполитическом развитии Веймарской республики не оказало значительного влияния на концепцию внешней политики, главной целью которой было достижение статуса великой державы и реализация активной внешнеполитической стратегии Германии в межвоенный период.

Оценивая влияние процесса советизации на внешнюю политику Веймарской республики, остановимся на двух аспектах: «политика выполнения» и Рапалльский договор, тайное военно-техническое сотрудничество рейхсвера и РККА.

Авторы Рапалльского договора Й. Вирт и В. Ратенау были сторонниками проведения социальных реформ. Широко известна идея «третьего пути» В. Ратенау, которая, с одной стороны, избавила бы Германию от негативных последствий капиталистической модели «механизированного общества» и защитила права пролетариата, а с другой являлась бы альтернативой советского социализма, так как главной ее основой был принцип социальной солидарности. Ратенау доказывал: «Социализм поставил освобождение людей в зависимость от денег и богатства и получил, таким образом, массы, но разрушил идеалы. Уничтожение крупной частной собственности, как показал опыт социалистических стран, не могло оградить большинство граждан от жажды ее приобретения» [Ратенау 1923]. Концепция Ратенау

в отношении с Советской Россией предполагала расширение торгово-экономических связей между двумя странами, усиление экономики Германии за счет инвестиций в совместные концессии, расширение рынка сбыта немецких товаров, и главное – став связующим звеном между Советской Россией и странами Запада, Веймарская Республика получит возможность ревизии ограничительных статей Версальского договора.

В отличие от сдержанного курса В. Ратенау, позиция канцлера Й. Вирта имела более геополитический характер. «Восточная политика» Й. Вирта была ориентирована на ослабление Франции и Польши. Не испытывая симпатии к большевизму, канцлер полагал через геополитический союз с Советской Россией добиться признания равенства Германии великими державами, используя при этом англо-французские противоречия. В своей партии Й. Вирт принадлежал к левому крылу, поэтому, по мнению ряда исследователей, его социально-экономические взгляды оказали влияние на формирование стратегии внешней политики – «он верил в будущее республики и главной целью своей политической деятельности считал интеграцию рабочих в современное буржуазное общество и создание социального народного государства» [Morsey 1966].

Оценка значения Раппальского договора до сих пор остается весьма дискуссионной как в германской, так и в отечественной историографии. Одни исследователи считают его необходимостью в условиях навязанной Германии жесткой политики стран АНТАН-ТЫ, выражением реваншизма, направленным против Версальских ограничений и французского проекта «Малая Антанта». Другие отмечают временный характер германо-советского сближения и ослабление позиций умеренных сил во франко-германских отношениях. Поляризация мнений вокруг главного акта советско-германского сотрудничества не отрицает того факта, что политическая элита Веймарской республики не боялась «экспорта революции», всерьез восприняв ленинский тезис о мирном сосуществовании; укрепление советской власти в России давало шанс Германии через союз с ней добиться своих главных внешнеполитических целей. На наш взгляд, переосмысление опыта большевизма в разработке социальной политики республики оставляло в большей степени неизменным «бисмарковское наследие» во взаимоотношениях Веймарской Германии с Россией.

Это демонстрирует взгляды двух главных сторонников геополитического сближения с Советской Россией У. Брокдорфа-Ранцау и Х. фон Секта. Концепция первого рассматривала сотрудничество с Советской Россией как возможность экономического и политического усиления Германии на мировой арене, У. Брокдорф-Ранцау был противником дальнейшего тайного военно-технического сотрудничества рейхсвера и РККА, считая это опасным моментом в осуществлении главной внешнеполитической цели Германии. Напротив, глава рейхсвера генерал Х. фон Сект полагал: «Если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы будут вынуждены тогда считаться с Германией, потому что они не смогут не принимать в расчет Россию. Сотрудничество с Россией позволит Германии осуществить «подрыв» основ Версальского мирного договора» [Горлов 1991]. Стратегия Секта по проведению тайного военно-технического сотрудничества с СССР дала свои положительные результаты – были созданы предпосылки для дальнейшего укрепления рейхсвера, усилен геополитический потенциал Германии в стремлении общей ревизии Версальского договора.

Заключение

Таким образом, влияние идей Октябрьской революции в России на Веймарскую Республику имело глубинный ценностно-политический характер. Дистанцирование политической элиты «веймарской коалиции» от наследия большевизма, желание использовать Советскую Россию в своих геополитических целях не защитило Веймарскую Республику от проникновения советизации в немецкое общество и это косвенно способствовало усилению деструктивизма Веймарской Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горлов С. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 4–11.
- Каутский К. Демократия и социализм. М. : Знание, 1991 63 с.
- Люксембург Р. О социализме и русской революции. М. : Изд-во политической литературы, 1991. 400 с.
- Каутский К. Демократия и диктатура. Оренбург : Оренбургская организация РСДРП (меньшевиков), 1918. 12 с.
- Ратенау В. Механизация жизни / пер. Е. М. Арсеньева. Петербург : Атеней, 1923. 51 с.

- Полиновская Е. А.* Концепция тоталитаризма и фашизм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 4 (812). С. 141–151.
- РГАСПИ. Ф. 215. Опись 1. Д. 288. Protokoll über die Verhandlungen der Parteitag der SPD Deutschlands, abgehalten in Gorliz vom 18 bis 24 September 1921. Berlin, 1921.
- РГАСПИ. Ф. 215. Опись 1. Д. 288 Sozialdemokratischen Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll mit dem Fraeunkonferenz. Berlin, 1925.
- Чичерина Г. В.* Доклад Народного комиссара по иностранным делам РСФСР на заседании ВЦИК от 17 июня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1958. Т. 2. С. 638–661.
- Deutsche Verfassungsgeschichte 1849 – 1919 – 1949 / Hrsg. H. Schulze. F/a.M. : Lang, 1994. 489 S.
- Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie / Hrsg. D. Dowe, K. Klotzbach. Berlin ; Bonn–Bad–Godesberg : Hentrich, 1973. 612 с.
- Morsey R.* Die Deutsche Zentrumsparthei 1917–1923. Dusseldorf : Droste Verl., 1966 650 S.

REFERENCES

- Gorlov S. A.* Voennoe sotrudnichestvo SSSR i Germanii v 20-e gody // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1991. № 9. S. 4–11.
- Kautskij K.* Demokratija i socializm. M. : Znanie, 1991 63 s.
- Ljuksemburg R.* O socializme i russkoj revoljucii. M. : Izd-vo politicheskoi literatury, 1991. 400 s.
- Kautskij K.* Demokratija i diktatura. Orenburg : Orenburgskaja organizacija RSDRP (men'shevikov), 1918. 12 s.
- Ratenau V.* Mehanizacija zhizni / per. E. M. Arsen'eva. Peterburg : Atenej, 1923. 51 s.
- Polinovskaja E. A.* Konceptija totalitarizma i fashizm // VESTNIK Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2018. Vyp. 4 (812). S. 141–151.
- РГАСПИ. Ф. 215. Опись 1. Д. 288. Protokoll über die Verhandlungen der Parteitag der SPD Deutschlands, abgehalten in Gorliz vom 18 bis 24 September 1921. Berlin, 1921.
- РГАСПИ. Ф. 215. Опись 1. Д. 288 Sozialdemokratischen Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll mit dem Fraeunkonferenz. Berlin, 1925.
- Chicherina G. V.* Doklad Narodnogo komissara po inostrannym delam RSFSR na zasedanii VCIK ot 17 ijunja 1920 g. // Dokumenty vneshnej politiki SSSR. M. : Politizdat, 1958. Т. 2. С. 638–661.
- Deutsche Verfassungsgeschichte 1849 – 1919 – 1949 / Hrsg. H. Schulze. F/a.M. : Lang, 1994. 489 S.

Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie / Hrsg. D. Dowe, K. Klotzbach. Berlin ; Bonn–Bad–Godesberg : Hentrich, 1973. 612 s.

Morsey R. Die Deutsche Zentrumspartei 1917–1923. Dusseldorf : Droste Verl., 1966 650 S.

А. Ю. Плотников

доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета; член Российской ассоциации историков Второй мировой войны; e-mail: al.yu.plotnikov@yandex.ru

**ЯПОНСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
И «ПРОБЛЕМА» РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА**

Рассматриваются современные территориальные претензии и конфликты Японии с пограничными и соседними государствами: с Китаем (острова Сенкаку), Кореей (острова Токто) и Российской Федерацией (южные Курилы).

Наибольшее внимание уделено рассмотрению истории территориальных претензий Японии на принадлежащие России южные Курильские острова, показывается необоснованность этих претензий, а также анализируется вопрос о перспективах заключения российско-японского мирного договора.

Ключевые слова: Территориальные претензии Японии; острова Сенкаку; архипелаг Токто; южные Курилы; мирный договор между Россией и Японией.

A. Yu. Plotnikov

Professor, D.Sc., Moscow State Linguistic University; Russian Second WW Historical Research Association; e-mail: al.yu.plotnikov@yandex.ru

**JAPAN'S TERRITORIAL CONFLICTS
AND DISPUTES WITH THE NEIGHBOURING STATES
IN THE POST WAR PERIOD (AFTER THE SECOND WORLD WAR)
AND THE "PROBLEM" OF RUSSO-JAPANESE PEACE TREATY**

Japan's modern territorial claims and conflicts with the neighbouring countries being analysed: dispute with China (Senkaku Islands); claims on TOKTO Archipelago; claims on the South Kurils (Russia). The main impact is focused on Japan's claims on the Kuril Islands, showing its groundlessness and politically motivated character. Special attention is paid to the subject of the possibility and perspective of conclusion of Russo-Japanese Peace treaty.

Key words: Japan's territorial claims and conflicts with neighbouring States; Senkaku Islands; Tokto Archipelago; Kuril Islands; South Kurils; Russo-Japanese Peace Treaty.

Введение

Территориальные претензии Японии на принадлежащие РФ южные Курилы хорошо известны.

Значительно менее известны другие территориальные претензии и конфликты, которые у Японии есть со всеми пограничными

и соседними государствами. Все они в основном связаны с итогами Второй мировой войны. Это территориальные конфликты Токио с Южной Кореей и Китаем (причем с «обоими Китаями»: и с Китайской Народной Республикой (КНР) и с Тайванем (Китайская Республика).

В этой связи можно вполне уверенно говорить о том, что непризнание территориальных итогов Второй мировой войны лежит в основе японских претензий и конфликтов с соседними государствами и является одной из принципиальных, базовых основ внешней политики Токио в послевоенный период.

Об этих конфликтах и пойдет речь. Учитывая, что территориальные претензии на Курильские острова, как отмечалось, являются наиболее известными. Представляется целесообразным сначала рассмотреть пограничные конфликты Японии с Китаем и Кореей.

Японо-китайский территориальный спор

Конфликт между КНР и Японией о принадлежности островов в Восточно-Китайском море продолжается с начала 1970-х гг., то затихая, то вновь обостряясь. Одно из таких обострений произошло в сентябре 2012 г., когда японское правительство выкупило у частного владельца три из пяти главных островов архипелага Сенкаку/Дяоюйдао. Сенкаку (полное японское название: «Сэнкаку-сёто»; китайское – Дяоюйдао) – архипелаг в Восточно-Китайском море в 170 км к северо-востоку от Тайваня, состоящий из восьми островов. Их общая площадь – 7 кв. км.

Предпосылки будущего конфликта в отношении практически необитаемых сейчас островов возникли в 1895 г., когда Япония объявила архипелаг своей территорией. Свои позиции в отношении Сенкаку Япония дополнительно укрепила в результате первой Японо-китайской войны (1894–1895).

Так, по Симоносекскому договору 1895 г., заключенному после победы японцев над Китаем, цинское правительство уступило Японии Тайвань с прилегающими островными территориями, включая Пескадорские (Пэнхуледао) острова [Спорные острова Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море 2016].

В 1932 г. правительство Японии продало в частное владение четыре из пяти крупных островов архипелага, сохранив за собой один.

После окончания Второй мировой войны, в соответствии с условиями Потсдамской декларации 1945 г. и Сан-Францисского мирного

договора 1951 г., у Японии – в качестве меры наказания за агрессию – были изъяты все захваченные ею с конца XIX в. территории, включая архипелаг Сенкаку, который оказался под временным управлением США.

В 1972 г. Америка передала острова Японии, которая с тех пор считает их крайней южной частью своей островной префектуры Окинава и «исконно японской территорией».

США со своей стороны признают японский суверенитет над Сенкаку, настаивая на том, что «спорный» архипелаг подпадает под действие базового японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности («Договора о безопасности») 1960 г. (закрепившего право США размещать в Японии неограниченный контингент своих войск и создавать на любой части японской территории свои военные базы) [Спорные острова Сэнкаку ... 2016].

Китай же – повторим, и КНР, и Тайвань (Китайская Республика) – считает острова Дяоюйдао исконно китайской территорией.

И хотя после заключения в 1978 г. японо-китайского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве Токио и Пекин официально заявили о замораживании обсуждения вопроса о статусе островов – а в апреле 1992 г. во время визита в Токио генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя территориальный спор был вообще «отложен на усмотрение будущих поколений» – конфликт продолжается по сей день.

11 сентября 2012 г., как отмечалось, правительство Японии выкупило и национализировало три острова архипелага: Уоцури, Китако и Минамико, подписав с прежним владельцем контракт на 26 млн долл. США (до этого аренда островов ежегодно обходилась государству в 314 тыс. долл.) [там же].

Это предсказуемо привело к новому обострению конфликта, который, как отмечалось, продолжается до настоящего времени. Так, в 2012 г. Китай провел в районе архипелага военные учения, в которых были задействованы новейшие истребители и десантные корабли. В этот же день к берегам архипелага подошла целая флотилия из тысячи китайских рыболовных судов.

В том же году свое отношение к конфликту открыто продемонстрировал Тайвань. К островам Сенкаку пытались прорваться около пятидесяти тайваньских судов, в результате чего японская береговая охрана, применив мощные водометы, сумела вытеснить их в международные воды.

В сентябре 2013 г. из-за конфликта вокруг островов власти Китая отказались от проведения встречи между Председателем КНР Си Цзиньпином и Премьер-министром Японии Синдзо Абэ на саммите «Большой Двадцатки (G20)» в Петербурге.

С тех пор на новостных лентах информационных агентств периодически появляются сообщения об очередном обострении японо-китайских отношений из-за островов. Чаще всего они бывают связаны с ростом напряженности в этом беспокойном районе Тихого океана, имеющем стратегическое значение в качестве одного из главных морских торговых путей в стремительно развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Японо-корейский территориальный конфликт

Если в конфликте с Китаем Токио, как отмечалось, опирается на поддержку со стороны передавших Японии острова Сенкаку-Дяоюйдао США и в целом может опираться на соответствующую правовую базу, то японские претензии на принадлежащие Корее острова Токто очевидно противоречат и существующим официальным документам и, главное, территориальным итогам Второй мировой войны.

История вопроса такова. Острова Токто (корейское название), называемые в Японии Такэсима («Бамбуковые острова») – в международной картографии чаще именуемые «Островами Лианкур» – расположены в западной части Японского моря. Они состоят из двух больших островов и 33 небольших островов-скал общей площадью более 186 кв. км.

Название «Лианкур» (англ. *Liancourt Rocks*) произошло от одноименного названия французского судна, которое первое из европейцев обнаружило и нанесло их на карту в 1849 г. [История острова Токто 2005, с. 2, 7, 14].

Здесь же интересно вспомнить, что в России в XIX в. острова назывались скалами «Менелай» и «Оливуца» в честь русского корвета (последовательно носившего эти два названия), посетившего Токто в 1850 г.

По итогам Второй мировой войны острова были переданы возрожденному Корейскому государству (Корея была аннексирована Японией в 1910 г. и оставалась японской провинцией вплоть до 1945 г.), что, в частности, четко обозначено на карте, приложенной к известному Меморандуму Главнокомандующего оккупационными

союзными войсками в Японии генерала Макарута японскому правительству 1946 г., и о чем прямо говорится в тексте самого Меморандума (Документ SCAP № 677 от 29 января 1946 г.) [Documents Concerning the Allied Occupation and Control of Japan 1949, с. 349; Русские Курилы: история и современность 2015, с. 145].

В дальнейшем изъятие островов из-под юрисдикции Японии было подтверждено в упоминавшемся Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. [Сборник документов и материалов по Японии 1954, с. 89]¹.

Несмотря на это, Япония продолжает предъявлять претензии на эти острова, административно включив их в состав ближайшей к архипелагу префектуры Симанэ, расположенной в 157 км от островов Лианкур.

Кроме того, Законодательное собрание префектуры Симанэ (к которой, повторим, официально «приписаны» острова) своим решением установило в 2006 г. специальный день «22 февраля – День борьбы за остров Такэсима», предписав отмечать его каждый год с целью «добиваться возвращения «незаконно оккупированных» японских территорий».

Решение не было не только не осуждено, но и получило прямую поддержку официального Токио (и, очевидно, было им же инициировано).

В частности, в 2008 г. Министерство просвещения и науки Японии одобрило специальные комментарии к Методическому пособию для педагогов, в котором им рекомендуется напоминать учащимся о существующей между двумя странами «территориальной проблеме». Это решение японского правительства привело к резкому обострению двусторонних отношений, выразившемуся в отзыве Южной Кореи своего посла, а также в отмене и переносе многих официально согласованных совместных спортивных, дипломатических и культурных мероприятий.

Всё это, однако, не остановило Японию. В марте 2012 г. японский МИД опубликовал так называемую «Голубую книгу по внешней

¹ Несмотря на то, что в тексте Договора острова Токто прямо не упоминаются, формулировка статьи 2.а «Япония, признавая независимость Кореи, отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Корею...» вполне определенно свидетельствует о подтверждении действенности положений Меморандума 1946 г. (поскольку ничего не говорит об их отмене или смягчении), а, следовательно, и об отказе Японии от суверенитета над островами Токто [Сборник документов и материалов по Японии 1954, с. 89].

политике», в которой утверждается, что острова Докто (японское написание) являются японской территорией [Острова, которые являются предметом территориальных споров 2012].

В ответ Президент Южной Кореи Ли Мён Бак в августе 2012 г. посетил архипелаг Токто, став первым корейским президентом, осуществившим туда официальный визит, который вызвал резкие протесты Японии, включая временный отзыв из Сеула японского посла и направление Президенту Ли Мён Баку личного послания Премьер-министра Японии Ё. Нода.

Следует также отметить, что позицию Южной Кореи относительно принадлежности островов Токто полностью поддерживает правительство КНДР, т. е. здесь мы имеем полное повторение «китайского сценария» в отношении островов Сенкаку.

Вам это ничего не напоминает? – Правильно: точно так же ведет себя Япония и в отношении своих претензий на российские южные Курилы, к рассмотрению которых мы и переходим.

Претензии Японии на южные Курилы

Территориальные претензии Японии к РФ официально распространяются на южные острова Курильского архипелага, включая острова Итуруп, Кунашир и острова Малой Курильской гряды (МКГ, в состав которой входит остров Шикотан) – называемые в Японии «островами Хабомаи».

Слово «официально» здесь употреблено не случайно, поскольку в трактовке ряда влиятельных в Японии правых националистических сил эти претензии распространяются также на южный Сахалин и весь Курильский архипелаг.

Однако стандартно в японских официальных документах эти острова называются «северными территориями» (впервые этот термин был применен в 1962 г.). В 2009 г. обе палаты японского парламента приняли закон о том, что на них распространяется японский суверенитет, вызвавший законное возмущение и неприятие российской стороны [Государственная Дума: закон Японии делает бессмысленными переговоры 2009].

Южные Курилы занимают площадь более 5 тыс. кв. км, что составляет половину площади Курильского архипелага (около 10,5 тыс. кв. км) [Ганзей, Иванов 2011].

Японские претензии к Российской Федерации – наиболее типичный (показательный) пример политики непризнания официальным

Токио (политики, поощряемой и стимулируемой США) территориальных итогов Второй мировой войны.

Курильские острова и южный Сахалин были изъяты у Японии в 1945 г. на основе решений Ялтинской (Крымской) конференции союзных держав (февраль 1945 г.), подтвержденных затем в Потсдамской декларации (июль 1945) и Акте о безоговорочной капитуляции Японии от 2.09.1945.

Обязательность для Японии Ялтинского соглашения вытекает, в том числе из Сан-Францисского мирного договора 1951 г., в соответствии с которым Япония признавала все договоры и решения Союзников периода 2 МВ, а, следовательно, и Ялтинское соглашение. По этому договору Япония также официально отказалась *от всех прав, правооснований и претензий* на южную часть Сахалина и Курильские острова.

При этом в отличие от островов Токто, в договоре 1951 г., повторим, прямо не упомянутых, Курилы и южный Сахалин четко обозначены в перечне изъятых из-под японской юрисдикции территорий во второй статье Сан-Францисского договора [Сборник документов и материалов по Японии 1954, с. 89–90].

Уже одно это лишает Японию права выступать с какими-либо претензиями на этот счет.

Таким образом, в решениях конференций союзных держав периода Второй мировой войны, а, затем, в Потсдамских соглашениях и Сан-Францисском договоре был закреплён принцип международного права о возможности ограничения территориального суверенитета, т. е. изъятия части территории – государства-агрессора в качестве меры наказания за осуществленную агрессию. Япония как государство-агрессор, таким образом, была лишена части территорий на том же основании, что и фашистская Германия, у которой были, в частности, изъяты земли по Одру – Нейсе, Эльзас и Лотарингия, часть Померании, а также Восточная Пруссия [Русские Курилы: история и современность 2015, с. 123].

Тем не менее Токио продолжает предъявлять претензии к РФ (как и к Южной Корее), увязывая всё это с заключением утратившего в настоящее время всякий исторический и правовой смысл российско-японского мирного договора.

Посмотрим, как обстоит дело в действительности.

Проблема заключения Мирного договора с Японией

Поскольку СССР (как и Китай, Индия, Польша, Чехословакия и ряд других государств) не подписал Сан-Францисский договор¹, между двумя странами были проведены отдельные двусторонние переговоры. Их итогом стало подписание 19 октября 1956 г. Совместной советско-японской Декларации, в которой были урегулированы все вопросы, необходимые для восстановления и развития нормальных отношений между странами, которые обычно решаются в Мирных договорах (прекращение состояния войны, восстановление дипломатических и консульских отношений, вопрос о репарациях и военнопленных и др.).

Отдельная девятая статья Декларации была посвящена вопросу о границе (чаще всего в международной практике пограничные соглашения выносятся за рамки Мирного договора и составляют отдельный договор).

В статье было определено, что Советский Союз, учитывая интересы Японии, в качестве жеста «доброй воли», соглашается передать ей острова МКГ («Хабомаи и Сикотан (Шикотан. – А. П.)»), как значится в тексте) при условии, что де-факто передача этих островов Японии состоится после заключения формального мирного договора между двумя государствами [Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами 1960, с. 257–260].

Таким образом, СССР – с целью окончательного урегулирования двусторонних отношений – соглашался передать Японии острова Малой Курильской гряды после заключения мирного договора.

Естественно, заключение договора предполагалось в ближайшее время, а не *шестьдесят лет спустя*, на чем сейчас настаивает Токио.

Однако – и это следует особо подчеркнуть – это обещание касалось только Малой Курильской гряды и никаких других территорий.

Однако здесь вмешались те, кто не хотел допустить окончательного урегулирования советско-японских отношений – американцы. Был применен метод «кнути и пряника». США, в частности, заявили, что никогда не вернут Японии Окинаву, если Токио подпишет с Москвой мирный договор на условиях Декларации 1956 г. Одновременно

¹ Договор не был подписан, ввиду ущербности для нас многих его положений, в частности, отсутствия четкого указания о том, что Сахалин и Курилы передаются Советскому Союзу.

в Вашингтоне было заявлено, что они поддержат территориальные претензии Японии на другие, не упомянутые в 1956 г. острова.

И Япония «попала в эту американскую ловушку». В Токио официально выдвинули дополнительные претензии на острова Итуруп и Кунашир, назвав их, кроме этого, «исконно японской территорией», незаконно оккупированной СССР, тем самым, перечеркнув все предыдущие договоренности по этому вопросу, **включая девятую статью Совместной декларации.**

Это не голословное утверждение. С точки зрения международного права односторонний отказ или пересмотр базовых условий международного соглашения, из которых стороны исходили при его заключении, аннулирует и саму договоренность, делает ее «ничтожной». Нет сомнения, что именно этого и добивались США, что, впрочем, нисколько не снимает ответственности с самого японского руководства [Венская конвенция ООН 1965, ст. 44, 62].

Поскольку ни Итуруп, ни Кунашир в Декларации 1956 г. не упоминаются, Советский Союз совершенно закономерно объявил, что на таких условиях мирный договор заключен быть не может.

И винить в этом Япония, подчеркнем, может только себя.

Ситуация еще более усугубилась в 1960 г., когда был заключен упоминавшийся новый американско-японский договор о безопасности, закреплявший право США размещать в Японии неограниченный контингент своих войск и создавать военные базы на любой части японской территории. Договор продолжает действовать до настоящего времени.

В этих условиях передача Японии южных Курил неизбежно привела бы к созданию на них в непосредственной близости от границ СССР военных баз недружественного – точнее, откровенно враждебного нам в то время – государства.

Именно по этой причине в 1960 г. советское правительство официально заявило Японии об утрате силы ст. 9 Декларации 1956 г., направив Токио три Ноты (Памятные записки), официально не отмененные и сохраняющие свою силу до настоящего времени. В Нотах были подробно изложены причины аннуляции обязательств СССР о передаче Малой Курильской гряды – южных Курил (которая в новых условиях допускалась только после вывода с японской территории всех иностранных войск), и было заявлено, что «территориальный вопрос» в отношениях СССР и Японии решен по итогам Второй мировой войны (что, как отмечалось, полностью соответствует действительности),

закреплен соответствующими международными соглашениями, «которые должны соблюдаться» [Русские Курилы: история и современность 2015, с. 190–191, 198–199].

Таким образом, заключение Мирного договора *на условиях Декларации 1956 г.* было сорвано по вине самой Японии. Попытки «сидения на двух стульях», как свидетельствует международная практика, чаще всего заканчиваются плачевно.

С тех пор на протяжении более тридцати лет этот вопрос с Японией не обсуждался.

Возобновление его обсуждения, начатое в 1991 г. М. Горбачевым и продолженное затем руководством РФ, в итоге подтвердило правильность занятой в 1960 г. советским правительством позиции, поскольку показало, что Япония по-прежнему продолжает проводить крайне одностороннюю и корыстную политику, требуя полного удовлетворения своих незаконных территориальных претензий, включая не упомянутые в Декларации 1956 г. о-ва Итуруп и Кунашир, т. е. продолжает политику отказа от признания территориальных итогов Второй мировой войны.

Понимание этого нынешним российским руководством – зачастую излишне склонному к компромиссам и длительным переговорам в стремлении максимально учитывать позиции партнеров (чего официальный Токио, всегда ищущий только свою выгоду, как было показано, не заслуживает и, главное, не ценит) – окончательно сформировавшееся на фоне агрессивной японской риторики последнего времени, является прямым результатом «русской политики» японского кабинета. Одновременно это понимание является залогом проведения Россией прагматичной политики учетом наших интересов и «приоритета национальных задач».

Сейчас всем уже очевидно, что постоянное «педалирование» Японией вопроса о «необходимости» заключения мирного договора, без которого «просто невозможно жить», на самом деле имеет единственную цель добиться удовлетворения своих территориальных претензий к РФ. В противном случае никакой договор – мирный или «не мирный» (уже предлагавшийся Японии) – Токио не нужен, и Япония его никогда не подпишет.

Это лишний раз показывает всю надуманность и несуществующего в отношениях двух стран «территориального вопроса» и неискренность и эгоистичность позиции Токио.

Одновременно это хорошо подтверждает старую истину о том, что отсутствие между государствами **формального** мирного договора (таких примеров в практике международных отношений более чем достаточно) не является препятствием для полноценного развития межгосударственных отношений, если к этому действительно стремиться.

Лучший пример – отсутствие у нас до настоящего времени мирного договора с Германией, что никак не препятствует всестороннему развитию российско-германских отношений (Германия, к примеру, является крупнейшим европейским внешнеторговым партнером РФ). При этом, как известно, Германия не предъявляет России никаких территориальных претензий.

Что же касается столь желанного для Японии мирного договора, то его функции в настоящее время надежно, во всей полноте, выполняет Совместная декларация 1956 г., и никакого дополнительного мирного договора – в условиях официально существующего между странами уже более шестидесяти лет мира – за счет территориальных уступок назойливому и не заслуживающему доверия «партнеру» заключать не требуется. Из этого и следует исходить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Венская конвенция ООН о праве международных договоров 1969 г. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
- Ганзей К. С., Иванов А. Н. Ландшафтное разнообразие Курильских островов. Владивосток : Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2011. URL: www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2012-2/87.pdf.
- Государственная Дума: закон Японии делает бессмысленными переговоры по мирному договору. 2009. URL: ria.ru/20090624/175315922.html.
- История корейского острова Токто. Сеул : Институт Токто и Ассоциация охраны и исследования острова Токто. 2005. 19 с.
- Острова, которые являются предметом территориальных споров. Справка, 2012. URL: ria.ru/20120914/750104521.html.
- Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / сост. В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, А. Ю. Плотников, С. А. Пономарев. 3-е изд. М. : Алгоритм, 2015. 145 с.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII–XVIII. М. : Госполитиздат, 1960. С. 257–260.

- Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954). М. : ДВО МИД СССР, 1954. 131 с.
- Спорные острова Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море: Справка, 2016ю URL: www.aif.ru/dontknows/file/spornye_ostrova_senkaku_dyaoyuydao_v_vostochno-kitayskom_more_spravka.
- Documents Concerning the Allied Occupation and Control of Japan. Japan : Foreign Office, Division of Special Records, Tokyo. 1949. Vol. 2. P. 349.

REFERENCES

- Venskaja konvencija OON o prave mezhdunarodnyh dogovorov 1969 g. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
- Ganzej K. S., Ivanov A. N. Landshaftnoe raznoobrazie Kuril'skih ostrovov. Vladivostok : Tihookeanskij institut geografii DVO RAN, 2011. URL: www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2012-2/87.pdf.
- Gosudarstvennaja Duma: zakon Japonii delaet bessmyslennymi peregovory po mirnomu dogovoru. 2009. URL: ria.ru/20090624/175315922.html.
- Istorija korejskogo ostrova Tokto. Seul : Institut Tokto i Associacija ohrany i issledovanija ostrova Tokto. 2005. 19 s.
- Ostrova, kotorye javljajutsja predmetom territorial'nyh sporov. Spravka, 2012. URL: ria.ru/20120914/750104521.html.
- Russkie Kurily: istorija i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovanija rusko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granicy / sost. V. K. Zilanov, A. A. Koshkin, A. Ju. Plotnikov, S. A. Ponomarev. 3-e izd. M. : Algoritm, 2015. 145 s.
- Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XVII–XVIII. M. : Gospolitizdat, 1960, S. 257–260.
- Sbornik dokumentov i materialov po Japonii (1951–1954). M. : DVO MID SSSR, 1954. 131 с.
- Spornye ostrova Sjenkaku (Djaojuidao) v Vostochno-Kitajskom more: Spravka, 2016ju URL: www.aif.ru/dontknows/file/spornye_ostrova_senkaku_dyaoyuydao_v_vostochno-kitayskom_more_spravka.
- Documents Concerning the Allied Occupation and Control of Japan. Japan : Foreign Office, Division of Special Records, Tokyo. 1949. Vol. 2. P. 349.

А. Ю. Савосичев

доктор исторических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева»; профессор кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности юридического института; e-mail: sawositchev@mail.ru

**ДЬЯКИ ЖЕЛЯБУЖСКИЕ:
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИКАЗНОЙ
БЮРОКРАТИИ В РОССИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА**

Исследование посвящено проблеме социального происхождения приказной бюрократии конца XVI–XVII вв. на примере дьяческой фамилии Желябужских. Выводы основаны на методе сравнения биографических, родственных и брачных связей. Основным источником является родословная роспись Желябужских, данные которой сравниваются со сведениями делопроизводственных документов Разрядного и Поместного приказов. Уточнены биографии дьяков Желябужских, их родственные связи, определен социальный статус дьяческой фамилии, сформулирована гипотеза о социальном происхождении дьяков конца XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Государев Двор; приказная система; служилое сословие; приказная бюрократия; социальное происхождение.

A. Yu. Savosichev

doctor of historical Sciences, associate Professor, Professor,
Department of theology, religious studies and cultural aspects of national security law Institute, Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Orel state University named after I. S. Turgenev»;
e-mail: sawositchev@mail.ru

**CLERKS ZHELIABUZHSHKIE:
ON THE SOCIAL ORIGINS OF BUREAUCRACY MANDATIVE
OF THE LATE XVI – EARLY XVII CENTURIES**

The study deals with the problem of social origin mandative bureaucracy of the late XVI–XVII centuries., for example Dacascos names Zheliabuzhskih. The conclusions are based on the method of analysis of biographical, family and marriage ties. The main source is the genealogy of Zheliabuzhskih painting, the data of which are compared with the data of office documents of Discharge and local orders. As a result, the biographies of clerics Zheliabuzhskih, their family ties are clarified, the social status of the clerical family is determined, the hypothesis of the social origin of clerics of the late XVI - XVII centuries is formulated.

Key words: sovereign's Court; writ system; service class; writ bureaucracy; social origin.

Введение

После выхода в свет книги Н. Ф. Демидовой вокруг вопроса о социальном происхождении дьяков и подьячих эпохи первых царей из династии Романовых вряд ли есть повод для дискуссий [Демидова 1987]. Происхождение служилой бюрократии периода Смуты основательно изучено Д. В. Лисейцевым и Н. Д. Рыбалко [Лисейцев 2009; Рыбалко 2011]. Свой скромный вклад в данную проблему постарался внести и автор этих строк, проанализировавший данные о социальном происхождении дьяков и подьячих XIV–XVI вв. [Савосичев 2013; Савосичев 2014; Савосичев 2015]. Явно видно, что не хватает исследования о дьяках и подьячих царя Федора. Такое исследование позволит связать воедино мои выводы с выводами Н. Ф. Демидовой и принесет дополнительные аргументы в нашу, мою и Н. В. Рыбалко, дискуссию с Д. В. Лисейцевым.

Конечная цель работы автора состоит в определении той социальной среды, из которой рекрутировалось дьячество периода правления царя Федора. Достижение этой цели возможно только посредством реконструкции биографий всех дьяков изучаемой эпохи. Цель данной статьи – реконструкция биографии дьяческого рода Желябужских. Первая задача состоит в выявлении родственных связей Желябужских, возникающих в результате рождения и брака. Вторая задача – реконструкция служебных биографий представителей дьяческого рода, их родственников и свойственников и установление связей между двумя рядами явлений: родственными связями и карьерными успехами.

Материал исследования

С. Б. Веселовский указывал на существование двух дьяков Желябужских. В его справочнике две отдельные статьи – «Желябовский Григорий» и «Желябужский (Желябовский) Григорий Григорьевич» [Веселовский 1975, с. 183]. Д. В. Лисейцев все биографические сведения, приводимые С. Б. Веселовским, относит к одному человеку – Григорию Григорьевичу Желябужскому. Чтобы прояснить вопрос, обратимся, прежде всего, к родословной росписи Желябужских, поданной ими 23 мая 1686 г. в Палату родословных дел [Антонов 1996, с. 154]. Этот источник не был использован ни С. Б. Веселовским, ни Д. В. Лисейцевым. Родословные росписи – источник сложный, по сему, сравним его данные с показаниями разрядных книг, боярских списков,

актов, делопроизводственных документов Разряда, материалов писцового делопроизводства, часть из которых не опубликована.

Методы исследования

В основу исследования положен просопографический метод. Точное выявление и сравнение между собой биографических данных обо всех представителях дьяческой фамилии Желябужских позволяет сделать вывод о той социальной среде, из которой они вышли. В перспективе, анализ биографий всех дьяков царя Федора позволит нарисовать обобщенный социальный портрет дьяка предсудного времени и определить социальное происхождение служилой бюрократии последних десятилетий XVI в.

Исследование

Сколько дьяков было в роду Желябужских?

Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем все известные упоминания Желябужских с дьяческим чином. Если здесь не будет обнаружено удвоений (человек с одним и тем же именем и фамилией упоминается в разных местах в одно и то же время) и сбоев (длительных перерывов в карьере или резкой социальной деградации), то перед нами, скорее всего, один человек. Если параллели и сбои наличествуют, то можно предполагать, что биографические сведения относятся к разным персонажам.

Дьяк Григорий Желябужский впервые упоминается в источниках 18 июля 1594 г. Он присутствовал на аудиенции, данной имперским послам [Разрядная книга 1974, с. 299]. Отчество не указано. В июне 1598 г. приказной деятель дьяк у наряда в разрядной росписи похода царя Бориса против татар [Рыбалко 2011, с. 33]. Отчества опять нет.

В 1602–1603 гг. Григорий Григорьевич Желябужский выборный сын боярский по Козельску с окладом 500 четв. Рядом с именем – зачеркнутая пометка: «В Сибирь» [Станиславский 2004, с. 279]. Это первый «сбой». Переход в выборные дети боярские из дьяков – существенное понижение по службе.

22 апреля 1604 г. дьяк Григорий Желябовский присутствовал на приеме персидского посла Лачин Бека. В июле того же года дважды встречал во дворце во время аудиенций имперского посла Андрея Лоха [Разрядная книга 2003, с. 70, 73, 74]. Дьяк Григорий Желябовский

принял активное участие в борьбе с Самозванцем. Шесть человек даточных людей с его имения были в 1604 г. мобилизованы в армию [Станиславский 2004, с. 392]. Позднее приказной деятель с царским указом был послан в Орёл к воеводе Федору Ивановичу Шереметеву. Воевода с войсками должен был идти под Кромь, занятые мятежниками. В этом отряде Григорий занял должность дьяка у наряда [Белокуров 1907, с. 238]. Отчество Григория нигде не указано.

Падение Годуновых и воцарение Лжедмитрия не испортило карьеры приказного деятеля. Скорее наоборот.

В 1604/05 г. Григорием Желябужским была подписана жалованная несудимая грамота Суздальскому Покровскому монастырю [Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией 1841, с. 98]. 30 августа 1605 г. дьяк Григорий Григорьевич Желябужский удостоверил своей подписью подтверждение новым царем жалованной грамоты Серпуховскому Владычню монастырю [Рождественский 1866, с. 125].

В ноябре 1605 г. дьяк Григорий Григорьев Желябужский подписал жалованную тарханно-оборочную, несудимую и заповедную грамоту царя Дмитрия Суздальскому монастырю Св. Василия Кесарийского [Иванов 1850, с. 247].

Следующее упоминание Григория Желябужского на службе относится к октябрю 1606 г. Он служит новому царю, Василию, и получил повышение: теперь он думный дьяк и глава одного из ключевых государственных ведомств – Разрядного приказа. На этой должности Григорий Желябужский упоминается до марта 1607 г. [Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII веков 2002; Зимин, Королева 1953, с. 29–38, 40–46].

С 24 апреля 1607 г. во главе Разрядного приказа упоминается думный дьяк Тимофей Витовтов [Лисейцев 2015, с. 159]. Из боярского списка 1606–1607 гг. Григорий Григорьевич вычеркнут с пометкой «Отставлен» [Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века 2003, с. 133].

Григорий Желябужский обнаруживается в 1607/08 г. в Сибири, на должности воеводы Тарского острога [Белокуров 1907, с. 122, 175, 207, 250]. Такое назначение, по меньшей мере, было существенным понижением. Если и место новой службы не случайность, то перед нами явная опала, причина которой не ясна.

В 1610/11 г. и в мае 1612 г. Григорий Григорьевич – второй воевода в Костроме [Акты служилых землевладельцев ... 2002, с. 175, 176; Белокуров 1907, с. 106, 257]. Это последние упоминания нашего героя в источниках. В 1612/13 г. его уже не было в живых, дочь выдавала замуж вдова [Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук 1890, с. 84].

Вряд ли стоит сомневаться в том, что Желябовской, Желябужский и Желябужской – разные варианты написания одной и той же фамилии. Нет сомнений, что Григорий Григорьевич Желябужский выборный сын боярский по Козельску, дьяк царей Бориса, Дмитрия и Василия, тарский и костромской воевода суть один и тот же человек. Вряд ли в одно и то же время служили два Григория Григорьевича Желябужских, факты биографий которых нигде не накладываются друг на друга. А вот Григорий Желябужский, дьяк царя Федора, вполне может быть другим человеком. Косвенным подтверждением этого вывода являются данные родословия Желябужских, где есть два подходящих Григория. Один Григорий Григорьевич, единственный на всё родословие, второй – его отец Григорий Федорович. По всей видимости, перед нами дьяческая династия.

Служебный статус Желябужских

Обратимся к росписи рода Желябужских. Кроме этого, в распоряжении исследователей есть родословие Желябужских, реконструированное В.В.Руммелем и В.В.Голубцовым. Недостаток последнего в том, что источники, которыми пользовались авторы, неизвестны.

Своим родоначальником Желябужские указали некоего Станислава Желябужского, выехавшего в Россию из Польши при великом князе Василии Васильевиче и помещенного в Козельске. У Станислава было пятеро сыновей Юрий, Данила, Андрей, Григорий и Василий. У Юрия был сын Василий, у Данилы – Василий же, у Андрея – Григорий. О потомстве Григория и Василия Станиславичей родословие умалчивает без указания на бездетность (Родословная роспись Желябужских. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241А, л. 74, 74 об.). В.В.Руммель и В.В.Голубцов утверждают, что у Григория был сын Федор [Руммель, Голубцов 1886, с. 261].

У Василия Юрьевича был сын Федор, у Василия Даниловича – сыновья Иван и Юрий, у Григория Андреевича – Иван, у Федора Григорьевича – Василий и Игнатий. Ни об одном из представителей

первых четырех поколений Желябужских нет никакой информации, кроме упоминания в родословии. Эта безвестность косвенно указывает на то, что Желябужские служили с городом.

Пятое поколение интересующей нас фамилии в родословии представлено Григорием Федоровичем, Астафием Ивановичем, Ермолаем и Григорием Юрьевичами и Федором Ивановичем. В. В. Руммель и В. В. Голубцов утверждают, что у Федора Григорьевича был не один сын Григорий, а трое сыновей – Семен, Василий и Григорий. У Василия Федоровича, по В. В. Руммелю и В. В. Голубцову, был сын Иван, а у Игнатия Федоровича – Тимофей и Василий.

Григорий Федорович – это, как отмечалось выше, дьяк царя Федора. Здесь мои выводы совпадают с выводами В. В. Руммеля и В. В. Голубцова. Астафий Иванович Желябужский в 1615/16–1616/17 гг. владел поместьем в Подлесном стану Шацкого уезда [Шацкий уезд XVII в. Государевы служилые люди 2014, с. 51–52]. 5 сентября 1628 г. вместе с другими жильцами послан в Валуйки в составе отряда окольного Федора Бутурлина для обеспечения размены крымских послов [Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии 1851, т. 2, стб. 829–830].

В боярских списках 1629/30, 1630/31, 1631/32 и 1632/33 гг. он записан как дворянин [«Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов 2015, с. 388, 437, 497, 520].

В 1638/39 г. голова у дворян в полку кн. Д. М. Черкасского в Туле [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 606].

14 июня 1646 г. голова у дворян в большом полку боярина кн. Никиты Ивановича Одоевского в Белгороде [Дворцовые разряды ... 1852, т. 3, стб. 35].

Козлитин Василий Федорович Желябужский в 1628/39–1630/31 гг. владел поместьем в Подгородном стану Козельского уезда (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 187–189).

Иван Васильевич Желябужский в 1640–1658 гг. – московский дворянин [Иванов 1853, с. 137; Боярская книга 1658 г. 2004, с. 180].

Василий Игнатьевич в 1628/39–1630/31 гг. владел отцовским поместьем в Подгородном стану Козельского уезда (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, л. 535 об.).

Тот факт, что Василий Федорович и Василий Игнатьевич упоминаются в источнике, независимо от родословия и неизвестном Руммелю и Голубцову, косвенно свидетельствует о верности их генеалогических конструкций. Об остальных представителях этого поколения Желябужских сведений в источниках не обнаружено.

Всего, таким образом, пять (по родословию) или десять (по Руммелю и Голубцову) человек. Биографические сведения есть о пяти. Из них двое упоминаются в родословии и трое только у Руммеля и Голубцова. Данные о службе есть для троих (два известны по родословию, один только по Руммелю и Голубцову). Дьяк и два дворянина. Все трое, таким образом, служили в верхнем эшелоне Государева Двора. Василий Федорович и Василий Игнатьевич, козельские помещики, скорее всего, служили с городом. Можно предполагать, что те Желябужские, о которых биографических сведений не найдено, тоже относились к городовым детям боярским. Происхождение Григория Федоровича Желябужского, таким образом, типично для дьяков XVI в. Рост служебного статуса Желябужских так же представляет собой распространенное в конце XVI – начале XVII вв. явление возвышения худородных дворянских фамилий. Возможно, что дьяческая служба одного из Желябужских, наиболее доступная для тех, кто «отечеством худ», была здесь одним из факторов карьерного роста и для других представителей рода.

У дьяка было семеро сыновей: Григорий, Сидор, Петр, два Федора, Афанасий и Михаил. О старшем выше уже сказано. О Сидоре и Михаиле никаких биографических данных найти не удалось. Петр Григорьевич в 1603–1610 гг. служил в дьяках [Веселовский 1975, с. 183; Лисейцев 2009, с. 602]. В 1610/11 г. он голова у ратных людей, а с 1614/15 по 1621/22 гг. он упоминается в разрядах как воевода в небольших пограничных крепостях: Туринском остроге, Темникове и Царево-Кокшайске [Книги разрядные по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии 1853, т. 1, стб. 81, 196, 764, 872]. 13 октября 1627 г. его вдова Аграфена сделала вклад по душе мужа в Троице-Сергиев монастырь [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1987, с. 143]. Выслуженная (за Московское осадное сидение при царе Василии) вотчина Петра Григорьевича располагалась в Подгородном стану Козельского уезда. В Серенском стану того же уезда лежало его поместье (Писцовая книга Козельского

уезда 1628/39–1630/31 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 760–775; Кн. 193, лл. 1208–1209 об.).

Федор Григорьевич Желябужский 2 октября 1610 г. служил Лжедмитрию II воеводой в Белеве [Акты исторические ... 1841, с. 358]. На его карьере это никак не отразилось. В декабре 1614 г. сын дьяка был назначен посланником в Речь Посполитую. В Москву он вернулся 7 мая 1615 г. [Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством 1913, с. 469, 547, 548].

В 1614/15 г. Афанасий и Иван Желябовские дали Троице-Сергиеву монастырю по душе Федора Желябовского 50 руб. [Вкладная книга ... 1987, с. 143]. Умер Федор Григорьевич 1 мая 1615 г. и был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре [Беляев 2006, с. 159].

Выслуженная за Московское осадное сидение при царе Василии вотчина Федора Григорьевича располагалась в том же Подгородном стану Козельского уезда (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 775–777 об., 980). Неизвестно, какие из вышеперечисленных фактов относятся к Федору Большому, а какие – к Федору Меньшому. В. В. Руммель и В. В. Голубцов полагали, что обязанности посланника выполнял Федор Большой [Руммель, Голубцов 1886, с. 262]. Основания для такого заключения не ясны.

Афанасий Григорьевич служил в выборных детях боярских по Козельску (при царе Василии) и в жильцах (с 1613/14 г.) [Сухотин 1912, с. 198, 317]. К 1626 г. (и, по меньшей мере, до 1631/32 г.) он – московский дворянин [«Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов ... 2015, с. 48, 134, 212, 295, 375, 428, 489].

В сентябре 1629 г. вместе с другими дворянами был в Валуйках в отряде окольного Федора Бутурлина для обеспечения размены крымских послов [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 835].

7 марта 1633 г. назначен вторым воеводой сторожевого полка в Крапивну [Книги разрядные ... 1853, т. 1, стб. 693]. В то же время, согласно разрядным документам 1632/33 и 1633/34 гг., сын дьяка вместе со стольником кн. П.Ф. Волконским ездил в Торопец для демаркации границы с Речью Посполитой [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 382, 392, 399].

В 1633/34 г. он голова у городских детей боярских в армии кн. Д. М. Черкасского и кн. Д. М. Пожарского в Можайске [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 375–376, 395]. Сложно сказать, каким

образом Афанасий Григорьевич смог выполнять практически одновременно столь разные поручения. Возможно, какое-то из них было отменено.

В 1637/38 г. Афанасий Желябужский участвовал в переписи людей в Москве «для осадного времени». В. В. Руммель и В. В. Голубцов полагают, что речь идет об Афанасии Григорьевиче [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 572; Руммель, Голубцов 1886, с. 262].

В 1638/39 г. – сын дьяка воевода на Карташевской засеке [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 610].

5 февраля 1639 г. – дворянин во время встречи персидского посла [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 952].

В 1640/41 г. – голова у татар в Серпухове; в 1642 г. царский посланец к донским казакам [Руммель, Голубцов 1886, с. 262].

18 октября 1643 г. послан в Уфу вторым воеводой в отряде стольника А. Л. Плещеева для действий против калмыков [Дворцовые разряды ... 1851, т. 2, стб. 713].

Поместья Афанасия располагались в Шацке и Козельске (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 98–107об.) [Шацкий уезд ... 2014, с. 51–52].

Астафий Иванович мужского потомства не оставил. По данным В. В. Рummеля и В. В. Голубцова Семен Федорович был бездетен, а у Василия Федоровича потомство просто не указано, без отметки о бездетности. У Ермолая Юрьевича Желябужского был сын Матвей. Он известен только по родословию. Единственный сын Григория Юрьевича Иван в боярских списках 1626, 1627/28, 1628, 1629, 1629/30, 1630/31 и 1631/32 гг. упоминается как дворянин [«Подлинные» боярские списки ... 2015, с. 44, 129, 207, 290, 370, 425, 485]. Сын Федора Ивановича Желябужского Вавила известен только как частное лицо, ок. 1595/95 г. он упоминается как землевладелец Козельского уезда [Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков 1956, с. 449]. Тимофей и Василий Игнатьевичи Желябужские были бездетны, Иван Васильевич оставил после себя сына Петра. В 1659/60 г. он недоросль, в 1676/77 г. стряпчий, в 1685/86 г. стольник [Иванов 1853, с. 137].

Всего в шестом поколении рода 10 (по родословию) или 11 (по В. В. Рummелю и В. В. Голубцову) представителей. Биографические данные есть о восьми. Данные о службе имеются применительно к шести. Все они входили в верхний эшелон Государева Двора. О Григории, Петре (дьяки), Афанасии (дворянин) и Иване (аналогично)

Григорьевичах и Петре Ивановиче (стольник) это можно заключить уверенно; о Федоре Большом Григорьевиче – предположительно. Разрядные назначения, «именные посылки» свидетельствуют о принадлежности к Государеву Двору. Вавила Федорович, по всей видимости, был городовым сыном боярским. Сидор, Михаил и Федор Меньшой Григорьевичи, Матвей Ермолаевич, если они не умерли в юности, тоже, скорее всего, служили с городом.

Таким образом, служебный ранг Желябужских в рассмотренном поколении, остается, в целом, неизменным. Незаметно каких-либо служебных преимуществ, которые могла дать им служба отца в дьяках. Иван Григорьевич Желябужский, чей отец в дьяках не был, так же, в конечном итоге, дослужился до московского дворянства. Петр Иванович стал стольником.

В следующем поколении Желябужских девять (по родословию) или одиннадцать (по В. В. Руммелю и В. В. Голубцову) представителей. Оба Федора, и Михаил Григорьевич, и Матвей Ермолаевич умерли бездетными.

У Григория Григорьевича было трое сыновей: Яков, Иван и Александр. Яков в начале лета 1608 г. участвовал в походе кн. В. М. Скопина-Шуйского и И. Н. Романова против Лжедмитрия II, сорвавшемся из-за обнаружившейся измены. В заговоре оказался замешан и сын дьяка. В итоге Яков Григорьевич был казнен [Полное собрание русских летописей ... 2000, т. XIV, с. 80]. Иван Григорьевич дворянин [Руммель, Голубцов 1886, с. 263].

В 1615/16–1618/19 гг. он воевода в Шацке, в 1627/28–1632/33 гг. в Уфе [Книги разрядные ... 1853, т. 1, стб. 187, 273, 398, 484, 534, 650; Книги разрядные ... 1855, т. 2, стб. 88, 192, 290, 355, 687, 744]. Его поместья и вотчина в Шацком и Козельском уездах (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 127–137 об., 775–777 об.) [Шацкий уезд ... 2014, с. 65].

Александр в 1612/13–1616/17 гг. служил в жильцах [Сухотин 1912, с. 173]. Владел поместьем в Козельском уезде (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 127–137 об.).

Сидор оставил после себя сына Тимофея. В 1626/27 г. он – жилец, а затем дворянин (Боярская книга 1627 года. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 1, л. 334 об.). 7 марта 1633 г. назначен вторым воеводой передового полка в Деделов [Книги разрядные ... 1855, т. 2, стб. 693].

В 1635 г. послан для умирения татар Казыева улуса. Отдан ими в плен крымцам, где пробыл полтора года. 3 января 1642 г. на земском соборе, где отстаивал идею удержания Азова [Руммель, Голубцов 1886, с. 263]. Имена Тимофея известны в Дмитровском, Козельском и Шацком уездах (Писцовая книга Дмитровского уезда 1626/27–1628/29 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 628, лл. 243–244; Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. ГРАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 85–83 об.; Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. ГРАДА Ф. 1209. Оп. 1. кн. 193. лл. 1034–1036) [Шацкий уезд ... 2014, с. 66–67].

Афанасий, единственный сын Петра Григорьевича Желябужского, в 1627 г. дворянин (РГАДА. Ф. 210, Оп. 1. Ед. хр. 1, л. 291 об.). Иван Афанасьевич, сын Афанасия Григорьевича, сделал, наверное, самую блестящую в роду Желябужских карьеру. В 1640 и 1658 г. он дворянин [Иванов 1853, с. 137; Разрядная книга 1475–1605 гг. 2003, с. 168]. 15 мая – 28 декабря 1661 г. пристав при имперских послах [Дворцовые разряды ... 1852, т. 3, стб. 533; Дополнения к тому III-му дворцовых разрядов 1854, стб. 266, 270, 298, 302].

13 февраля 1662 г. назначен вторым послом в посольство кн. П. С. Большого Прозоровского для поездки в Англию [Дополнения к тому III... 1854, стб. 310].

В 1663 г. посол в Венецию и Флоренцию [Руммель, Голубцов 1886, с. 263]. В 1664–1667 гг. ясельничий [Зимин 1958, с. 204; Иванов 1853, с. 137; Разрядная книга 1475–1605 гг. 2003, с. 168; Руммель, Голубцов 1886, с. 263].

В 1665 г. в качестве пристава встречал гетмана И. М. Брюховецкого [Руммель, Голубцов 1886, с. 263].

22 апреля 1668 г. дворянин, назначен вторым послом к боярину А. Л. Ордин-Нащокину для съезда с польскими дипломатами [Дворцовые разряды ... 1852, т. 3, стб. 738, 746].

В 1671–1672 гг. воевода в Чернигове [Руммель, Голубцов 1886, с. 263]. 31 декабря 1673 г. сотенный голова у дворян, назначенных встречать шведское посольство [Дворцовые разряды ... 1852, т. 3, стб. 916].

23 марта 1674 г. второй судья Владимирского Судного приказа, после чего назначен писцом дворовых сел [Дворцовые разряды ... 1852, т. 3, стб. 935].

Поздней осенью – в начале зимы 1676 г. и летом 1680 г. упоминается в разрядах как думный дворянин. Оставался в столице во время поездок царя Федора по святым местам [Дворцовые разряды ... 1855, т. 4, стб. 10, 11, 15, 20, 24].

В 1678–1679 гг. – воевода в Смоленске. В 1680 г. ездил за государем в поездках. В 1681 г. посол в Польшу. В 1681 г. – воевода в Казани. 12 января 1682 г. на земском соборе. С 21 апреля 1682 г. – воевода в Киеве [Руммель, Голубцов 1886, с. 263]. В 1683/84–1691/92 гг. окольныйчий [Иванов 1853, с. 137]. В 1684 г. на съезде с польскими послами. В 1689 г. ездил за царем Петром [Руммель, Голубцов 1886, с. 263]. 27 октября и 19 ноября 1689 г. – окольныйчий в свите царя Ивана, ездившего в Новодевичий монастырь [Дворцовые разряды ... 1855, т. 4, стб. 503, 505].

У Ивана Григорьевича Желябужского было двое сыновей. Родословие называет Осипа и Василия, В.В.Руммель и В.В.Голубцов – Савелия и Иосифа. Похоже, что вторая версия ближе к истине. О Василии Ивановиче каких-либо биографических сведений найти не удалось. Савелий Иванович Желябужский в 1612/13–1616/17 гг. служил в жильцах [Сухотин 1912, с. 160]. Иосиф в 1622–1634 гг. – козельский городской сын боярский [Руммель, Голубцов 1886, с. 263–264].

Трофим, единственный сын Вавила Федоровича, известен как помещик Калужского и Козельского уездов (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39– 1630/31 гг. ГРАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 481–485 об.). У Петра Ивановича В.В.Руммель и В.В.Голубцов указывают двоих сыновей – Ивана и Петра, но никаких биографических сведений о них не приводят [Руммель, Голубцов 1886, с. 264].

Всего из 11 персонажей биографические сведения есть о девяти; данные, позволяющие судить о служебном ранге, есть о восьми. Один дослужился до окольногочества. Трое заняли положение в верхнем эшелоне Государева Двора (дворяне), двое – в рядовом составе этой привилегированной корпорации (жильцы). Двое Желябужских служили с городом (Иосиф Иванович и, скорее всего, Трофим Вавилов).

Окольноечество Ивана Афанасьевича вводило Желябужских в ряды придворной аристократии. Возвышение столь худородного человека, конечно, результат тех новых, по сравнению с XVI столетием, процессов, которые происходили в среде Государева двора XVII в. Интересно, что к концу столетия в верхнем эшелоне Государева Двора остаются только представители дьяческой линии рода Желябужских, сыновья

Григория Григорьевича и внуки Григория Федоровича. Младшие ветви фамилии либо пресекаются, либо опускаются в рядовой состав Государева Двора или сливаются со «служилым городом».

Родственные связи Желябужских

О родственных связях Желябужских, которые характеризовали бы их социальный статус, приобретенный до дьяческой службы, фактически ничего неизвестно. Ирина Федоровна Желябужская, сестра дьяка Григория Федоровича и тетка дьяка Григория Григорьевича, умершая 27 сентября 1590 г., была, по сведениям В.В.Руммеля и В.В.Голубцова, замужем за Михаилом Торопом Матвеевичем Булгаковым Волинским [Руммель, Голубцов 1886, с. 261]. К сожалению, источник этих сведений неизвестен. Тороп был потомком Дмитрия Михайловича Боброка Волинского в шестом поколении, т. е. должен был жить в последней четверти XV в., и мужем Ирины Желябовской он никак быть не мог (Родословная роспись Лихаревых. Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104; Родословец кн. Вадбальского // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 131. Д. 112, л. 92 об.; Родословец кн. Лобанова-Ростовского. РГАДА. Ф. 181. № 173, л. 281) [Памятники истории русского служилого сословия 2011, с. 108; Редкие источники из истории России 1977, с. 54, 148; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книга ... 1787, с. 86; Родословная книга ... 1851, с. 112, 168]. Другого Торопа или Михаила Матвеевича родословцы не знают.

Браки, заключенные после того, как Желябужские попали в приказную «обойму», следующие.

По сведениям В.В.Руммеля и В.В.Голубцова, Соломонида, дочь дьяка Григория Федоровича, была в первом браке замужем за боярином Федором Алексеевичем Басмановым, а во втором – за боярином кн. Василием Юрьевичем Голицыным [Руммель, Голубцов 1886, с. 262]. Источник этих сведений неизвестен. Оба утверждения, скорее всего, ложны. Жену известного опричника звали Варвара, и она была дочерью кн. В.А.Сицкого [Кобрин 1995, с. 159; Кобрин 2008, с. 63]. Жена кн. Василия Дарья в 1572/73 г. на свадьбе короля Магнуса и кнж. Марии Владимировны сидела за столом [Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся 1790, ч. 13, с. 97].

Дочь дьяка Григория Григорьевича Желябужского Татьяна была замужем за Федором Ивановичем Нащокиным. Зять приказного деятеля в 1615/16 г. состоял в ранге дворянина [Акты Московского государства ... 1890, с. 145]. В 1619/20 г. он – воевода в Новосиле, в 1630/31 и 1631/32 гг. – в Кузнецке [Книги разрядные ... 1853, т. 1, стб. 621, 656, 680, 681, 719, 734, 760; т. 2, стб. 366, 690]. Поместья его известны в Нижегородском и Ржевском уездах (Писцовая книга Ржевского уезда 1623/24–1624/25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 373, лл. 1201–1202 об.) [Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой половины XVII века 2015, с. 233, 647]. Брак Федора и Татьяны продлился недолго и кончился трагически. Свадьбу сыграли в 1612/13 г., а к 24 января 1614 г. молодой жены уже не было в живых. Мать била челом об отпуске со службы из-под Смоленска сына Ивана: зять убил дочь, погребать некому [Акты Московского государства 1890, с. 84].

Дочь и внучка дьяков Григория Федоровича и Григория Григорьевича, имя которой не установлено, была замужем за Иваном Ивановичем Хлоповым, не состоявшимся тестем царя Михаила [Руммель, Голубцов 1886, с. 263]. Зять дьяка служил в выборных детях боярских по Козельску, т. е. по тому же уезду, что и Желябужские (в том числе и Григорий Григорьевич). Здесь, в Подгородном стану располагалось его поместье и вотчина, пожалованная за «московское осадное сидение» (Писцовая книга Козельского уезда 1628/39–1630/31 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 192, лл. 121, 554). Дьяк, таким образом, выдал дочь за соседа по имению. Иван Иванович Хлопов относился к рядовому составу Государева Двора. Его пожалование в дворяне (первое упоминание в этом качестве датируется 1615/16 г.), скорее всего, связано с наречением дочери царской невестой [Павлов 2011, с. 342].

Татьяна Петровна, дочь Петра Ивановича Желябужского, была замужем за Андреем Лихаревым [Руммель, Голубцов 1886, с. 264]. С дьяками она пребывала в очень дальнем родстве. Лихаревы были людьми не родословными, но подали роспись своего родства в Палату родословных дел (Родословная роспись Лихаревых. Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104, лл. 41–42 об.). В росписи 7 Андреев. В конце XVII в. (отец Татьяны упоминается в источниках в 1660–1686 гг.) могли жить Андрей Семенович и Андрей Афанасьевич Лихаревы. Никаких данных об их служебных назначениях найти не удалось.

Анна Ивановна, дочь Ивана Петровича и внучка Петра Ивановича Желябужского, была замужем за Борисом Сьяновым [Руммель,

Голубцов 1886, с. 264]. Его биография должна приходиться на начало XVIII в., что далеко выходит за хронологические рамки нашего исследования.

Таким образом, брак Татьяны Григорьевны Желябужской и Федора Ивановича Нащокина – равный во всех отношениях союз. Замужество ее сестры за Иваном Ивановичем Хлоповым выглядит определенным мезальянсом, но это впечатление существенно сглаживается теми довольно высокими связями при дворе, которых Хлоповы добились благодаря свойству с Нагими. То есть, в целом, родственные связи Желябужских строились по горизонтали, в той социальной среде, куда они вошли в результате службы в верхнем эшелоне Государева двора.

Заключение

Подводя итоги работы, сформулируем ее основные выводы в соответствии с поставленными задачами. Желябужские – дьяческая фамилия, в которой два поколения и три представителя: Григорий Федорович и его сыновья Григорий и Петр. При царе Федоре на приказной работе был только старший из них. Родственные связи дьяков Желябужских характеризуют их как выходцев из семьи городских детей боярских, чье возвышение началось в конце XVI в. благодаря службе в дьяках Григория Федоровича Желябужского. В XVII столетии Желябужские закрепились в верхнем эшелоне Государева Двора и даже стали проникать в аристократическую среду, что отражают их брачные связи. В какой-то момент служебные успехи Желябужских перестали быть связанными с дьячеством, отражая общий для XVII столетия процесс возвышения рядовых, ничем в предшествовавший век не выдающихся, дворянских фамилий.

Пример Желябужских показывает, что в конце XVI–XVII вв. дьячество рекрутировалось из тех же социальных слоев, что и в XVI в., в частности, из провинциальных дворянских фамилий средней руки. Дьяческая служба продолжала оставаться своего рода социальным лифтом, благодаря которому дворянский род мог повысить свой социальный статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. 482 с.

- Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук / под ред. Н. А. Попова. Т. 1. СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1890. 767 с.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2002. 680 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / под ред. Л. В. Черепнина. Ч. 2. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 663 с.
- Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М. : Археографический центр, 1996. 375 с.
- Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М. : Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1907. 311 с.
- Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. М. : Наука, 2006. 358 с.
- Боярская книга 1658 года / под. ред. Н. М. Рогожина. М. : Издат. центр Института российской истории РАН, 2004. 333 с.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / под. ред. Б. А. Рыбакова. М. : Наука, 1987. 439 с.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 4 т. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. Т. 2. 496 с.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 4 т. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1852. Т. 3. 841 с.
- Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 4 т. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 4. 586 с.
- Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 230 с.
- Дополнения к тому III-му дворцовых разрядов. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1854. 246 с.
- Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся; Изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российскаго собрания при Императорском Московском университете; Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. М. : В типографии Компании типографической, 1790. Ч. 13. 463 с.

- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 607 с.
- Зимин А. А., Королева Р. Г. Документ Разрядного приказа (Расходная книга денежного стола 1606–1607 гг.) // Исторический архив. М. : [б.и.], 1953. Т. 8. С. 29–60.
- Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XVI и XVII вв. // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 180–205.
- Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М. : тип. С. Селивановского, 1853. 501 с.
- Иванов П. И. Описание Государственного архива старых дел. М. : тип. С. Селивановского, 1850. 406 с.
- Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. I. 1380 стб.
- Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. II. 1398 стб.
- Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М. : Издат. центр РГГУ, 1995. 238 с.
- Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 369 с.
- Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула : Гриф и К, 2009. 792 с.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 301 с.
- Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / сост.: А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2015. Ч. 2. 960 с.
- Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века / под. ред. Н. М. Рогожина. М. : Наука, 2003. 490 с.
- Павлов А. П. Из истории придворной борьбы в царствование Михаила Федоровича («Дело Хлоповой») // Русские древности: сборник научных трудов к 75-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 342–351.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Часть 5-я (годы с 1609 по 1615): Сборник

- императорского Русского исторического общества / под ред. С. Ф. Платонова. Т. 142. М. : Совет ИРИО, 1913. 801 с.
- Памятники истории русского служилого сословия / сост.: А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011. 554 с.
- «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов: сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. 735 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. XIV. 3-е изд. М. : Языки русской культуры, 2000. 600 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV. Ч. II / под. ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 144 с.
- Разрядная книга 1559–1605 гг. / под. ред. В. И. Буганова. М. : АН СССР, 1974. 432 с.
- Редкие источники по истории России / под ред. А. А. Новосельского и Л. Н. Пушкарева. М. : Институт истории СССР, 1977. 186 с.
- Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги. Ч. 2. М. : В Университетской типографии у Н. Новикова с указного дозволения, 1787. 452 с.
- Родословная книга // Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 10. Материалы. 1851, С. 1–130.
- Родословная книга (по списку А. хранящемуся в Московском архиве Коллегии иностранных дел) // Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 10. Материалы. 1851, С. 131–203.
- Рождественский В. А.* Историческое описание Серпуховского владычного общежительного девичьего монастыря. М. : тип. В. Готье, 1866. 150 с.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб. : А. С. Суворин, 1886. 608 с.
- Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия. М. : Квадрига, 2011. 655 с.
- Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV–первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел : ОГУ, 2013. 519 с.
- Савосичев А. Ю.* «Новые верники» грозного царя. К вопросу о происхождении и социальных связях дьяков Ивана Грозного: Опыт просопографического анализа. Орел : ОГУ, 2015. 478 с.
- Савосичев А. Ю.* Подьячие Ивана Грозного: происхождение и социальные связи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 52–57.

- Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI – XVII веков. М. : РГГУ, 2004. 505 с.
- Сухотин Л. М. Четвертьчики смутного времени. М. : Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1912. 400 с.
- Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И. П. Алябьев. Ульяновск: Издат. центр Ульяновского государственного университета, 2014. 470 с.

REFERENCES

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 2. SPb. : Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1841. 482 s.
- Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoj Akademiej nauk / pod red. N. A. Popova. T. 1. SPb. : tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1890. 767 s.
- Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka. T. III / sost. A. V. Antonov. M. : Drevlehranilishhe, 2002. 680 s.
- Akty feodal'nogo zemlevladienija i hozjajstva XIV–XVI vekov / pod red. L. V. Cherepnina. Ch. 2. M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 663 s.
- Antonov A. V. Rodoslovnye rospisi konca XVII v. M. : Arheograficheskij centr, 1996. 375 s.
- Belokurov S. A. Razrjadnye zapisi za Smutnoe vremja. M. : Imperatorskoe Obshestvo istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete, 1907. 311 s.
- Beljaev L. A. Russkoe srednevekovoe nadgrobie XIII–XVII veka. M. : Nauka, 2006. 358 s.
- Bojarskaja kniga 1658 goda / pod. red. N. M. Rogozhina. M. : Izdat. centr Instituta rossijskoj istorii RAN, 2004. 333 s.
- Vkladnaja kniga Troice-Sergieva monastyrja / pod. red. B. A. Rybakova. M. : Nauka, 1987. 439 s.
- Dvorcovye razrjady, po vysochajshemu poveleniju izdannye II-m otdeleniem Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii: v 4 t. SPb. : Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1851. T. 2. 496 s.
- Dvorcovye razrjady, po vysochajshemu poveleniju izdannye II-m otdeleniem Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii: v 4 t. SPb. : Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1852. T. 3. 841 s.
- Dvorcovye razrjady, po vysochajshemu poveleniju izdannye II-m otdeleniem Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii: v 4 t. SPb. : Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1855. T. 4. 586 s.

- Demidova N.F. Sluzhilaja bjurokratija v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absoljutizma. M. : Nauka, 1987. 230 s.
- Dopolnenija k tomu III-mu dvorcovyh razrjadov. SPb.: Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1854. 246 s.
- Drevnjaja rossijskaja vivliofika, sodержashhaja v sebe: sobranie drevnostej rossijskih, do istorii, geografii i genealogii rossijskija kasajushhihsja; Izdannaja Nikolaem Novikovym, chlenom Vol'nago Rossijskago sobranija pri Imperatorskom Moskovskom universitete; Izdanie vtoroje, vnov' ispravlennoe, umnozhennoe i v porjadok hronologicheskoi po vozmozhnosti privedennoe. M. : V tipografii Kompanii tipograficheskoi, 1790. Ch. 13. 463 s.
- Veselovskij S.B. D'jaki i pod'jachie XV–XVII vv. M. : Nauka, 1975. 607 s.
- Zimin A.A., Koroleva R.G. Dokument Razrjadnogo prikaza (Rashodnaja kniga denezhnogo stola 1606-1607 gg.) // Istoricheskij arhiv. M. : [b.i.], 1953. T. 8. S. 29–60.
- Zimin A.A. O sostave dvorcovyh uchrezhdenij Russkogo gosudarstva konca XVI i XVII vv. // Istoricheskie zapiski. 1958. T. 63. S. 180–205.
- Ivanov P.I. Alfavitnyj ukazatel' familij i lic, upominaemyh v bojarskih knigah, hranjashhihsja v 1-m otdelenii Moskovskogo arhiva Ministerstva justicii, s oboznacheniem sluzhebnoj dejatel'nosti kazhdogo lica i godov sostojanija v zanimaemyh dolzhnostjah. M. : tip. S.Selivanovskogo, 1853. 501 s.
- Ivanov P.I. Opisanie Gosudarstvennogo arhiva staryh del. M. : tip. S. Selivanovskogo, 1850. 406 s.
- Knigi razrjadnyja, po official'nym onyh spiskam izdannija s vysochajshago soizvolenija II-m otdeleniem Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii : v 2 t. SPb. : Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1853. T. I. 1380 stb.
- Knigi razrjadnyja, po official'nym onyh spiskam izdannija s vysochajshago soizvolenija II-m otdeleniem Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii : v 2 t. SPb.: Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1855. T. II. 1398 stb.
- Kobrin V.B. Materialy genealogii knjazhesko-bojarskoj aristokratii XV–XVI vv. M. : Izdat. centr RGGU, 1995. 238 s.
- Kobrin V.B. Oprichnina. Genealogija. M. : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2008. 369 s.
- Lisejcev D.V. Prikaznaja sistema Moskovskogo gosudarstva v jepohu Smuty. Tula : Grif i K, 2009. 792 s.
- Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Jeskin Ju.M. Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik. M. ; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 301 s.
- Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraja konca XVI – pervoj chetverti XVII veka / sost.: A.V.Antonov. M. : Drevlehranilishhe, 2015. Ch. 2. 960 s.

- Narodnoe dvizhenie v Rossii v jepohu Smuty nachala XVII veka / pod. red. N. M. Rogozhina. M. : Nauka, 2003. 490 s.
- Pavlov A. P.* Iz istorii pridvornoj bor'by v carstvovanie Mihaila Fedorovicha («Delo Hlopovo») // Russkie drevnosti: sbornik nauchnyh trudov k 75-letiju prof. Igorja Jakovlevicha Frojanova. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011. S. 342–351.
- Pamjatniki diplomaticeskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Chast' 5-ja (gody s 1609 po 1615): Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva / pod red. S. F. Platonova. T. 142. M. : Sovet IRIO, 1913. 801 s.
- Pamjatniki istorii russkogo sluzhilogo soslovija / sost.: A. V. Antonov. M. : Drevlehranilishhe, 2011. 554 s.
- «Podlinnye» bojarskie spiski 1626–1633 godov: sbornik dokumentov / sost. E. N. Gorbatov. M. : Drevlehranilishhe, 2015. 735 s.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XIV. 3-e izd. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 600 s.
- Razrjadnaja kniga 1475–1605 gg. T. IV. Ch. II / pod. red. V. I. Buganova, N. M. Rogozhina. M. : Pamjatniki istoricheskoi mysli, 2003. 144 s.
- Razrjadnaja kniga 1559–1605 gg. / pod. red. V. I. Buganova. M. : AN SSSR, 1974. 432 s.
- Redkie istochniki po istorii Rossii / pod red. A. A. Novosel'skogo i L. N. Pushkareva. M. : Institut istorii SSSR, 1977. 186 s.
- Rodoslovnaja kniga knjazej i dvorjan rossijskikh i vyezshih, sodержashhaja v sebe rodoslovnuju knigu, sobrannuju i sochinjonnuju v Rozrjade pri care Feodore Alekseeviche i po vremenam dopolnjaemuju i kotoraja izvestna pod nazvaniem Barhatnoj knigi. Ch. 2. M. : V Universitetskoj tipografii u N. Novikova s ukaznago dozvoljenja, 1787. 452 s.
- Rodoslovnaja kniga // Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. Kn. 10. Materialy. 1851, S. 1–130.
- Rodoslovnaja kniga (po spisku A. hranjashhemusja v Moskovskom arhive Kollegii inostrannyh del) // Vremennik Obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. Kn. 10. Materialy. 1851, S. 131–203.
- Rozhdestvenskij V. A.* Istoricheskoe opisanie Serpuhovskogo vladychnego obshhezhitel'nogo devich'ego monastyrja. M. : tip. V. Got'e, 1866. 150 s.
- Rummel' V. V., Golubcov V. V.* Rodoslovnij sbornik russkikh dvorjanskikh familij. T. 1. SPb. : A. S. Suvorin, 1886. 608 s.
- Rybalko N. V.* Rossijskaja prikaznaja bjurokratija v Smutnoe vremja nachala XVII stoletija. M. : Kvadriga, 2011. 655 s.
- Savosichev A. Ju.* D'jaki i pod'jachie XIV – pervoj treti XVI vv.: proishozhdenie i social'nye svjazi. Opyt prosopograficheskogo issledovanija. Orel : OGU, 2013. 519 s.

- Savosichev A. Ju.* «Novye verniki» groznogo carja. K voprosu o proishozhdenii i social'nyh svyazjah d'jakov Ivana Groznogo: Opyt prosopograficheskogo analiza. Orel : OGU, 2015. 478 s.
- Savosichev A. Ju.* Pod'jachie Ivana Groznogo: proishozhdenie i social'nye svyazi // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. № 5 (61). S. 52–57.
- Stanislavskij A. L.* Trudy po istorii Gosudareva dvora v Rossii XVI – XVII vekov. M. : RGGU, 2004. 505 s.
- Suhotin L. M.* Chetvertchiki smutnogo vremeni. M. : Obshhestvo istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete, 1912. 400 s.
- Shackij uezd XVII veka. Gosudarevy sluzhilye ljudi / sost. I. P. Aljab'ev. Ul'janovsk: Izdat. centr Ul'janovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 470 s.

УДК 316.4.063

М. В. Аверина

профессор, доктор культурологии, доцент кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: m-averina@list.ru

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СПОРТИВНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z

В статье представлены результаты анализа влияния социокультурных факторов, выделенных в рамках теории поколений, на развитие спорта современности. Акцентирование авторов теории Н. Хоува и У. Штрауса на значимости социокультурных факторов в становлении и развитии описываемых поколений свидетельствует о серьезности их воздействия на все сферы жизни людей, что и определило релевантность анализа их влияния на тенденции развития спортивных предпочтений у современных поколений Y и Z и обозначение общих тенденций социокультурной динамики спорта.

Ключевые слова: социокультурные факторы; социокультурная динамика; спорт; теория поколений; миллениалы; центениалы.

M. V. Averina

Doctor of cultural studies, associate professor, Department of communication technology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU, professor; e-mail: m-averina@list.ru

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL FACTORS OF THE SOCIETY DEVELOPMENT ON THE FORMATION OF SPORTS PREFERENCES OF GENERATIONS Y AND Z

The article presents the results of the analysis of the socio-cultural factors impact, highlighted in the framework of the theory of generations, on a modern sport's development. The emphasis of the theory's authors Neil Howe and William Strauss on the importance of socio-cultural factors in the formation and development of the described generations, once again demonstrates the seriousness of their impact on all spheres of people's life, which determined the relevance of the analysis of their impact on trends in the development of sports preferences of the modern generations Y and Z, and identification of general trends of socio-cultural dynamics of sport.

Key words: socio-cultural factors; socio-cultural dynamics; sport; theory of generations; millennials; centenials.

Введение

Рассматривая развитие спорта на протяжении существования человечества, можно констатировать примерно два основных направления его функционирования: как особого вида физической соревновательной активности, демонстрирующей наивысшие двигательные возможности человека, и как вида повседневной телесной практики для поддержания здоровья, бодрого настроения, приемлемых физических кондиций. И в той и другой ипостаси наблюдается сравнительно перманентное реальное его присутствие в общественном пространстве и, что значимо, определенное то меньшее, то большее его воздействие на общее развитие социума.

Как атрибутивный компонент функционирования социума спорт стал объектом научного исследования представителей разных отраслей знания, в том числе и общественных наук. Наряду со многими аспектами изучения предметом интереса являются социокультурные факторы, способствующие – препятствующие – влияющие на его развитие.

В работах таких авторов, как К. Айзенберг (2009), Н. Элиас (1986), П. Бурдьё (1977), Э. Франке (2006), Б. Дубин (2006), Н. Визитей (2009) и других, при анализе причин возникновения и развития современного спорта основной акцент сделан на исследовании социокультурных факторов, повлиявших на данный процесс.

К. Айзенберг в качестве факторов становления современного спорта выделяет: распространение образования, рост свободного времени, солидные государственные вливания на фоне холодной войны, а главное, прорыв телевидения и сопутствующих этому тенденций к коммерциализации, что придало спорту массовый характер [Айзенберг 2009].

Н. Элиас, специалист по теории цивилизации, связывает распространение спорта с формированием английского парламентаризма как мирной системы разрешения конфликтов (Elias & Dunning 1986). В этом же контексте рассматриваются механизмы переплетения интересов спортивных объединений и тоталитарных режимов.

С образованием организационной структуры мирового спорта и появлением таких наднациональных организаций, как МОК, ФИФА и других спортивных союзов, предметом исследовательского интереса стали такие факторы, как культурный трансфер в глобальных масштабах, взаимопроникновение телесных культур, двигательного поведения (Tenbruck 1992; Burke 2000).

Отдельно стало изучаться влияние медиатизации на развитие спорта, его коммерциализацию, исследовалась зрелищная составляющая спорта как фактор, способствующий замещению затрудненных к реализации мировоззренческих моделей [Зверева 2006; Визитей 2006, с. 214].

Авторский анализ в рамках философского, социологического и культурологического направлений исследования спорта позволил выделить блок теоретико-методологических проблем, касающихся обсуждения недостатков существующих теорий о физическом воспитании, физической культуре, спорте и необходимости выработки новой интегративной теории физической культуры, теории спорта с учетом изменения социальных, культурных условий существования цивилизации и определения факторов, способствующих появлению этих изменений [Аверина 2018, с. 366–370].

Поиски адекватной концепции, не претендующей на методологическую универсальность, но обладающей необходимой эвристичностью, позволяющей вычленить значимые социокультурные факторы и проанализировать их влияние на развитие спорта, привели автора вначале к концепции маргинальности [Аверина 2015], а затем и к теории поколений. В качестве цели исследования была предпринята попытка определения величины и степени возможного влияния того или иного социокультурного фактора, выделенного в контексте теории поколений, на развитие спорта современности.

Актуальные положения теории поколений в контексте авторского анализа

Теория американских исследователей историка Уильяма Штрауса и демографа Нейла Хоува (Strauss-Howe generational theory) [Howe, Strauss 1991], опубликованная ими в работе «Поколения» (1991), несмотря на достаточно активную критику, тем не менее приобрела дальнейшее широкое распространение, что подвигло профильных специалистов провести адаптационные исследования в разных странах с учетом менталитета и событий, значимых для этих стран в определенные временные отрезки [Ожиганова 2015, с. 94–97; Радаев 2018].

В основу теории положена идея 4-х фазовой цикличности смены поколений через каждые 20–25 лет, в рамках которых поколения ориентируются на определенный цикл общественного

и экономического развития: *подъем, пробуждение, спад, кризис* (*high, awakening, unraveling, crisis*), вырабатывая специфические ценности, поведение и восприятие мира, причем каждое пятое поколение повторяет поведение первого. Авторы предположили, что причиной смены и «конфликта поколений» являются способы воспитания и обстановка в семье, а также крупные события в стране и мире, свидетелями которых представители поколений становятся до 12 лет. Каждому из четырех циклов соответствует определенное поколение: *high* – *беби-бумеры*, *awakening* – поколение X, *unraveling* – *миллениалы*, или Y, *crisis* – *центениалы*, или Z.

Из представленной классификации активные исследования, в первую очередь, поколений Y и Z были изначально инициированы глобальными брендами в силу необходимости разработки инструментов формирования лояльной аудитории, поскольку именно Y явился создателем интернет- и цифровых технологий, т. е. кардинально изменил систему коммуникаций в мире, а Z родился в цифровой среде и адекватно ориентируется, в первую очередь, в ней. Анализ исторически важных событий, социальной, политической и экономической обстановки в конкретной стране и мире, а также условий воспитания в семье данных поколений позволили определить значимые социокультурные факторы, повлиявшие на формирование характерных особенностей поколений, учет которых лег в основу разработки инструментов привлечения и удержания целевых аудиторий. Пристальное внимание авторов теории к социокультурным факторам, влияющим на становление и развитие описываемых поколений, свидетельствует о серьезности их воздействия на все сферы жизни людей, а не только в контексте экономического интереса брендов, что подвигло автора статьи на попытку анализа влияния выделенных факторов на развитие спорта современности.

Социокультурные факторы, повлиявшие на формирование значимых характеристик поколений Y и Z

«Поколение Y», название которого впервые было использовано порталом Ad Age для предварительного обозначения поколения, следующего за X, Н. Хоув и У. Штраус переименовали в «миллениалов» и популяризировали его в своих книгах [Strauss, Howe 1991]. В определении возрастных рамок наблюдаются колебания: сами авторы обозначили 1970–1990 гг., другие исследователи – 1980–2000 гг.

В качестве определяющих социокультурных факторов, повлиявших на формирование поколения Y, авторы выделяют:

- развитие электронных технологий – информационную революцию, повлекшую за собой появление таких ресурсов и сервисов, как Интернет, СМС, электронную почту, социальные сети и онлайн-магазины¹ [Barnes, Lescault URL];

- финансовый кризис и задолженности, что породило относительно низкий уровень экономического процветания и безопасности по сравнению с подобными показателями у представителей предшествующих поколений (большое распространение получили предпринимательство и инвестирование в собственный бизнес);

- разобщенная культура, сформировавшаяся благодаря широкому распространению Интернета и привычки использования нескольких платформ для сбора информации из различных источников (появилось огромное количество многочисленных новых жанров, форматов и способов создания контента)

- концепция вечной молодости (с депрессивными вкраплениями) – стремление оттягивать переход во взрослую жизнь, феномен кидалтов².

«Поколение Z» – название было предложено в 2012 г. в журнале USA Today, хотя существовал ряд вариаций, в число которых входили такие названия, как постмиллениалы, хоумлэндеры, центениалы, «цифровые аборигены», Gen Tech, Plurals [Малетин 2017]. Возрастные рамки этого поколения Н.Хоув и У.Штраус определяют периодом с 2005 г. по 2025 г., по другим источникам – с 1995 по 2010 гг.

На формирование поколения Z, по мнению авторов теории, повлияли следующие социокультурные факторы:

- разнообразие и инклюзивность, подразумевающие культурную диверсифицированность, толерантность и терпимость;

¹ По данным исследования Центра маркетинговых исследований UMD, 62 % миллениалов подписаны на обновления хотя бы одной компании в сети Facebook, при этом самыми распространенными брендами среди них являются Apple, Nike, Target, Starbucks. Twitter используется для взаимодействия с брендами 23 % миллениалов, среди которых самые популярные страницы – у Nike, Starbucks, NFL и NHL. 11 % миллениалов предпочитают для связи с брендами использовать Pinterest.

² По данным исследования ВШЭ в 2016 г. в возрасте 27 лет в браке находилось 54 % миллениалов, 41 % еще никогда не вступали в брак.

- глобализация и FOMO, интернет-технологии сделали универсально доступными моду, еду, индустрию онлайн-развлечений;
- следование социальным трендам и именно страх упущения чего-либо стоящего и интересного (fear of missing out) со временем становится причиной зависимости от социальных сетей [Fromm URL];
- кибербуллинг и кибертерроризм, порождающие множество новых проблем: издевательство и ненависть по отношению к другим пользователям и публичным личностям (кибербуллинг), которые могут стать причиной высокого уровня депрессии и тревожности среди подростков;
- метамодернизм, провозглашающий искренность и мотивацию действовать и доносить до окружающих важные сообщения, а не криковать [Vermeulen, Akker 2010];
- климатические изменения и глобальное потепление, подразумевающие проявление характерно высокой осведомленности о состоянии экологических проблем в мире и отслеживание новостей о климатических изменениях.

Формирование спортивных предпочтений поколений у и Z

Определение и формулирование содержания значимых факторов, влияющих на социокультурную динамику, достаточно сложный и трудоемкий процесс, требующий учета и анализа не только видимых, но и латентных составляющих. Соответственно, и оценка степени воздействия обозначенных факторов, конкретно на развитие спорта, требует выделения и качественных и количественных параметров как для видимых изменений, так и для латентных.

В рамках данной статьи рассмотрим количественные параметры, определяемые социологическими данными, анализируя которые возможно подтвердить или опровергнуть воздействие обсуждаемых социокультурных факторов на развитие спорта. Как уже отмечалось выше, масштабные социологические опросы были осуществлены в мире и России, в первую очередь, в рамках маркетинговых исследований, из которых, тем не менее, возможно выделить релевантные статистические показатели [Исследование Google URL; Исследование MarketWatch URL; Исследование агентства Validata URL].

Так, в рамках исследования Rock Health подтверждается, что миллионы тратят на wellness-практики треть своего дохода [Adams,

Shankar, Тессо URL]. У поколения Y в приоритете обретение гармонии между телом и сознанием, что влечет за собой переориентацию со спорта и диет на медитативные практики. Приложения для смартфонов, направленные на обучение медитации и правильному дыханию (например, Calm, Headspace, 10 % Happier), в 2018 г. ворвались в топ-лист сторгов и показали взрывной рост. Согласно отчету TechCrunch, в начале 2018 г. их выручка увеличилась на 170 % [Perez URL].

Более 70 % миллениалов привлекают комьюнити вокруг спортивных клубов, а именно – встречи с друзьями на групповых тренировках активно мотивируют на занятия спортом, хотя бы раз в неделю [Valentine URL].

Обращение к российским исследованиям позволяет констатировать, что на март 2014 г. в составе возрастной группы людей от 15 до 29 лет доля лиц, занимающихся физической культурой и спортом на постоянной основе, составляла 43,4 % от общего числа индивидов, относящихся к данной возрастной группе (доклад о развитии массового спорта и физического воспитания населения в Совете при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта) [Герасимов 2019].

Онлайн-опрос (апрель–май 2017 г.) в 15 городах-миллионниках России среди 1500 молодых людей, поколение Y было представлено участниками в возрасте от 18–35 лет, показал, что из топа 10 интересов аудиторий у поколения Y тема «спорт, фитнес, ЗОЖ» занимает 36 % [Поколения Y и Z в России... URL].

В рамках популяризации культуры бега в парках Москвы зародилось движение *parkrun* и в течение нескольких лет распространилось по России: в настоящее время в 32 городах и 57 парках страны проводятся постоянные еженедельные бесплатные забеги [5 лет parkrun... URL]. В 2014 г. в Московском марафоне приняли участие 4 тыс. человек, а в 2018 г. – к финишу пришло уже 30 тыс. [Гусейнова, Парняков URL; Самый масштабный забег страны: как прошел Московский марафон URL].

Переключаясь на поколение Z, с учетом содержания факторов, повлиявших на его становление, также ориентируемся на анализ количественных параметров при оценке воздействия обозначенных факторов на развитие спорта.

Центениалы – первое полностью цифровое поколение, представители которого уже рождаются, будучи интегрированными

в интернет-сферу¹, получают оттуда информацию, общаются в ней и все чаще находят там работу [Kennedy URL]. Глобальное интернет-пространство стало их вторым, а может быть, и первым домом.

Яркой отличительной особенностью, в некоторой степени революцией явилось появление киберспорта, логически адекватного направления развития спорта современности в контексте интересов поколения Z. Киберспорт подразумевает соревнование людей, где компьютер, выступая в роли спортивного инвентаря, моделирует виртуальное пространство, внутри которого происходит состязание. Наиболее развитые дисциплины: Conter-Straike (4 версии), Quake (6 версий), dota (3 подвида), StarCraft (5 эпизодов), Warcraft.

Киберспорт стал одним из популярнейших видов спорта-парадокса в мире. С одной стороны, в нем воплощены главные принципы классического спорта: четкое следование правилам и возможность победы сильнейшего. С другой стороны, для победы киберспортсмену не нужны особые физические кондиции. Скорость реакции, стратегическое мышление, азарт – всё это спортсмен с приставкой *кибер* может реализовать с помощью компьютера, подключенного к Интернету. 66 % опрошенных называют гейминг своим главным способом развлечения, при этом для многих центениалов это занятие стало видом заработка с появлением киберспорта и онлайн-стриминга [Sparks & Honey].

Статистические показатели в качестве количественных параметров представлены в исследовании медиакомпании Whistle Sports Network, контролирующей около 2000 различных каналов в соцсетях с общей аудиторией 450 млн подписчиков, осуществленном ею в октябре 2018 г. (опрос затронул молодых людей до 21 года, максимум 1997 г. р.) [Исследование поколения Z в спорте: цифры, желания, отношение к рекламе URL].

Наиболее значимые выводы этого исследования:

- по мнению 80 % опрошенных в возрасте 13–21 года в настоящее время меняется содержание самого термина «спорт». Наряду с традиционными видами (топ-5: футбол, хоккей, баскетбол, американский футбол, бейсбол и др.) в него следует включить non-traditional sports –

¹ В исследовании AVG Technologies, компании по производству антивирусного программного обеспечения, установлено, что средний возраст, при котором ребенок в современном мире получает первое online presence («онлайн-присутствие / след») – 6 месяцев. 81 % детей оставляют след в Интернете уже к возрасту 2 лет.

любое соревнование, где есть физическое или психологическое напряжение, правила, набор навыков. «Им больше нужно соревнование, чем трофеи, поэтому они не оценивают качество игрока призами и титулами. На это обращает внимание 41 %, тогда как на уровень выступления – 78 %», – фиксируется в summary;

- 56 % центениалов больше привлекают нетрадиционные виды спорта, чем из списка топ-5. «Они оценивают такие виды как более креативные, изобретательные, соответствующие своему времени», – комментирует Whistle;

- 65 % представителей следят за нетрадиционными видами спорта благодаря соцсетям, в первую очередь You Tube, куда ежедневно заходят 73 %;

- «скилл-челленджи ближе к их интересам и привычкам, молодые люди привыкли изучать все внутри соцсетей. Традиционному спорту нужно адаптироваться под все платформы», – отмечает Whistle;

- огромной популярностью пользуются трикшоты из видео на You Tube: практически 50 % зрителей в возрасте 13–20 лет идут пробовать трикшоты в оффлайне. «Активность сообщества повлияла и на контент: он все сильнее нацелен на вовлечение. Поколение Z рассматривает трикшоты как что-то доступное – хочется попробовать всё самому. Как раньше молодежь играла на улицах, так теперь пытается повторить движения из соцсетей, снимает эти попытки и выкладывает в ответ. В киберспорте дистанция еще короче: фанаты теоретически могут испытать свои навыки прямо в бою против профессионала», – комментирует Whistle;

- 55 % представителей поколения Z утверждают, что смотрят только хайлайты, чтобы избежать лишней рекламы – полноформатные матчи предпочитают лишь 45 % молодых. За 2018 г. общее время просмотра смешных спортивных видео выросло на 50 %, а хайлайтов – на 80 %.

Заключение

Опираясь на общую характеристику исследуемых поколений, можно констатировать определенные тенденции развития спортивных предпочтений. Для поколения Y занятия спортом рассматриваются, прежде всего, как способ держать тело в тонусе, как возможность получить дополнительную порцию положительных эмоций, как источник эндорфинов и адреналина, ориентация на коллективные

виды спорта, где нет победителя и проигравшего, «побеждает дружба», и каждый получает «благодарность за участие в соревновании» [Ron URL].

Поколение Z предпочитает активность в виртуальном мире. Две медиа компании – Activision Blizzard, одна из крупнейших в сфере компьютерных игр и развлечений, и ведущий издатель видеоигр Electronic Arts делают ставку на революционное развитие киберспорта. Тем более в 2022 г. в Китае на следующих олимпийских играх заявлены соревнования по киберспорту: «Лига легенд» и Pro Evolution Soccer.

Учитывая, что ролевые компьютерные игры, предполагающие переход с уровня на уровень при выполнении определенных условий и правил и набора очков за количество времени, формируют такое же отношение к жизни у центениалов, вполне возможно предположить появление и развитие видов спорта, подразумевающих соблюдение подобных правил, не только в онлайн, но и в реальности.

Даже пилотный анализ количественных параметров социокультурных факторов, повлиявших на становление современных поколений Y и Z, выделенных в контексте теории поколений, демонстрирует их актуальность при исследовании социокультурной динамики спорта. Как уже отмечалось, действие одних факторов более очевидное, других – скорее латентное. Как известно, любые теоретические, эмпирические и статистические исследования подтверждаются практикой, реальным развитием событий, актуализацией действия латентных факторов, что потребует дальнейшего осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айзенберг К. Открытие спорта современной исторической наукой. М. : Логос, 2009. № 6 (73). С. 82–98.
- Аверина М. В. Социокультурные исследования сферы физической культуры и спорта в фокусе публикаций ТиПФК (2000–2017) // Научно-педагогические школы в сфере физической культуры и спорта: материалы Международного научно-практического конгресса, посвященного 100-летию ГЦОЛИФК, 30–31 мая 2018 г. / под общ. ред. А. А. Передельского [и др.]. М. : РГУФКСМиТ, 2018. Ч. I. 500 с.
- Аверина М. В. Концепция маргинальности как инструмент анализа социокультурной динамики (на примере сферы спорта): дис. ... д-ра культурологии. Санкт-Петербург, 2015. 402 с.

- Визитей Н. Н. Курс лекций по социологии спорта. М. : Физическая культура, 2006. 318 с.
- Герасимов М. В. Социальное неравенство современной российской молодежи в сфере массового спорта. Социальная стратификация в цифровую эпоху. К 130-летию со дня рождения Пилипира Сорокина: XIII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2019»: сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2019. 1662 с. URL: www.socio.msu.ru/documents/sbornik_sorokin2019.pdf.
- Гусейнова М., Парняков В. Московский марафон – 2017 в цифрах: неожиданный шаг назад. URL: skirun.ru/2017/09/26/moscow-marathon-2017-v-zifrah-neozidanni-shag-nazad/#xzz5j0tJ0zwZ.
- Зверева В. Телевизионный спорт // Философско-литературный журнал «Логос». 2006. № 3. С. 63–75.
- Исследование Google: It's lit (Think with Google). URL: storage.googleapis.com/think/docs/its-lit.pdf.
- Исследование MarketWatch – Nike. URL: www.marketwatch.com/story/nikes-online-sales-jumped-31-after-company-unveiled-kaepernick-campaign-2018-09-07.
- Исследование агентства Validata по заказу Сбербанка «30 фактов о российской молодежи». URL: www.sberbank.ru/ru/person/familybank?utm_source=sl.
- Исследование поколения Z в спорте: цифры, желания, отношение к рекламе. URL: sport-connect.ru/opinion/whistle.
- Малетин С. Особенности потребительского поведения поколения Z // Российское предпринимательство. 2017. № 21. Т. 8. С. 3348–3360.
- Ожиганова Е. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Управленческий учет и российский бизнес. 2015. № 1. С. 94–97.
- Поколения Y и Z в России: сходства и различия. Исследования. URL: adindex.ru/publication/analytics/search/2017/05/18/159832.phtml.
- 5 лет parkrun: впечатляющая статистика парковых забегов в России. URL: marathonec.ru/5-years-of-parkrun.
- Радаев В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
- Самый масштабный забег страны: как прошел Московский марафон. URL: www.mos.ru/news/item/45621073.
- Adams A., Shankar M., Tecco H. 50 things we now know about digital health consumers. URL: rockhealth.com/reports/digital-health-consumer-adoption-2016.
- Barnes M. G., Lescault A. M. Millenials transform social commerce. URL: www.umassd.edu/cmr/social-mediaresearch/millennials-transform-social-commerce.

- Fromm J.* FOMO & FOLO: The Social Addiction of Gen Z. URL: www.barkleyus.com/insights/fomo-folo-the-social-addiction-of-gen-z.
- Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991. 538 c.
- Kennedy J.* Children are now 'leaving' a digital footprint before birth. URL: www.siliconrepublic.com/gear/children-arenow-leaving-a-digital-footprint-before-birth.
- Perez S.* Self-care apps are booming. URL: techcrunch.com/2018/04/02/self-care-apps-are-booming.
- Ron A.* The Trophy Kids Grow Up: How the Millennial Generation is Shaking Up the Workplace. URL: www.amazon.com/Trophy-Kids-Grow-Millennial-Generation/dp/0470229543.
- Sparks & Honey.* Meet Generation Z: Forget Everything You Learned About Millennials. URL: www.slideshare.net/sparksandhoney/generation-z-final-june-17/10-this_is_how_Gen_Z
- Vermeulen T., Akker R. van.* Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf.
- Valentine O.* 76 % of Millennials Exercise At Least Once a Week. URL: blog.globalwebindex.com/chart-of-the-day/76-percent-of-millennials-exercise-at-least-once-a-week.

REFERENCES

- Ajzenberg K.* Otkrytie sporta sovremennoj istoricheskoy naukoy. M. : Logos, 2009. № 6 (73). S. 82–98.
- Averina M. V.* Sociokul'turnye issledovaniya sfery fizicheskoy kul'tury i sporta v fokuse publikacij TiPFK (2000–2017) // Nauchno-pedagogicheskie shkoly v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kongressa, posvjashhennogo 100-letiju GCOLIFK, 30–31 maja 2018 g. / pod obshh. red. A. A. Peredel'skogo [i dr.]. M. : RGUFKSMiT, 2018. Ch. I. 500 s.
- Averina M. V.* Konceptiya marginal'nosti kak instrument analiza sociokul'turnoj dinamiki (na primere sfery sporta): dis. ... d-ra kul'turologii. Sankt-Peterburg, 2015. 402 s.
- Vizitej N. N.* Kurs lekcij po sociologii sporta. M. : Fizicheskaja kul'tura, 2006. 318 s.
- Gerasimov M. V.* Social'noe neravenstvo sovremennoj rossijskoj molodezhi v sfere massovogo sporta. Social'naja stratifikacija v cifrovuju jepohu. K 130-letiju so dnja rozhdenija Pitirima Sorokina: XIII Mezhdunar. nauch. konf. «Sorokinskie chtenija – 2019»: sb. materialov. M. : MAKSS Press, 2019. 1662 s. URL: www.socio.msu.ru/documents/sbornik_sorokin2019.pdf.

- Gusejnova M., Parnjakov V.* Moskovskij marafon – 2017 v cifrah: neozhidannyj shag nazad. URL: skirun.ru/2017/09/26/moscow-marathon-2017-v-zifrah-neozidanni-shag-nazad/#xzz5j0tJ0zwZ.
- Zvereva V.* Televizionnyj sport // Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos». 2006. № 3. S. 63–75.
- Issledovanie Google: It's lit (Think with Google). URL: storage.googleapis.com/think/docs/its-lit.pdf.
- Issledovanie MarketWatch – Nike. URL: www.marketwatch.com/story/nikes-online-sales-jumped-31-after-company-unveiled-kaepernick-campaign-2018-09-07.
- Issledovanie agentstva Validata po zakazu Sberbanka «30 faktov o rossijskoj molodezhi». URL: www.sberbank.ru/ru/person/familybank?utm_source=sl.
- Issledovanie pokolenija Z v sporte: cifry, zhelanija, otnoshenie k reklame. URL: sport-connect.ru/opinion/whistle.
- Maletin S.* Osobennosti potrebitel'skogo povedenija pokolenija Z // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2017. № 21. T. 8. S. 3348–3360.
- Ozhiganova E.* Teorija pokolenij N.Houva i V.Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya // Upravlencheskij uchet i rossijskij biznes. 2015. № 1. S. 94–97.
- Pokolenija Y i Z v Rossii: shodstva i razlichija. Issledovanija. URL: adindex.ru/publication/analytics/search/2017/05/18/159832.phtml.
- 5 parkrun: vpechatljajushhaja statistika parkovyh zabegov v Rossii. URL: marathonec.ru/5-years-of-parkrun.
- Radaev V.* Millenialy na fone predshestvujushhih pokolenij: jempiricheskij analiz // Sociologicheskie issledovanija. 2018. № 3. S. 15–33.
- Samyj masshtabnyj zabeg strany: kak proshel Moskovskij marafon. URL: www.mos.ru/news/item/45621073.
- Adams A., Shankar M., Tecco H.* 50 things we now know about digital health consumers. URL: rockhealth.com/reports/digital-health-consumer-adoption-2016.
- Barnes M.G., Lescault A.M.* Millenials transform social commerce. URL: www.umassd.edu/cmr/social-mediaresearch/millennials-transform-social-commerce.
- Fromm J.* FOMO & FOLO: The Social Addiction of Gen Z. URL: www.barkleyus.com/insights/fomo-folo-the-social-addiction-of-gen-z.
- Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991. 538 s.
- Kennedy J.* Children are now 'leaving' a digital footprint before birth. URL: www.siliconrepublic.com/gear/children-arenow-leaving-a-digital-footprint-before-birth.

- Perez S.* Self-care apps are booming. URL: techcrunch.com/2018/04/02/self-care-apps-are-booming.
- Ron A.* The Trophy Kids Grow Up: How the Millennial Generation is Shaking Up the Workplace. URL: www.amazon.com/Trophy-Kids-Grow-Millennial-Generation/dp/0470229543.
- Sparks & Honey.* Meet Generation Z: Forget Everything You Learned About Millennials. URL: www.slideshare.net/sparksandhoney/generation-z-final-june-17/10-this_is_how_Gen_Z.
- Vermeulen T., Akker R. van.* Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf.
- Valentine O.* 76 % of Millennials Exercise At Least Once a Week. URL: blog.globalwebindex.com/chart-of-the-day/76-percent-of-millennials-exercise-at-least-once-a-week.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОДХОДОВ

В статье рассматриваются основные отечественные подходы к сущности и содержанию управленческой культуры. На основе теоретического анализа социологических и социально-философских подходов автором предпринята попытка их систематизации.

Ключевые слова: корпоративная культура; организационная культура; объективная организационная культура; субъективная организационная культура; управленческая культура; управленческая культура организации; управленческая культура личности.

Eu. G. Erokhin

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, adjunct at the Department of Sociology; e-mail: eegnic@gmail.com

ESSENCE AND CONTENT OF MANAGEMENT CULTURE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF MODERN DOMESTIC APPROACHES

This article considered the main domestic approaches to essence and content of management culture are considered. On the basis of the theoretical analysis of sociological and social-philosophical approaches, the author made an attempt of their systematization.

Key words: corporate culture; organizational culture; objective organizational culture; subjective organizational culture; management culture; management culture of the organization; management culture of the personality.

Введение

Общество представляет собой сложное, многоуровневое по своей структуре, целостное и активно развивающееся образование. В процессе исторического развития обществом для удовлетворения определенных потребностей были созданы различные организации. Организация – неотъемлемый элемент современной общественной системы. Атрибутом каждой организации является управление, которое обеспечивает сохранение, функционирование, а также

достижение общественно значимых целей. Классическое определение управления в организации представляет собой целенаправленную деятельность субъекта управления с целью преобразования и изменения объекта управления. Одной из характеристик этой деятельности является специфический феномен «управленческая культура»; ее сущность и содержание высшего руководства будут задавать тон и вектор общего развития организации, а управленческая культура функциональных и линейных руководителей (руководители среднего и низшего звена) во многом будет определять качество их управленческой деятельности.

Рассматривая вопрос управленческой культуры, мы делаем попытку создать ее образ, который позволил бы нам видеть и понимать взаимодействия, убеждения и принципы, события и ситуации в организации. Это понимание способствует разрешению ряда важных проблем, а также разъяснению смысла и логики управленческих действий.

Социологический анализ современных отечественных подходов к управленческой культуре

Ценности и нормы, представления и убеждения, символы и смыслы, образцы поведения и деятельность – это все различные аспекты описания управленческой культуры в организации. Управленческая культура тесным образом взаимосвязана с такими социальными феноменами, как «организационная культура» и «корпоративная культура». Следовательно, в рамках теоретического анализа необходимо уточнить и разграничить смыслы близких ей понятий.

Довольно сложно разделить корпоративную и организационную культуру. В зарубежной научной литературе они рассматриваются преимущественно как синонимы [Пепанян 2016]. Теория организаций рассматривает корпорацию как одну из форм организации. Так, Б.З. Мильнер определяет корпорацию как организацию (объединение организаций), созданную для защиты интересов и привилегий участников и образующую самостоятельное юридическое лицо [Мильнер 2008]. Анализируя корпоративную и организационную культуры непосредственно как синонимы, считаем важным иметь в виду, что корпоративная культура обладает более объемным характером и может содержать несколько организационных субкультур.

Большой вклад в изучение организационной культуры внес американский ученый Э. Шейн. В своей книге «Организационная культура

и лидерство», опубликованной в 1992 г., он рассмотрел широкий круг важных проблем этого социального феномена. Э. Шейн провел анализ множества организационных концепций и пришел к выводу, что абсолютному большинству социальных групп, невзирая на их размер, необходимо решить следующие задачи. Во-первых, задачу выживания, расширения своих границ и приспособления к внешним условиям. Во-вторых, задачу внутреннего объединения, которая обуславливает умение приспосабливаться к внешним условиям, а также определяет качество повседневного функционирования организации. В случае если результативность решения данных задач действительно высока, организационная культура признается ценной для группы и транслируется новым членам как верная система оценки и разрешения выше-названных проблем [Шейн 2002, с. 10].

Следует отметить, что изучение организационной культуры пришло на смену традиционному исследованию социально-психологического климата в организации, начиная с 1980 – начала 1990-х гг. XX в.

Организационная культура может быть дифференцирована на объективную и субъективную. К объективной организационной культуре, как правило, относят физическое окружение, создаваемое в организации: здания и их дизайн, место расположения, оборудование и мебель, имеющиеся удобства, комнаты отдыха и приема, парковки, символы и т. д. Вместе с тем носителем субъективной организационной культуры выступает руководитель. Данный вид культуры служит ядром развития его управленческой культуры, стиля руководства, предпочтения того или иного способа и приема управленческой деятельности, а также поведения в целом.

Проведенный анализ научной литературы позволяет классифицировать подходы к рассмотрению и исследованию управленческой культуры по следующим основаниям.

1. *Управленческая культура как специфический элемент общей культуры или культуры личности.* Так, Г. Н. Левченко считает управленческую культуру особым видом культуры, взаимосвязанной с деятельностью и воспроизводством ценностной среды в общественной и производственной жизни. Компоненты культуры хозяйственной жизни, по мнению автора, сопровождали естественно-исторический ход событий на всех этапах эволюции общества, а также характеризовали качество эволюции индивидов и социальных групп, выражающиеся в способности воспроизводства ценностной среды [Левченко 2003].

В русле социально-философского подхода, по словам О. А. Плотниковой, в самом узком значении «управленческая культура довольно точно будет детализировать функции, реализуемые личностью в системе управления, гарантируя устойчивость этой системы при помощи выработки комплекса общекультурных средств, регуляции элементарных операций процесса управления» [Плотникова 2010].

Аналогичного мнения о сущности и содержании управленческой культуры придерживается Д. Г. Передня. Он находит верным то, что управленческая культура трактуется через общие социокультурные конфигурации, такие как символы, стандарты, правила, идеи и др. В частности, он пишет, что управленческая культура представляет собой часть общей культуры, которая нашла свое применение в ходе выполнения руководящих функций в системе органов внутренних дел [Передня 2017].

По мнению В. Б. Мешалкина, можно рассматривать управленческую культуру как проявление внутренней культуры определенного субъекта управления, выраженную в его ценностях и нормах, знаниях и умениях, различного рода личных качествах. Элементы внутренней культуры в полной мере передают сущность как основной специальности, так и специфической специальности руководителя в определенной сфере деятельности [Мешалкин 2011].

С. Н. Краснопир рассматривает управленческую культуру как складывающуюся посредством синтеза всевозможных знаний, умений и навыков в области управления, ориентированных на поддержание целостности управленческой системы и ее оптимизацию, но и кроме того на формирование и воспроизводство слаженности деятельности объекта и субъекта процесса управления. В соответствии с его точкой зрения, управленческая культура структурно содержит этикетный, нравственный, интеллектуальный, психологический и др. компоненты [Краснопир 2010].

2. Управленческая культура как компонент организационной культуры подробно рассмотрена в работах Т. О. Третьяковой, М. А. Васькова и И. В. Травинова.

Специфичность управленческой культуры, по мнению Т. О. Третьяковой, заключается в том, что она способна показать то воздействие, которое оказывают субъективные факторы на объективный ход повседневной жизнедеятельности [Третьякова 2009]. Характерным признаком формирования управленческой культуры становится ее

корреляция с политической культурой. В процессе зарождения и формирования политической культуры автор видит корни идеалов управленческой культуры. Кроме того, Т. О. Третьякова говорит о том, что конструкт управленческой культуры должен предусматривать высокую степень нравственной культуры, которая предопределяет определенный тип организационных отношений.

Вопрос трансформации управленческой культуры раскрыт в работах М. А. Васькова. Он акцентирует внимание на ключевых переменных преобразования управленческой культуры. *Во-первых*, это реорганизация институциональной структуры общества. *Во-вторых*, это перестройка психологии работников организаций. Эти изменения непосредственно связаны с внедрением инновационных основ построения организаций и неизбежной сменой управленцев старого поколения на представителей управленческой культуры нового поколения. Управленческая культура оформляется как самостоятельный общественный феномен, оказывающий непосредственное влияние на деятельность организации [Васьков 2011].

Работы И. В. Травинова посвящены определению направленности и непосредственно меры влияния массового сознания на возникновение и развитие управленческой культуры в современной России [Травинов 2006]. В целях эффективного развития управленческой культуры он предлагает практиковать метод управления ценностями посредством генерирования положительных образов в массовом сознании. По мнению И. В. Травинова, управленческая культура представляет собой результат продолжительного социокультурного взаимодействия и культурно-исторического развития, детерминирующих ее преемственность. Вместе с тем, одновременно с фактором преемственности, в любом культурно-историческом процессе эволюции проявляется и фактор изменчивости.

3. *Организационная культура как компонент управленческой культуры.* Также имеется точка зрения, заключающаяся в том, что управленческая культура включает в себя организационную культуру, в частности, этот подход реализован в работах Н. С. Речкина. Он считает, что для характеристики управленческой культуры необходимо рассмотреть модель взаимодействия составляющих ее образований, имеющих единые содержательные основания и результирующий вектор, обеспечивающий направленность деятельности. Одним из таких образований, по мнению Н. С. Речкина, и является организационная

культура. Наиболее полную характеристику управленческой культуры, с точки зрения автора работ, в конкретной организации дает изучение системы, включающей совокупность управленческих отношений и систему управленческой деятельности [Речкин 1998].

4. *Управленческая культура как компонент культуры управленческой деятельности.* По мнению Д. М. Панькова, управленческая культура реализуется посредством культуры управленческой деятельности, которую следует изучать, используя два методологических подхода: деятельностный и ценностный. Также он отмечает, что в российской научной мысли понятия «управленческая культура» и «управленческая деятельность» признаются многими учеными социальными системами, развивающимися во взаимоотношении друг с другом. Акцент Д. М. Паньковым сделан на таких составляющих управленческой культуры и управленческой деятельности, как профессиональная этика, нравственность, социокультурная обусловленность их формирования и развития [Паньков 2013].

5. *Управленческая культура в системе социальных качеств личности.* Следующим основанием для классификации подходов к социальному феномену «управленческой культуры» является выделение ее М. В. Галенко, И. А. Мяготиной и В. А. Аюровой как социального качества личности.

Так, М. В. Галенко при рассмотрении различных подходов к проблеме управленческой культуры делает вывод о том, что существует управленческая культура руководителя и управленческая культура организации. Управленческая культура руководителя – это известный уровень развития у управленца комплекса знаний, установок, навыков и умений, а также таланта креативно использовать разноплановые стили руководства, обусловленные целями, задачами и состоянием объекта управления [Галенко 2007]. Управленческую культуру организации М. В. Галенко рассматривает через содержание организационной культуры. Также следует отметить, что фактор лидерства определен как основной фактор, детерминирующий становление управленческой культуры личности. Обосновано предположение о возможности прогнозирования и повышения уровня управленческой культуры через отношения лидерства.

С позиции И. А. Мяготиной, управленческая культура обуславливает степень профессиональной компетентности управленца, играя первостепенную роль в иерархии его социальных качеств [Мяготина 2005]. В управленческой культуре обобщены не только

интериоризированные умения и знания, а также управленческие технологии, содержащие наилучшие примеры решения профессиональных задач в конкретной области.

В свою очередь В. А. Аюрова рассматривает управленческую культуру как профессионально важное качество, приобретаемое в процессе подготовки и практической деятельности в среде социокультурного управления [Аюрова 2011]. Управленческая культура, опираясь на прогрессивные выводы из теоретических концепций и практического опыта социального управления, имеет способность преемственности и воспроизводства в лице некоторых руководителей и коллективов. В. А. Аюрова полагает, что управленческая культура руководителя выражается в сформированности у него особых навыков и умений, а также знаний и возможностей к новаторскому управлению.

Заключение

Несмотря на дифференциацию подходов к рассмотрению и исследованию управленческой культуры, все отечественные ученые в той или иной степени сходятся во мнении, что управленческая культура заключена в безграничной сфере общей культуры. Она имеет способность трансляции и воспроизводства в лице того или иного руководителя, регулируя его поведение и управленческую деятельность, и олицетворяет собой единство и многообразие ценностей, норм, знаний, умений и образцов поведения.

Бесспорное разнообразие интерпретаций понятия «управленческая культура» не исключает их очевидного общего содержания. Различаются в основном акценты, которые делают исследователи в своих трактовках. Общим является то, что управленческая культура включает в себя *систему общекультурных элементов, таких как знания, ценности, нормы и образцы поведения, сформированные на основе социального опыта либо интериоризированные в процессе социализации личности*. Эта система определяет совокупность методов управленческой деятельности, а также осуществляет регулирование поведения субъектов и объектов управленческих отношений в целях выполнения поставленных перед организацией задач.

Результаты теоретического анализа представляется возможным использовать при проведении конкретного социологического

исследования для интерпретации основных понятий и их последующей операционализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аюрова В. А.* Формирование управленческой культуры менеджера-руководителя : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с.
- Васьков М. А.* Трансформация управленческой культуры крупных коммерческих организаций юга России : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 48 с.
- Галенко М. В.* Лидерство как фактор формирования управленческой культуры : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2007. 25 с.
- Красногир С. Н.* Управленческая культура офицера современной Российской Армии (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 19 с.
- Левченко Г. Н.* Управленческая культура как фактор развития социального потенциала производственного коллектива (на материалах ОАО «КАМАЗ») : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2003. 22 с.
- Мешалкин В. Б.* Социально-философский анализ управленческой культуры личности (на примере пограничной службы ФСБ России) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 26 с.
- Мильнер Б. З.* Теория организации: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-м, 2008. 864 с.
- Мяготина И. А.* Управленческая культура личности руководителя современной России (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 23 с.
- Паньков Д. М.* Культура управленческой деятельности в современном обществе: социокультурные и политические факторы развития и их влияние на поведенческие практики : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 33 с.
- Пепелян Л. С.* Управленческий потенциал корпоративной культуры современного российского вуза: специфика и направления реализации : дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 208 с.
- Передня Д. Г.* Управленческая культура в системе органов внутренних дел: монография. М. : ИНФРА-М, 2017. 103 с.
- Плотникова О. А.* Социально-философский анализ управленческой культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2010. 22 с.
- Речкин Н. С.* Управленческая культура: состояние и тенденции трансформации в муниципальной системе образования (социологический аспект) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 1998. 24 с.

- Травинов И. В.* Динамика массового сознания россиян как фактор развития управленческой культуры : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пятигорск, 2006. 21 с.
- Третьякова Т. О.* Управленческая культура органов судебной власти (на примере судов общей юрисдикции Забайкальского края) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Чита, 2009. 23 с.
- Шейн Э. Х.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб. : Питер, 2002. 336 с.

REFERENCES

- Ajurova V. A.* Formirovanie upravlencheskoj kul'tury menedzhera-rukovoditelja : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ulan-Udje, 2011. 24 s.
- Vas'kov M. A.* Transformacija upravlencheskoj kul'tury krupnyh kommercheskih organizacij juga Rossii : avtoref. dis. ... d-ra soc. nauk. Rostov-na-Donu, 2011. 48 s.
- Galenko M. V.* Liderstvo kak faktor formirovanija upravlencheskoj kul'tury : avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Volgograd, 2007. 25 s.
- Krasnopir S. N.* Upravlencheskaja kul'tura oficera sovremennoj Rossijskoj Armii (social'no-filosofskij analiz) : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 2010. 19 s.
- Levchenko G. N.* Upravlencheskaja kul'tura kak faktor razvitija social'nogo potenciala proizvodstvennogo kollektiva (na materialah OAO «KAMAZ») : avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Kazan', 2003. 22 s.
- Meshalkin V. B.* Social'no-filosofskij analiz upravlencheskoj kul'tury lichnosti (na primere pograničnoj sluzhby FSB Rossii) : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 2011. 26 s.
- Mil'ner B. Z.* Teorija organizacii: uchebnik. 7-e izd., pererab. i dop. M. : Infra-m, 2008. 864 s.
- Mjagotina I. A.* Upravlencheskaja kul'tura lichnosti rukovoditelja sovremennoj Rossii (social'no-filosofskij analiz) : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 2005. 23 s.
- Pan'kov D. M.* Kul'tura upravlencheskoj dejatel'nosti v sovremenном obshhestve: sociokul'turnye i politicheskie faktory razvitija i ih vlijanie na povedencheskie praktiki : avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Rostov-na-Donu, 2013. 33 s.
- Pepanjan L. S.* Upravlencheskij potencial korporativnoj kul'tury sovremenного rossijskogo vuza: specifika i napravlenija realizacii : dis. ... kand. soc. nauk. Rostov-na-Donu, 2016. 208 s.
- Perednja D. G.* Upravlencheskaja kul'tura v sisteme organov vnutrennih del: monografija. M. : INFRA-M, 2017. 103.s.
- Plotnikova O. A.* Social'no-filosofskij analiz upravlencheskoj kul'tury : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Pjatigorsk, 2010. 22 s.

- Rechkin N. S.* Upravlencheskaja kul'tura: sostojanie i tendencii transformacii v municipal'noj sisteme obrazovanija (sociologičeskij aspekt) : avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Rostov-na-Donu, 1998. 24 s.
- Travinov I. V.* Dinamika massovogo soznanija rossijan kak faktor razvitija upravlencheskoj kul'tury : avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Pjatigorsk, 2006. 21 s.
- Tret'jakova T. O.* Upravlencheskaja kul'tura organov sudebnoj vlasti (na primere sudov obshhej jurisdikcii Zabajkal'skogo kraja) : avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Chita, 2009. 23 s.
- ShejnJe. X.* Organizacionnaja kul'tura i liderstvo / per. s angl. pod red. V. A. Spivaka. SPb. : Piter, 2002. 336 s.

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vprim2007@yandex.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА ДАННЫХ
ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье анализируется сущность интерпретации результатов анализа данных эмпирического социологического исследования, использующего формализованные модели. Дается авторское научное определение данного процесса, выявлены его характерные особенности и содержательное наполнение. Подробно раскрываются методологические принципы осуществления интерпретационных процедур в социологическом исследовании.

Ключевые слова: интерпретация результатов анализа данных эмпирического социологического исследования; методологические принципы интерпретации результатов анализа.

V. L. Primakov

Doctor of sociological sciences, Professor of the department
of Sociology of Institute for International Relations and Social
and Political Sciences, MSLU; e-mail: vprim2007@yandex.ru

**METHODOLOGICAL BASIS OF THE RESULTS OF DATA ANALYSIS
INTERPRETATION OF EMPIRICAL SOCIOLOGICAL RESEARCH**

The present article explains the essence of the results of data analysis interpretation of empirical sociological research which uses formalized models. The author represents the scientific definition, characteristics and content of given process. The article provides detailed methodological principles of implementation of interpretation procedures in sociological research.

Key words: data analysis interpretation of empirical sociological research; methodological principles of analytical result interpretation

Введение

Интерпретация результатов анализа данных социологического исследования, пожалуй, самый неформализованный, многоуровневый, неоднозначный и потому наиболее сложный процесс. Если к этому еще добавить сложность и неоднозначность понимания сущности

и содержания самого процесса интерпретации результатов анализа данных исследований, особенно при использовании математической формализации, ситуация становится еще более запутанной.

Более того, в серьезном дефиците научная и учебная литература по данной проблеме. Возьму на себя смелость утверждать, что в современной научной социологической литературе сегодня практически нет полноценных научных трудов, монографий, учебно-методических пособий и учебников, всесторонне раскрывающих методологию, теоретические основания и методические приемы осуществления социологической интерпретации результатов анализа эмпирических данных исследования. Тогда как потребность в этом, особенно у социологов-эмпириков, более чем обостренная. Поэтому для социологов, регулярно проводящих эмпирические социологические исследования, безусловную ценность представляют подобные работы, содержащие хотя бы отдельные главы, параграфы, отступления и рассуждения по проблемам интерпретации данных [Батыгин 1986; Интерпретация и анализ данных ... 1987; Математические методы анализа и интерпретация социологических данных 1989; Татарова 1999; Тезаурус социологии 2013; Толстова 1991; Ядов 2001].

Современные научные подходы к определению «интерпретация результатов анализа эмпирических данных»

Определенные научный вакуум порождает и существенное различие в понимании соответствующей процедуры (процедур), что обуславливает и многозначность в определении «интерпретация результатов анализа эмпирических данных». В содержании данного термина видят, например, предположительное объяснение данных, полученных в результате измерения и подлежащих анализу (т.е., видимо, до осуществления анализа), или процесс превращения данных в информацию, процесс придания им смысла, приписывание содержательного смысла полученным данным (т.е. по аналогии содержательной интерпретации), или совокупность предположений о характере данных, полученных в ходе их сбора (измерения), посредством которых проверяются гипотезы и пр.

Например, словарь-справочник по методологии и методике социологического исследования следующим образом определяет словосочетание «интерпретация данных»: «Интерпретация данных (при использовании математического формализма), формирование

априорной (т. е. строящейся до применения математического метода) формальной модели изучаемого явления, лежащей в основе применяемого метода» [Социология 1991, с. 106].

Другими словами, в данном контексте под интерпретацией данных понимается формирование некоторой исходной формальной математической модели изучаемого явления, т. е. системы связей и отношений эмпирических признаков, описывающих изучаемое явление или процесс. Такая конструкция создается до измерительных процедур, т. е. до сбора эмпирических данных и фиксации фактов, а также до использования того или иного математического метода анализа. С моей точки зрения, наиболее точным аналогом данного понятия выступает следующее – «исходная формализованная модель» изучаемого явления.

При этом авторы словаря-справочника выделяют другое, близкое по смыслу понятие – «интерпретация результатов применения математического метода», под которым понимают «процесс приписывания содержательного смысла полученным в результате применения математического метода формальным символам, выражениям, отношениям и т. д.» [там же, с. 107]. Аналогичные понятия выделяет и дает их определения «Социологическая энциклопедия» [Социологическая энциклопедия 2003, т. 2, с. 387]. Очевидно, что такой угол зрения на интерпретацию привносит некоторую путаницу в понимание рассматриваемого понятия, особенно неопытными исследователями.

Целый раздел анализу этой проблемы выделяет «Тезаурус социологии»: «Обобщение и интерпретация в социологии – это, во-первых, разъяснение смысла, значения данных, полученных в результате исследования социальных явлений и процессов... Во-вторых, логико-методологическая процедура придания смысла полученным данным, в ходе которого истолковываются не только измеряемые социальные факты, но и качественные характеристики изучаемой социальной реальности. В-третьих, понимание и истолкование возможных последствий социальных взаимодействий...» [Тезаурус социологии 2013, кн. 2, с. 266].

Такое достаточно широкое истолкование интерпретации данных позволило авторам статьи выделить два типа интерпретации – теоретическая и эмпирическая. Правда, чаще используются сочетания слов «теоретическая интерпретация» и «интерпретация эмпирических данных». Последняя, по мнению авторов, имеет «ориентацию на объяснение результатов исследования. Она состоит в необходимости

классификации эмпирических данных в статистические группировки и в такие визуальные показатели, как таблицы, графики, рисунки, диаграммы и т. д.» [Тезаурус социологии 2013, кн. 2, с. 267]. Подобная характеристика интерпретации данных порождает немало вопросов. Например, являются ли группировка, классификация интерпретационными процедурами, либо статистическими и логическими, или относятся ли графики и рисунки к интерпретации, либо к оформлению результатов анализа и интерпретации? Усложняет понимание вопроса следующее определение, используемое в словаре: «Эмпирическая интерпретация – это метод демонстрации (показа) пути перехода от теоретических представлений о полученных данных к практике описания, объяснения, анализа и применения с помощью показателей и индикаторов» [там же, с. 268].

Окончательно заводит ситуацию в «тупик» следующий вывод: «Говоря об интерпретации, исследователь часто, не анализируя смысла полученных результатов, не имея точного представления о том, что же такое их интерпретация, по существу, накладывает на эти результаты свое собственное видение тех процессов, которые он намеревается изучать с помощью использованного математического метода. Полученные выводы служат выражением такого видения, а не итогом действительного математического анализа данных». И далее: «Нам представляется, что претензии, часто предъявляемые к математическим методам (например, утверждение, что с их помощью получаются лишь тривиальные результаты, известные исследователю до всякого применения математики), в значительной мере объясняются неумением интерпретировать результаты математического анализа социологических данных» [Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях 1987, с. 8–9].

Разбираясь в сути проблемы, есть смысл сначала ответить на вопрос – что интерпретируется? Казалось бы, ответ очевиден – социальные факты, фиксируемые и обобщаемые в ходе социологического исследования. Однако не все так очевидно и понятно. Начнем с того, что социальные факты рассматриваются как в онтологическом, так и гносеологическом плане. Об этом достаточно подробно писали классики отечественной социологии, например, В. А. Ядов. Он же достаточно основательно и структурировал их: «(а) совокупные, систематизированные характеристики массового поведения; (б) совокупные, систематизированные характеристики массового сознания; (в) совокупные,

обобщенные характеристики продуктов человеческой деятельности, материальной и духовной; (г) ... отдельное событие, случай, состояние социального взаимодействия...» [Ядов 2001, с. 43–44]. Фиксируемые социальные факты имеют свое неформализованное, как и формализованное (как правило, числовое) выражение. Неформализованный факт может определенное число раз повторяться, числовые формализованные конструкции отражают математические и статистические связи и отношения. Все эти проявления еще не являются социальными показателями. Именно в процессе интерпретации они приобретают определенное смысловое содержание, становятся фактами научными и вводятся в социологическую теорию. Очевидно также, что, например, любая числовая величина может быть проинтерпретирована с различных точек зрения, исходя из той теоретической концепции (концепций), которая выбрана исследователем и реализована в авторской теоретической модели, ее познавательном формате (объект, предмет, цель, задачи, гипотезы). Поэтому правильнее было бы говорить, отвечая на поставленный вопрос, что интерпретируются не факты и не события. Непосредственным предметом интерпретации выступают некоторые формальные значения (величины): доли, баллы, числа, проценты, коэффициенты и пр., а также высказывания, выборы градаций шкал, которые мы и называем эмпирическими данными. (Хотя корректнее говорить о формализованных и неформализованных эмпирических данных, т. е. данных, полученных в опыте.) Только наполняясь определенным содержательным смыслом, они становятся показателями, обнаруживающими наличие / отсутствие, степень выраженности чего-либо в изучаемом объекте (социальной проблемы, состояния, тенденции и пр.).

Но при этом авторская теоретическая модель должна быть теоретически и эмпирически объяснена, проинтерпретирована, иначе она не может быть ни понята, ни изучена. То есть, представлена в некоторой конструкции (как правило, формальной), в которой различные факты действительности, описываемые научными понятиями (т.е. теоретически определенными), реализованы в системе связей и отношений. Причем, понятно, что такая конструкция будет лишь моделировать реальную действительность, связывая и структурируя наиболее существенные факты и отношения. Например, изучая политическую активность молодежи, исследователь конструирует теоретическую модель явления, выделяет наиболее существенные признаки,

характеризующие эту активность (допустим, участие в выборах, в митингах, в акциях, пикетах, онлайн-активность и пр.), описывает ее в операциональных понятиях, находит индикаторы, формулирует гипотезы и алгоритм их проверки. Далее эти индикаторы измеряются, фиксируются, обобщаются, группируются, формируя эмпирические данные для последующего анализа и интерпретации.

Обобщая сказанное, можно увидеть некий постоянный взаимный переход от теоретического конструирования к сбору, обобщению и анализу эмпирических социальных фактов и обратно к теории. Именно этот постоянный интерпретационный взаимопереход, часто плохо осмысливаемый молодыми исследователями, и позволил, собственно, говорить, с одной стороны, об интерпретации первичной теоретической модели, исходных (априорных) данных. С другой – об интерпретации результатов анализа эмпирических данных, или об интерпретации результатов применения математического метода (в формализованной математической конструкции). «Таким образом, процесс интерпретации в определенном смысле двойственен, результаты измерения вместе с теми соотношениями между ними, которые моделировались при измерении, отображаются в более сложную формальную систему (когда мы говорим о «не участвовавших» в процессе измерения, но предположительно выполняющихся для них соотношениях) и одновременно в определенные содержательные представления (когда мы говорим о том, чему в реальности этот более сложный формализм соответствует)» [Интерпретация и анализ данных ... 1987, с. 14]. Первый вид Ю. Н. Толстова называет «интерпретацией исходных данных», второй – «интерпретацией результатов применения математического метода, интерпретацией результатов анализа».

Чтобы завершить разговор об исходной интерпретации, еще раз процитируем Ю. Н. Толстоу: «Использовавшуюся при измерении математическую систему в сочетании со всеми описанными ее свойствами будем называть *интерпретацией исходных данных* (выделено нами. – В. П.). Таким образом, интерпретация исходных данных – это используемая в процессе применения математического метода формализация фрагмента реальности, интересующего социолога» [там же, с. 13]. И сразу оговоримся, что предметом нашего рассмотрения является не она, хотя и она сама по себе весьма сложна, нетривиальна и очень важна для последующей интерпретации эмпирических данных.

Понимание интерпретации результатов анализа эмпирических данных, с нашей точки зрения, должно вестись в русле определения ее как приписывания некоторым конструкциям определенного содержательного смысла, значения, либо как совокупности значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементам какой-либо естественнонаучной или абстрактно-дедуктивной теории. Такие конструкции в эмпирическом социологическом исследовании выступают в виде формальных выражений (числа, символы, цифровые данные, математические выражения связей и отношений, статистические показатели и пр.). Эти конструкции появляются после измерительных процедур, сбора первичной эмпирической информации, в ходе ее обобщения, переформирования и анализа в соответствии с заложенным алгоритмом обработки данных. Это как раз и дает основания называть такую процедуру «интерпретацией результатов применения математического метода», или «интерпретацией результатов анализа».

Сформулируем свое определение. *Интерпретация результатов анализа эмпирических данных социологического исследования* – процесс, совокупность процедур содержательного истолкования результатов анализа, описания и объяснения различных данных, полученных в ходе сбора эмпирической информации.

Очень близкое по смыслу определение дают авторы уже цитируемой классической работы, правда, применительно к исходным формализованным конструкциям: «Интерпретация результатов анализа – это некоторый процесс приписывания содержательного смысла полученным в результате применения метода формальным символам, выражением, отношениям и т. д.» [Интерпретация и анализ данных ... 1987, с. 16].

Еще один вопрос: когда подобная интерпретация осуществляется? Очевидно, что интерпретация результатов анализа осуществляется после сбора первичных эмпирических данных, их обобщения и анализа. Подобное объяснение, истолкование, как правило, организационно включено в третий этап эмпирического социологического исследования – этап обработки и анализа данных, в качестве одной из заключительных процедур. Согласитесь, что подобная процедура является не только одной из важных, но я бы сказал – ключевой, ибо даже проанализированные данные могут так и остаться невостребованными процентами, коэффициентами, индексами и т. п., пока не будут сформулированы, осмыслены, истолкованы и включены в научное социологическое знание содержательные выводы.

Методологические принципы осуществления интерпретационных процедур в социологическом исследовании

Поскольку формат данной статьи построен в проблемном ключе, сохраним его, сформулировав еще один методологический вопрос: как должна осуществляться интерпретация результатов анализа эмпирических данных? Отвечая на этот вопрос, отметим, что абстрактно велик соблазн попытаться разработать четкий формальный алгоритм (технологию) такой интерпретации. Однако, сталкиваясь с различными задачами, форматами данных, а также получаемыми в результате разных видов анализа показателями, данными, значениями и т. п., приходим к выводу, что такое практически невозможно. Однако возможен поиск некоторых системных *методологических принципов осуществления интерпретации результатов анализа эмпирических данных социологического исследования.*

Прежде всего (первый принцип), целесообразно сфокусировать внимание на такой важной и, в какой-то степени, тривиальной методологической установке, как четкая ориентация на цель, задачи, гипотезы исследования. Очевидно, что результаты интерпретации должны четко и однозначно отвечать на поставленные вопросы, задачи исследования, подтверждать либо опровергать выдвинутые гипотезы, что достигается далеко не всегда. И проблема здесь не только в недопонимании важности соблюдения этого принципа. Дело в том, что интерпретация результатов анализа, выбор интерпретационных схем, моделей – процесс творческий. Его, практически невозможно формализовать. Как замечал В. А. Ядов: «Построение интерпретационных моделей – сугубо творческая, неформализованная операция. Здесь лидируют знания, теоретическая подготовленность, практический опыт, лексика, интуиция, гражданская ответственность исследователя» [Ядов 2001, с. 384]. При этом, с одной стороны, любая интерпретация конкретна, предметна (непосредственно связана с предметным содержанием конкретной социальной ситуации), ситуативна, и, соответственно, уникальна и своеобразна. С другой – вариативна, многозначна в том смысле, что любое числовое значение, коэффициент, факт могут быть проинтерпретированы с различных точек зрения, характеризовать различные явления. Возможна ли формализация и алгоритмизация интерпретационных моделей в таких условиях? Ответ, как будто, однозначный.

Интерпретационные модели можно сгруппировать и схематизировать в абстрактно-содержательном плане, и шире – в методологическом. Так, в ряде работ [Ядов 2001; Толстова 1991], а также в одной из предыдущих моих статей речь велась о моделях анализа данных. Эти модели отражают обобщенную абстрактно-логическую цель и задачи анализа. Соответственно, и модели интерпретации результатов анализа должны быть, опять же в абстрактно-логическом содержании, непосредственно связаны с моделями анализа. Это необходимо и обязательно в интерпретационной деятельности.

Можно рассмотреть пять таких обобщенных интерпретационных схем:

- описательные (ориентированные на целевое описание состояния объекта, изучаемого явления или процесса, его наиболее полную обобщающую характеристику, оценку, типологизацию);
- аналитико-структурные (ориентированные на описание и разъяснение структуры явления или процесса, составляющих его компонентов);
- аналитико-объяснительные (ориентированные на выявление причин, условий, объяснение состояния социального объекта, составляющих его компонентов);
- прогнозно-аналитические (ориентированные на прогнозирование состояния социального объекта, составляющих его компонентов, выявление тенденций развития, последствий);
- проектно-технологические (ориентированные на разработку и проектирование наиболее эффективных путей и средства оптимального (нормативного, желаемого) развития социального объекта, составляющих его компонентов).

Очевидно, что такая четкая содержательная ориентация позволит выбрать наиболее эффективные интерпретационные процедуры, «включить» эмпирические данные в контекст описания и объяснения.

Второй принцип интерпретации результатов анализа данных связан с пониманием сущностного и содержательного различия теоретической интерпретации и интерпретации данных социологического исследования при согласованности их осуществления. Теоретическая интерпретация имеет целью выделить, истолковать основные и опорные понятия исследования, описывающие интересующий исследователя фрагмент социальной реальности, разъяснить их и с их помощью осуществить системный анализ объекта исследования,

описать концептуальную модель. Некоторые исследователи называют такую интерпретацию исходной теоретической.

Интерпретация данных социологического исследования осуществляется в тех же терминах и понятиях, в которых осуществлялась теоретическая интерпретация. Ибо содержание интерпретации данных социологического исследования во многом определяется той теоретико-методологической моделью, которая заложена в основание теоретической концепции автора. В данном контексте есть смысл вести речь не только о парадигмальной и теоретической ориентации исследователя, но и, главным образом, ее реализации в конкретной теоретической модели. Например, этноконфессиональная напряженность рассматривается как некоторая готовность к определенным действиям (бездействиям), либо как конфликтная поведенческая активность. В политической активности только проявляются политические настроения или активность – это и есть настроения.

«При интерпретации результатов применения математического метода в социальных науках, на наш взгляд, необходимо ее согласование с интерпретацией исходных данных» [Интерпретация и анализ ... 1987, с. 16]. Этот принцип авторы пособия называли «принципом согласования интерпретаций». Причем, он должен активно использоваться как при теоретической интерпретации, так – и это особенно важно – на следующих этапах анализа и интерпретации данных социологического исследования.

И теоретическая концептуальная модель, и эмпирическая модель, и методика сбора данных, и модель анализа, а также интерпретация результатов анализа, должны быть связаны. Например, теоретико-методологические конструкции автора и выбранная (опросная) методика сбора данных реализуют каузальную зависимость трудовой мотивации от ряда социальных характеристик (допустим, возраста, материального положения семьи и др.). Опросными методиками выявлены субъективные оценки связи этих характеристик с трудовой мотивацией. Можно ли интерпретировать эти оценки как причины-факторы мотивации? Думаю, нет. Дело в том, что реальное влияние ряда социальных характеристик на мотивацию и субъективная оценка этого влияния респондентами могут существенно различаться.

Третий принцип связан с возможностью, а порою и необходимостью, при интерпретации результатов анализа дополнять получаемые (в результате применения метода) формализованные значения

создаваемыми аналитическими и интерпретационными форматами, способами формального представления и оценки этих значений. «Чтобы применение метода было эффективным, необходимо, чтобы содержательные соображения, не отразившиеся в интерпретации исходных данных, нашли выход при интерпретации результатов применения метода. В этом и состоит ... – принцип дополнения формализма» [Интерпретация и анализ ... 1987, с. 20].

Например, если модель исходных данных и процесс измерения реализовывали целевую ориентацию исследователя на построение некоторого статистического индекса (например, простейшего, как разницы между процентным количеством «одобряющих» и «не одобряющих»), то интерпретация будет заключаться в содержательной оценке значения полученного индекса в соответствующей интервальной шкале, формальной модели оценки и констатации содержательного вывода о состоянии характера «одобрения / неодобрения» чего-либо в этой шкале. Эта шкала, как правило, появляется не в процессе теоретической интерпретации или построения эмпирической модели, и даже не при разработке алгоритма обработки данных. Конструирование шкалы индексной оценки осуществляется после расчета индекса, поиска необходимых мер центральной тенденции, вариации, получения континуума значений.

Или, например, дополняя данные корреляционного анализа, мы можем не только оценить величину и направленность каждой попарной или множественной связи, но, используя принцип дополнения формализма, выявить корреляционные «сгустки» (близкие по величине корреляции объекты) и интерпретировать их как группы (классы), схожие по ряду характеристик.

Четвертый принцип можно сформулировать как важность и необходимость «восходящей» интерпретации. Очень часто интерпретационная логика, особенно начинающего исследователя, при анализе формализованных данных, а тем более, неформализованных, подменяется, «идет» за логикой респондентов. Такие исследователи попросту обобщают (подсчитывают частоты), группируют и пересказывают субъективные реакции респондентов, забывая о задачах и гипотезах. Например, описывая образ «идеальной семьи», студенты зачастую пересказывают «желаемый образ семьи», реализуемый в вопросах (типа: «Как вы считаете, кто в семье должен быть главным?»), «эффективность» подменяют «результативностью» и т. п.

Необходимо качественно перейти от индикаторно-оценочной характеристики данных к описательно-объяснительному анализу содержания изучаемых явлений и процессов. Зачастую, получив только частотное распределение, начинающие исследователи не могут проникнуть (подняться) в содержание изучаемого объекта. Интерпретация начинается и упирается в схему: там-то процентов больше, а там – меньше; здесь показатель связи такой-то. А что из этого «вытекает» для интерпретационного вывода, понимания нет. Некоторые говорят о необходимости развития интуиции. Мы же говорим: вспомните свои задачи и гипотезы!

Ю. Н. Толстова, характеризуя необходимость восходящей логики интерпретации, вводит еще одно понятие – первичная интерпретация применения метода. «Назовем первичной интерпретацией результатов применения математического метода естественную, отвечающую методу интерпретацию идентифицированных в процессе применения метода параметров предполагаемой методом модели» [Интерпретация и анализ ... 1987, с. 16]. Например, в описательном статистическом анализе это интерпретация относительной величины конкретного значения признака (процентных распределений) в определенных содержательных выводах (констатация величины, модального значения и пр.), а также интервальное оценивание этих значений, осуществляемое в выборочном исследовании. В корреляционном анализе это интерпретация величины и направленности коэффициента корреляции, в регрессионном – интерпретация коэффициентов уравнения регрессии, критериальная оценка их статистической значимости и пр. В классификационном анализе – констатация попадания объектов в определенный класс и определение величины этого класса.

Продолжая эту логику, можно говорить и о вторичной интерпретации результатов применения математического метода, под которой есть смысл понимать истолкование полученных параметров первичной интерпретации в соответствии с формальной моделью заданных отношений между элементами измеряемой эмпирической системы, спроектированных в теоретической интерпретации исходных данных. Например, интерпретируя процентные распределения, мы не только констатируем их наличие, величину, но и величину различия как друг относительно друга (насколько и во сколько раз больше – меньше с учетом статистически значимого различия), так и относительно некоторой абстрактной величины (средней,

модального значения и пр.). То есть в интерпретации важны и необходимы дополнения интерпретационного формализма не только за счет очевидности интерпретации исходных данных, а с точки зрения анализа «содержательных последствий».

Пятый принцип можно было бы коротко назвать так – принцип интерпретационно-операционального единства. Смысл его заключается в необходимости учета свойств операциональной системы, отображенных в эмпирической модели и методике анализа при интерпретации данных. «А как же иначе?» – спросит вдумчивый читатель. Ведь коль скоро мы операционализировали тот или иной индикатор к шкале соответствующего типа, вида, формы, размерности, то интерпретировать полученные значения мы должны соответствующим образом, в содержании и размерности используемой шкалы. Действительно, не выглядит обоснованным интерпретационный вывод по поводу, например, средней частоты посещений кинотеатров в месяц (значение – 3,2; шкала абсолютная, от 0 до 10), в следующей редакции – «респонденты не любят художественный отечественный кинематограф». Как минимум, потому, что измерительная шкала оценивала частоту посещений кинотеатров, а не любовь к отечественному кинематографу. Уже не говоря о причинах посещения / непосещения кинотеатров.

Рассматриваемый принцип акцентирует внимание исследователя на необходимости и важности учета особенностей восприятия, субъективных реакций, оценок респондентов, реализуемых в социологическом инструментарии. Приведем еще один пример, реализованный в учебном, разведывательном исследовании. Измерялась степень удовлетворенности условиями обучения в вузе по однотипной пятизвенной шкале на одной и той же совокупности респондентов. При этом изменен был лишь содержательный континуум значений. В первом варианте: от «максимально удовлетворен» до «максимально не удовлетворен». Во втором (в качестве контрольного): от «полностью удовлетворен» до «практически не удовлетворен». Результаты только по крайним позициям «максимально удовлетворен» – «полностью удовлетворен» дали различие почти в 10 %, а по вариантам «максимально не удовлетворен» – «практически не удовлетворен» – почти 25 %. Очевидно, что содержательная близость вариантов вовсе не дает основания интерпретировать их как равнозначные, а уж тем более идентичные.

Шестой принцип интерпретации результатов анализа данных акцентирует внимание на необходимости оценки статистической значимости результатов применения того или иного формализованного метода в выборочном исследовании. Понимаем, для знающих специалистов это звучит тривиально, но вынуждены напомнить, что практически любой формализованный показатель должен быть статистически оценен, т. е. должна быть определена и оценена доверительная вероятность и границы перенесения этого выборочного значения на истинное значение в генеральной совокупности. Или, другими словами, должны быть определены доверительные интервалы оценки интерпретируемых параметров. Конечно же, при определенном уровне значимости, задаваемой ошибкой выборки. Причем, это касается как обобщенных статистических показателей (средней, дисперсии), так и долей, различных коэффициентов и пр. Хочется подчеркнуть, что в интерпретационном выводе корректно указывать оценку статистической значимости полученного показателя. А вот эти процедуры проверки статистических гипотез начинающие исследователи, и не только, выполняют особенно неохотно, либо по причине слабого знания данного раздела математической статистики, либо недопонимания их важности при интерпретации данных анализа.

Седьмой принцип связан с обязательностью триангуляционных процедур повышения обоснованности интерпретации результатов анализа данных. Триангуляция (от лат. *triangulum* – *треугольник*) – метод определения положения геодезических пунктов построением на местности систем смежнорасположенных треугольников. В общественных науках триангуляция рассматривается как процесс измерения одного и того же показателя с помощью не менее чем трех методов с целью подтверждения каких-либо результатов, в данном контексте – выводов содержательной интерпретации результатов анализа эмпирических, математико-статистических данных.

Необходимость, как, собственно, и возможность подобных процедур, даже в условиях вариативности и многозначности интерпретации данных социологических исследований, как будто не вызывает сомнения у ученых, в том числе и у обществоведов. Однако конкретных приемов и способов предлагается мало. Более того, часто содержательные выводы не обосновываются триангуляционными методами подтверждения. Тогда как научная культура анализа и интерпретации этого настоятельно требует.

Заключение

Опираясь на анализ некоторых источников, можно предложить следующие процедуры триангуляции содержательных выводов интерпретации [Тезаурус социологии 2013, кн. 2, с. 308].

Во-первых, речь может идти о формулировании интерпретационных выводов на основе сравнительного анализа данных, полученных из разных источников. В рамках данной процедуры целесообразно привлекать к выводам, использовать результаты других исследований по анализируемой проблеме. Это дает возможность сопоставить данные, результаты, выводы и тем самым повысить обоснованность осуществляемой интерпретации. Так, например, разработав некоторую типологию, нелишним будет собрать и сопоставить информацию о типах, выведенных в других исследованиях. Собственно, даже сравнение статистических данных по одинаковым признакам будет не только нелишним, но и крайне полезным для интерпретации.

Во-вторых, интересным и полезным триангуляционным приемом становится известный в общественных, и не только, науках темпоральный анализ – сравнение и анализ данных, полученных в разное время с помощью одних и тех же, либо сходных измерительных и аналитических методов. Так, например, измерение удовлетворенности с определенным временным лагом позволяет не только сравнить и, возможно, подтвердить изучаемый уровень, но и проанализировать причины существенности различий в данных, если подобные были зафиксированы.

В-третьих, важной процедурой может выступать методическая триангуляция, предполагающая использование различных методов для оценки и анализа изучаемого явления. Это, прежде всего, относится к различному измерительному инструментарию, что дает возможность сопоставить данные и, соответственно, сделать обоснованные интерпретационные выводы.

Пожалуй, по уже используемой аналогии в качестве триангуляционных процедур можно использовать сравнение данных по различным социальным (возрастным, гендерным, территориальным и пр.) группам. И это, *в-четвертых*. Причем, такое сравнение может выступать как показателем схожести, так и различия в формулируемых выводах. Например, в ряде исследований некоторые показатели политической активности молодежи «убеждают» практически в полной

ее отсутствии по сравнению, например, с гражданами старших возрастных групп. Особенно, когда в качестве таких показателей рассматривается электоральная активность, членство в общественно-политических объединениях, партиях, участие в митингах и т.п. Однако не учитывается широкий пласт онлайн активности молодежи, особенно в социальных медиа и пр. Кстати, исследователь, видимо, должен был усомниться в корректности эмпирических данных, фиксирующих незначительное отличие офлайн политической активности граждан различных возрастных групп.

И, наконец, *в-пятых*. Думается, что наибольшим триангуляционным эффектом могут обладать данные мысленного и натурального экспериментирования, получаемые на основе повторных и сравнительных исследований. Кстати, огромными возможностями в этом обладают методики экспертного опроса и анализа.

В любом случае, обоснованность получаемых выводов, качество и глубина интерпретации данных социологического исследования определяются качеством и глубиной разработки программы социологического исследования – от анализа проблемной ситуации до описания алгоритма обработки данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М. : Наука, 1986. 280 с.
- Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях / отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М. : Наука, 1987. 255 с.
- Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. М. : Наука, 1989. 175 с.
- Социология: Словарь-справочник. Социологическое исследование: Методы, методика, математика и статистика. М. : Наука, 1991. Т. 4. 375 с.
- Социология и математика: сб. избр. тр. Ю.Н. Толстой. М. : Научный мир, 2003. 324 с.
- Социологическая энциклопедия : в 2. т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; [Науч. ред. В.Н. Иванов (гл. ред.) и др.]. М. : Мысль, 2003. 863 с.
- Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии: учебное пособие. М. : NOTA BENE, 1999. 224 с.
- Тезаурус социологии : тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований. 415 с.

Толстова Ю.Н. Логика математического анализа социологических данных. М. : Наука, 1991. 110 с.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет, 2001. 596 с.

REFERENCES

Batygin G. S. Obosnovanie nauchnogo vyvoda v prikladnoj sociologii. M. : Nauka, 1986. 280 s.

Interpretacija i analiz dannyh v sociologicheskikh issledovanijah / otv. red. V.G.Andreenkov, Ju.N.Tolstova. M. : Nauka, 1987. 255 s.

Matematicheskie metody analiza i interpretacija sociologicheskikh dannyh. M. : Nauka, 1989. 175 s.

Sociologija: Slovar'-spravochnik. Sociologicheskoe issledovanie: Metody, metodika, matematika i statistika. M. : Nauka, 1991. T. 4. 375 s.

Sociologija: Slovar'-spravochnik. M. : Nauka, 1990, 386 s.

Sociologija i matematika: sb. izbr. tr. Ju.N.Tolstovoj. M. : Nauchnyj mir, 2003. 324 s.

Sociologicheskaja jenciklopedija : v 2. t. / Nac. obshhestv.-nauch. fond ; [Nauch. red. V.N.Ivanov (gl. red.) i dr.]. M. : Mysl', 2003. 863 s.

Tatarova G. G. Metodologija analiza dannyh v sociologii: uchebnoe posobie. M. : NOTA BENE, 1999. 224 s.

Tezaurus sociologii : tematicheskij slovar'-spravochnik / pod red. Zh. T. Toshhenko. M. : JuNITI-DANA, 2013. Kn. 2. Metodologija i metody sociologicheskikh issledovanij. 415 s.

Tolstova Ju. N. Logika matematicheskogo analiza sociologicheskikh dannyh. M. : Nauka, 1991. 110 s.

Jadov V. A. Strategija sociologicheskogo issledovanija. Opisanie, ob#jasnenie, ponimanie social'noj real'nosti. M. : Dobrosvet, 2001. 596 s.

УДК 316.62

А. В. Саблуков

доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: asablukov@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С конца прошлого века и по сегодняшний день российское общество находится в процессе постоянных преобразований, затрагивающих интересы всего без исключения населения страны. Это, в свою очередь, вызывает необходимость научного осмысления как содержания и последствий происходящих изменений, так и реакции на эти изменения со стороны различных категорий граждан России. Социологическая наука, с учетом характера и динамики российских трансформационных процессов, опираясь на опыт и наработки других наук и на собственный методологический и методический аппарат, предлагает ряд показателей, характеризующих отношение россиян к происходящим преобразованиям. Одним из таких показателей является политическое настроение. В настоящее время усилия социологов сосредоточены не только на содержательном анализе категории «политическое настроение», но и на отработке методологии и методики их исследования.

Ключевые слова: социальные настроения; политическое настроение; концепции; методология исследования; показатели.

A.V. Sabloukov

Doctor of sociological sciences, associate professor, professor,
Department of Sociology, Institute of International Relations
and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: asablukov@mail.ru

POLITICAL MOOD AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

From the end of the previous century till nowadays Russian society has been experiencing constant transformations that engage interests of the entire population. This, in turn, causes a need for scientific understanding both of the content and the consequences of occurring changes, and the reaction to these changes on the part of various categories of Russian citizens. Taking into account the character and dynamics of Russian transformations and experience of other sciences, sociological science offers a number of indicators which measure attitudes of Russian citizens to the ongoing transformations. Political moods constitute one of such indicators. At present sociologists' efforts are concentrated not only on meaningful analysis of the category "political mood", but also on methodology optimisation of the technique of the research.

Key words: social mood; political mood; concepts; study methodology; indicators.

Введение

Одним из показателей, к которому традиционно обращаются исследователи при оценке политической ситуации в обществе, является политическое настроение. Наибольший интерес, как правило, к этой проблеме проявляется в период подготовки и проведения значимых политических мероприятий: выборы, референдумы, крупномасштабные политические и другие преобразования, затрагивающие интересы широких слоев населения и пр. Особое значение исследование политических настроений приобретает в период глубоких трансформационных преобразований политических институтов общества. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, политические настроения в значительной степени предопределены характером этих преобразований, а, с другой – отражают реакцию общества на планируемые и происходящие изменения, степень их общественной поддержки, следовательно, в конечном счете, предопределяют достижимость планируемого результата.

Современные подходы к трактовке сущности понятия «политические настроения», методологии их исследования опираются на солидный фундамент различных теорий и методологических концепций, наработанных представителями различных наук. Не удивительно, что первыми, кто серьезно занялся этой проблематикой, стали философы.

Так Аристотель в своей работе «Политика» неоднократно обращает внимание на то, что общественные настроения являются важнейшим моментом жизни любого общества.

Не обошли вниманием эту проблему Николло Макиавелли, Этьен Кондильяк, Шарль Луи Монтескье и другие философы и мыслители нового и новейшего времени.

Существенный вклад в исследование политических настроений феномена внес К.Маркс. В целом ряде своих работ он рассматривает массовые настроения как наиболее значимые факторы политических изменений [Маркс 1983, с. 88].

Содержательный анализ категории «политическое настроение»

В XX в. политические настроения рассматривались как один из важнейших и очень подвижных факторов политики. Так, например, в работах В.И.Ленина можно найти целый ряд положений о роли настроений в революционной борьбе, противостоянии классов,

о динамике и политических настроениях различных слоев общества под влиянием различных факторов. Он выделял такие его разновидности, как «разочарование», «недовольство», «протест», «возмущение», «революционное настроение».

Настроения народов и масс было предметом исследования таких русских философов, как Н. Бердяев, И. Ильин, Л. Гумилев, Вл. Соловьев, В. Розанов, Е. и Н. Трубецкие, С. Франк и многие другие.

Проблема политического настроения продолжает оставаться в центре внимания и современных отечественных философов. В связи с этим уместно упомянуть таких ученых, как А. Х. Бугазов, Ю. В. Набоков, М. И. Добрынина. Как справедливо пишет А. Х. Бугазов, «понимание общественных связей во всей их полноте невозможно без изучения законов, по которым происходят колебания общественных и массовых настроений» [Бугазов 2000, с. 19].

В свою очередь Ю. В. Набоков характеризует настроение как определенным образом сформировавшееся эмоциональное состояние [Морев, Каминский 2014, с. 9].

Особо следует отметить вклад психологов в разработку понятия «политические настроения». Основоположником психоаналитического подхода к исследованию массовых настроений стал З. Фрейд. В дальнейшем наиболее последовательным представителем этого направления стал его ученик, неотрейдист В. Райх.

Не остались в стороне от данной проблематики и отечественные ученые. Первые попытки определения сущности, природы, структуры и функций социальных настроений были представлены работами В. М. Бехтерева, П. П. Викторова, В. Н. Осипова и других. В 1960-х гг. появляется специальное исследование, анализирующее феномен общественного настроения, автором которого является Б. Д. Парыгина. За ним последовали работы Б. Ф. Поршнева и А. К. Уледова. Именно эти труды можно рассматривать как фундамент современных исследований политических настроений.

Непосредственно проблематике политических настроений посвящены работы таких ученых, как Д. В. Ольшанский, А. В. Четвериков, Т. В. Плотникова [Ольшанский 2001; Плотникова 2004; Четвериков 1999].

Как считает Д. В. Ольшанский, политические настроения стали активно формироваться в середине XX в. Он связывает это с процессом качественного и количественного увеличения влияния масс

в политике. По мнению ученого, массовое промышленное производство способствовало росту потребностей у людей, вовлеченных в этот процесс. Кроме того, средства массовой информации стимулировали их готовность к участию в массовых акциях, формируя установки на определенное политическое поведение. В качестве основных категорий, определяющих политические настроения, ученый рассматривает политическую культуру, политическое сознание и политическое поведение. Настроение, по мнению автора, определяется ожиданиями людей, их интересами и потребностями, а также реально происходящими событиями. Не реализованные потребности формируют готовность к действиям [Ольшанский 2001, с. 200–201].

Ученый дает собственное определение изучаемому социальному феномену. Он рассматривает политическое настроение как схожую для определенной массы людей субъективную, сложную сигнальную реакцию, особые переживания, отражающие степень удовлетворенности складывающейся социально-политической ситуацией, оценку возможности реализации своих потребностей и притязаний, а также стремление к изменению условий ради реализации этих потребностей и притязаний. Как полагает ученый, политическое настроение присуще как единичной личности, так и социальным группам и общностям.

Д. В. Ольшанский полагает, что процесс формирования политических настроений проходит несколько этапов [Ольшанский 2001, с. 204]:

1. Глухое брожение и зарождение настроений, в основе которого лежит ощущение социального дискомфорта, неосознанное недовольство.

2. Накопление и кристаллизация настроений, обусловленные осознанием и формированием политически направленной неудовлетворенности. Индивиды уже точно знают, чем они недовольны.

3. Максимальный подъем, проявляющийся в конкретных политических действиях. На данной стадии политические настроения приобретают уже массовый характер.

4. Разрешение или спад настроений. Поводом может быть как достижение желаемого результата, так и потеря надежды на его получение.

5. Начало нового подъема. Политические настроения носят циклический характер, и, как только потребности и стремления к их реализации возрастают, начинается новый подъем.

Д. В. Олышанский считает, что политическое настроение напрямую зависит от ожиданий индивидов, социальных групп или масс людей, с одной стороны, и объективной социальной реальности с другой. Политические настроения особо ярко проявляют себя при несоответствии ожиданий и социальной реальности. Эти противоречия остро переживаются и индивидами и массами, и они (противоречия) могут носить как негативный (выражающийся в недоверии к власти, которая не способна соответствовать ожиданиям людей), так и позитивный характер (поддержка власти, оправдывающей ожидания масс) [Олышанский 2001, с. 204].

А. В. Четвериков предлагает изучать политические настроения в контексте реально общественного сознания. Он опирается на функциональный анализ как на методологическую основу. В качестве основных функций политических настроений исследователь рассматривает сигнальную, политико-психологической подготовки и формирования массового субъекта потенциального политического действия, инициирования и регулирования массового политического поведения [Четвериков 1999].

Свой подход к пониманию политического настроения демонстрирует Т. В. Плотникова. Она трактует его как эмоционально-оценочный показатель вовлеченности населения в политику, отражающий степень его адаптированности к политическому режиму и доминирующим ценностям. Кроме того, Т. В. Плотникова выделяет негативные, нейтральные и позитивные политические настроения. Негативные отражают несоответствие политических ожиданий реальности, что может привести к обострению социально-политической обстановки и способствовать развитию конфликта. Негативные политические настроения могут вызвать массовые акции протеста, митинги. Нейтральное настроение сопровождается политической апатией, снижением доверия к власти и политике в силу определенных обстоятельств. Позитивное настроение выражает политический оптимизм и предполагает активное участие людей в политике, ожидание победы на выборах, участие в митингах и других мероприятиях в поддержку власти [Плотникова 2004, с. 25].

Отдельно следует сказать о вкладе, который внесла в исследование политических настроений отечественная историческая наука. Одним из первых, кто исследовал роль массовых настроений в политическом процессе, был известный российский историк В. О. Ключевский.

В его работе, связанной с описанием последствий Смуты, есть специальный раздел «Настроение общества», в котором прослеживается связь политики с настроениями масс [Ключевский 1988, с. 83–84].

Анализ отечественной историографии свидетельствует, что спектр исследований политических настроений отечественными историками достаточно широк и охватывает различные аспекты этой проблематики с начала XIX века по сегодняшний день [Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы 2007; Надеждина, Кайбушева 2010; Предтеченский 1941; Токарев 2004; Трофимов 2005].

Социологический подход к исследованию социальных настроений

Опыт анализа политических настроений в философии, истории психологии и других науках послужил основой для выработки методологии исследований данной проблематики в социологии. Общеметодологические подходы к содержательному анализу политических настроений как одного из проявлений социальных настроений представлены в работах таких ученых, как Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко, Б. Д. Парыгина, В. С. Каминский, В. В. Петухов и др. [Морев, Каминский 2014; Парыгин 1998; Петухов 2012; Социальное настроение 1996; Тощенко 1998].

Важнейшую роль в формировании социологического подхода к пониманию сущности социальных настроений в целом и политических настроений в частности сыграла монография «Социальное настроение» Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко. Предложенная ими концепция исходит из того, что социальное настроение обладает такими сущностными чертами, как:

- одновременное влияние на социальное настроение объективных и субъективных факторов;
- явно выраженное влияние предшествующего опыта, его соотношение с настоящим и с событиями личной жизни;
- проявление реального сознания, управляющего жизнью человека в конкретный момент времени;
- практическая готовность к действию, являющаяся составляющей поведенческого компонента;
- возможность прогнозирования направленности социального настроения и последующего поведения.

Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко дают следующее определение социальному настроению: «Это целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или не реализуемых) в практической деятельности» [Тощенко 1998, с. 32].

Дальнейшую разработку социологического подхода к исследованию социальных настроений можно увидеть в трудах М. Б. Бакусовой, Н. А. Власовой, С. О. Саскудаевой, И. Н. Яценко и др. [Бакусева 2006; Власова 2014; Саскудаева 2009; Яценко 2006].

Так, С. О. Саскудаева считает, что социальное настроение состоит из таких взаимосвязанных компонентов, как социальный и психологический, и является инструментом общественной регуляции [Саскудаева 2009, с. 52].

В свою очередь, М. Б. Бакусева выделяет такие уровни социального настроения, как социальное самочувствие, оценка и самооценка, социальные ожидания и притязания и социальная позиция [Бакусева 2006, с. 26]. Она также предлагает собственный подход к типологии социальных настроений, выделяя позитивные, негативные, безразличные и антисоциальные.

Анализируя структуру социального настроения, Н. А. Власова приходит к выводу, что оно состоит из рационального (оценка состояния социальной действительности) и эмоционального (отношение к этому состоянию) компонентов. В качестве основных уровней социального настроения она предлагает рассматривать личностный и общественный уровни. Само социальное настроение определяется в качестве целостной формы восприятия социальной действительности на общественном и личностном уровнях [Власова 2014, с. 33].

И. Н. Яценко важнейшей составляющей социального настроения рассматривает чувства. Сами же социальные настроения она определяет как «... в той или иной степени выраженное интегральное чувство (состояние чувств), переживаемое социальным субъектом в течение некоторого времени по поводу каких-либо социальных объектов и оказывающее определенное влияние на социальную деятельность этого субъекта» [Яценко 2006, с. 31].

Целый спектр работ посвящен описанию индикаторов, позволяющих оценить и описать социальные настроения. Так, например, в исследовании В. С. Каминского и М. В. Морева социальные настроения рассматриваются как интегрирующий показатель уровня благополучия, социальной устроенности и степени устойчивости [Морев, Каминский 2104]. В. В. Петухов исследует социальное настроение через интерес к политике, политическое участие и идеологические установки [Петухов 2012].

Анализируя феномен социального настроения, исследователи предлагают различные основания для их типологизации. Н. А. Власова за основу типологии социальных настроений берет степень их интенсивности. В связи с этим она выделяет слабые, умеренные и сильные настроения [Власова 2014]. М. Б. Бакусева делит социальные настроения в зависимости от отношения их участников к обществу. Соответственно, основными типами социальных настроений у него являются позитивные, негативные, безразличные и антисоциальные [Бакусева 2006].

Свою типологию социальных настроений предложили и авторы монографии «Социальное настроение» [Социальное настроение 1996]. С. В. Харченко и Ж. Т. Тощенко полагают, что социальные настроения можно делить по социальным субъектам и социальным объектам. В качестве субъектов социальных настроений они рассматривают личности, социальные группы (профессиональные, социально-демографические, этнонациональные) и социальные общности (от микро- до макроуровня). Объекты социальных настроений ученые предлагают выделять по сферам деятельности (политические, экономические, религиозные), по степени доминирования настроения (частные или общие), по степени позитивности или негативности и по степени удовлетворения социальных ориентаций.

Теоретические наработки социологов в области социальных настроений в целом и политических настроений в частности были использованы при проведении прикладных исследований.

Так, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) ежемесячно осуществляет мониторинг показателей, на основе которых выводится индекс социального настроения россиян. В качестве основных показателей индекса рассматриваются такие, как оценка политической обстановки, социальный оптимизм, материальное положение, удовлетворенность жизнью. Основная цель

мониторинга – выявить реакцию общества на происходящие события и спрогнозировать возможные проявления политических настроений. Методика расчета индекса основана на том, что исследуемые индикаторы рассчитываются как разница суммы положительных и суммы отрицательных оценок [Индексы социального самочувствия URL].

Среди политических индикаторов, которые характеризуют ситуацию в политической сфере и замеряются на постоянной основе, используются такие как электоральный рейтинг, доверие политикам, оценка властей различного уровня и протестный потенциал.

Собственная методика замера индекса социальных настроений (ИСН) существует и у Левада-Центра [Обновленная методика измерения индекса социальных настроений URL]. В ИСН входят такие частные индексы, как индекс текущего положения семьи, индекс текущего положения страны, индекс ожиданий, индекс оценки власти.

Достоинством ИСН, по мнению разработчиков, являются его прогностические возможности: возможные изменения политических настроений могут быть спрогнозированы исходя из изменений политического, экономического и социального характера. Методика расчета индекса Левада-Центра, как уже отмечалось, отличается от методики ВЦИОМ. Используемый в методике Левада-Центра совокупный индекс социальных настроений рассчитывается как средняя арифметическая из индивидуальных индексов. Интервал для оценки индекса социальных настроений от 0 до 200, где показания индекса ниже 100 говорит о преобладании негативных оценок.

Кроме расчета индексов, ведется постоянный замер целого ряда тематических индикаторов. Применительно к политическим настроениям это степень одобрения деятельности Президента и Правительства РФ, протестный потенциал, политические и экономические требования, оценка текущего положения дел в стране и регионах.

Свои исследования в сфере социальных настроений в целом и политических настроений в частности осуществляет и Фонд Общественное Мнение (ФОМ). Так, например, одним из проектов ФОМ является проект «Доминанты», предполагающий анализ политической ситуации по целому ряду направлений: протестный потенциал, настроения окружающих, динамика социально-экономической ситуации и т. д. [База данных ФОМ. Доминанты. Поле мнений URL].

Нельзя не отметить появившиеся в последнее время попытки не только концептуально оформить содержательный анализ категории

«политические настроения», но и предложить методику их исследования. Так, в исследовании политических настроений среди молодежи Вологодской области использовались такие показатели, как оценка респондентами политической обстановки в стране и регионе, уровень доверия со стороны молодежи основным государственным институтам, ее партийные и политические предпочтения, степень удовлетворенности различных групп молодых людей уровнем жизни.

Автор целого ряда публикаций по данной тематике А. Ю. Станевич определяет политическое настроение как «совокупность оценок политической жизни и политических ожиданий личности, определяющих ее политическое поведение» [Станевич 2014; Станевич 2017; Станевич 2018]. Содержание каждого из компонентов (оценки, ожидания и поведение), по мнению автора, раскрывается набором специфических показателей. Так, оценочный компонент может быть представлен совокупностью таких индикаторов, как оценка деятельности различных ветвей и уровней власти, начиная от Президента Российской Федерации и до местного уровня. Далее, это оценка проводимого властями политического курса, оценка степени демократичности общественно-политических отношений в стране и демократичности прошедших выборов. Наконец, это оценка деятельности оппозиции в стране. Ожидания молодежи, по мнению А. Ю. Станевич, достаточно объективно могут быть охарактеризованы ожиданиями от деятельности властей различного уровня, ожиданиями изменений различной направленности в основных сферах общественной жизни, ожиданиями (оправдавшимися и не оправдавшимися) от прошедших и предстоящих выборов. Еще один компонент политических настроений, установка на политическое действие, как считает А. Ю. Станевич, раскрывается такими показателями, как желание и готовность участвовать в различных видах и формах политической деятельности. Специфика политических настроений находится в прямой и опосредованной зависимости от целого ряда объективных и субъективных факторов. В качестве объективных факторов, влияющих на состояние и особенности политических настроений, автор особо выделяет трансформационные процессы, вызывающие изменения в основных институтах во всех сферах жизни российского общества.

Заключение

С учетом прогнозируемого многими социологами и политологами роста протестной составляющей в социальных настроениях россиян, можно предположить, что интерес властных структур, различных политических сил, а, следовательно и социологического сообщества, к состоянию социальных настроений в целом и политических настроений в частности в перспективе будет расти. Следовательно, весьма вероятно, что в ближайшее время мы сможем познакомиться и с новыми теоретическими наработками и с прикладными исследованиями данной проблематики. И если нынешний этап исследования политических настроений свидетельствует об опоре, прежде всего, на методики, в основе которых лежат количественные методы, то в условиях устойчивой тенденции к дальнейшей дифференциации российского общества будут востребованы и найдут применение качественные методики, которые позволят не только выявить специфику политических настроений относительно небольших социальных групп, но и строить прогнозы с учетом вероятных изменений социально – политической ситуации и реформирования политических институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- База данных ФОМ. Доминанты. Поле мнений // Фонд «Общественное мнение». URL: bd.fom.ru/map/dominant/ (дата обращения: 12.12.2018).
- Бакусева М. Б.* Телевидение как фактор формирования социальных настроений в российском обществе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
- Бугазов А. Х.* Общественное развитие и его социально-психологическое содержание: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Бишкек, 2000. 38 с.
- Власова Н. А.* Институциональные факторы формирования социального настроения жителей современного российского мегаполиса : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 24 с.
- Индексы социального самочувствия // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 05.06.2017).
- Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. Т. 3. Курс русской истории ; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. М. : Мысль, 1988. 414 с.
- Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы (по материалам нижегородских архивов): в 5 т. / Ин-т Российской истории РАН [и др.] ; редкол. А. А. Кулаков, А. Н. Сахаров (отв. ред.) [и др.] М. : Нижний Новгород : Ин-т Российской истории РАН, 2007. 661 с.

- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / предисл. Ф.Энгельса к 3-му нем. изд. ; под общ. ред. В. В. Адоратского ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). 3-е изд. М. : Парт. изд-во, 1932. 110 с.
- Морев М. В., Каминский В. С. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности // Проблемы развития территории. 2014. № 4. URL: cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-nastroenie-factory-formirovaniya-i-territorialnye-osobennosti (дата обращения: 25.12.2018).
- Надеждина В. А., Куйбышева П. М. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921–1929 гг.) : монография / М-во образования и науки РФ, Башкирский гос. ун-т. Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 147 с.
- Обновленная методика измерения индекса социальных настроений // Аналитический Центр Юрия Левады. URL: www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indekса-sotsialnykh-nastroenii-isn (дата обращения: 05.06.2017).
- Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 496 с.
- Плотникова Т. В. Политическое поведение в России. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2004. 284 с.
- Парыгин Б. Д. Анализ феномена и природы социального настроения // СОЦИС. 1998. № 5. С. 134–138.
- Петухов В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 54–62.
- Предтеченский А. В. Политические настроения в России в начале XIX в. и их отражение в правительственной деятельности: тезисы к дис. Ленинград : Ленингр. гос. ун-т, 1941. 7 с.
- Саскудаева С. О. Социальное настроение молодежи в условиях трансформации российского общества (на примере Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2009. 24 с.
- Станевич А. Ю. Политические настроения студентов вузов Москвы: социологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2014. Вып. 2(688). С. 183–192.
- Станевич А. Ю. Политическое настроение: генезис и характеристика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 4(788). С. 235–246.
- Станевич А. Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 254–272.

- Токарев С. В.* Политические настроения населения Советской провинции во второй половине 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземного региона): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2004. 22 с.
- Социальное настроение / Жан Тощенко, Сергей Харченко. М. : Academia, 1996. 195 с.
- Тощенко Ж. Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
- Трофимов Д. В.* Социально-политические настроения российского крестьянства в пореформенный период 1861–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. 29 с.
- Четвериков А. В.* Особенности социальных политических настроений в современных условиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 24 с.
- Яценко И. Н.* Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.

REFERENCES

- Baza dannyh FOM. Dominanty. Pole mnenij // Fond «Obshhestvennoe mnenie». URL: bd.fom.ru/map/dominant/ (data obrashheniya: 12.12.2018).
- Bakuseva M. B.* Televidenie kak faktor formirovaniya social'n'k nastroyenij v rossijskom obshhestve: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 24 s.
- Bugazov A. H.* Obshhestvennoe razvitie i ego social'no-psihologicheskoe sodержanie: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Bishkek, 2000. 38 s.
- Vlasova N. A.* Institucional'nye faktory formirovaniya social'nogo nastroyeniya zhitelej sovremennogo rossijskogo megapolisa : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2014. 24 s.
- Indeksy social'nogo samochuvstviya // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mneniya. URL: wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (data obrashheniya: 05.06.2017).
- Kljuchevskij V. O.* Sochineniya: v 9 t. / pod red. V. L. Janina. T. 3. Kurs russkoj istorii ; poslesl. i komment. sost. V. A. Aleksandrov, V. G. Zimina. M. : Mysl', 1988. 414 s.
- Obshhestvo i vlast'. Rossijskaja provincija. 1917–1980-e gody (po materialam nizhegorodskih arhivov): v 5 t. / In-t Rossijskoj istorii RAN [i dr.] ; redkol. A. A. Kulakov, A. N. Saharov (otv. red.) [i dr.] M. : Nizhnij Novgorod : In-t Rossijskoj istorii RAN, 2007. 661 s.
- Marks K.* Vosemnadcatoe brjumeru Lui Bonaparta / predisl. F. Jengel'sa k 3-mu nem. izd. ; pod obshh. red. V. V. Adoratskogo ; In-t Marksa-Jengel'sa-Lenina pri CK VKP(b). 3-e izd. M. : Part. izd-vo, 1932. 110 s.

- Morev M. V., Kaminskij V. S.* Social'noe nastroyenie: faktory formirovaniya i territorial'nye osobennosti // Problemy razvitiya territorii. 2014. № 4. URL: cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-nastroyenie-faktory-formirovaniya-i-territorialnye-osobennosti (data obrashheniya: 25.12.2018).
- Nadezhkina V. A., Kujbysheva P. M.* Jevoljucija obshhestvenno-politicheskikh nastroyenij rabochih i krest'janstva Orenburgskoj gubernii v gody NJePa (1921–1929 gg.) : monografija / M-vo obrazovaniya i nauki RF, Bashkirskij gos. un-t. Ufa : RIC BashGU, 2010. 147 s.
- Obnovlennaja metodika izmereniya indeksa social'nyh nastroyenij // Analiticheskij Centr Jurija Levady. URL: www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroyenii-isn (data obrashheniya: 05.06.2017).
- Ol'shanskij D. V.* Osnovy politicheskoy psihologii. Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2001. 496 s.
- Plotnikova T. V.* Politicheskoe povedenie v Rossii. Rostov n/D : Izd-vo Rost. un-ta, 2004. 284 s.
- Parygin B. D.* Analiz fenomena i prirody social'nogo nastroyeniya // SOCIS. 1998. № 5. S. 134–138.
- Petuhov V. V.* Pokolenie «nulevyh»: social'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 4. S. 54–62.
- Predtechenskij A. V.* Politicheskie nastroyeniya v Rossii v nachale XIX v. i ih otrazhenie v pravitel'svennoj dejatel'nosti: tezisy k dis. Leningrad : Leningr. gos. un-t, 1941. 7 s.
- Saskudaeva S. O.* Social'noe nastroyenie molodezhi v usloviyah transformacii rossijskogo obshhestva (na primere Respubliki Burjatija): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Ulan-Udje, 2009. 24 s.
- Stanevich A. Ju.* Politicheskie nastroyeniya studentov vuzov Moskvy: sociologicheskij analiz // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2014. Vyp. 2(688). S. 183–192.
- Stanevich A. Ju.* Politicheskoe nastroyenie: genezis i harakteristika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2017. Vyp. 4(788). S. 235–246.
- Stanevich A. Ju.* Politicheskie nastroyeniya rossijskoj molodezhi: sostojanie i osobennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2018. T. 24. № 4. S. 254–272.
- Tokarev S. V.* Politicheskie nastroyeniya naselenija Sovetskoj provincii vo vtoroj polovine 1930-h gg. (na materialah Central'no-Chernozemnogo regiona): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Kursk, 2004. 22 s.

- Social'noe nastroyenie / Zhan Toshhenko, Sergej Harchenko. M. : Academia, 1996. 195 s.
- Toshhenko Zh. T.* Social'noe nastroyenie – fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. № 1. S. 21–34.
- Trofimov D. V.* Social'no-politicheskie nastroyeniya rossijskogo krest'janstva v poreformennyj period 1861–1905 gg.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M., 2005. 29 s.
- Chetverikov A. V.* Osobennosti social'nyh politicheskikh nastroyenij v sovremennykh usloviyakh: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1999. 24 s.
- Jacenko I. N.* Social'noe nastroyenie i samochuvstvie naseleniya malogo severnogo goroda: sociologicheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 23 s.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 2 (835)	Issue 2 (835)

Ответственные за выпуск 2 (835):
доктор исторических наук, профессор А. Я. Касюк

Редактор *М. М. Сингал*
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 09.09.2019
Усл. печ. л. 13,6. Формат 60х90/16
Заказ № 85/19

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология

22.00.00 – Социологические науки

23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Доменное имя сайта: MSLU-SOC.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.